

татарские народные сказки

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Народное творчество (Фольклор)

Татарские народные сказки

«Татарское книжное издательство»

УДК 821.161.1-34
ББК 82

Народное творчество (Фольклор)

Татарские народные сказки / Народное творчество (Фольклор) —
«Татарское книжное издательство»,

ISBN 978-5-298-03935-2

Это наиболее полный сборник сказок татарского народа, изданных когда-либо на русском языке. Он включает в себя следующие разделы: сказки о животных, волшебные и бытовые сказки.

УДК 821.161.1-34
ББК 82

ISBN 978-5-298-03935-2

© Народное творчество (Фольклор)
© Татарское книжное издательство

Содержание

Сказки о животных	15
О мудрой хитрости	15
Петух и лиса	16
Лиса и волк	17
Медведь и лиса	18
Лиса и журавль	20
Медведь, волк и лиса	21
Коварная лиса	22
Лев, волк и лиса	25
Салам-Торхан	26
Лев, лиса и волк	29
Перепел и лиса	30
Старик, медведь и лиса	32
Голодный пес и волк	34
Голый волк	35
Коза и волк	38
Котан Иванныч	40
Кот и медведь	42
Медвежий сын Атылахметгэрей	44
Старуха и медведь	45
Медведь и три сестры	46
Коза и овца	49
Козел и баран	50
Четыре друга	52
Гороховое войско	54
Кот, тигр и человек	56
Храбрый петух	57
Всемогущий петух	59
Соловей	60
Мудрая сова	61
Луна и солнце	62
Волшебные сказки	63
Шахмара – змеиный падишах	63
Зухра	67
Чернокрыл	70
Бедняк и юха-оборотень	73
Рыбак и ифрит	77
Гульчечек	80
Мульталь	83
Падчерица	87
Белый змей	90
Карунбай	93
Зулькарнайн-падишах	96
Рогатый падишах	98
Тан-батыр	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Комментарии

Народное творчество

Татарские народные сказки

© Татарское книжное издательство, 2019

© Замалетдинов Л. Ш., сост., 2019

* * *

Татары – один из самых многочисленных народов нашей страны. По переписи 1979 года их насчитывалось 6 миллионов 317 тысяч человек, по данным Всероссийской переписи 2010 года – 5 миллионов 310 тысяч. По численности они занимали шестое место в СССР и второе – в РСФСР. На втором месте татары и в современной России. В мире представителей татарской национальности около 6 миллионов.

В России и Западной Европе с начала XIII века татарами называли очень многие народности и племена. Позднее в «официальных русских документах название «татары» закрепляется в основном за тюркскими народами, особенно за теми, которые в свое время приняли мусульманскую религию»¹. Такими были и казанцы, которые являлись в своей основе потомками прежних булгар, создавших в IX веке на берегах Волги и Камы государство Булгария, просуществовавшее почти 500 лет².

После Великой Октябрьской социалистической революции за многими народами закрепляются их самоназвания. Только казанские, астраханские, сибирские, крымские и добруджинские (в Румынии) татары свой этноним сохранили до сих пор³.

Хотя этот этноним был навязан булгарам, то есть тюркам Поволжья, национально-колониальной политикой самодержавия⁴, однако «расширение сферы употребления слова татар в известной мере, безусловно, питалось и русской просторечной традицией, для которой все восточное, «бусурманское», непонятное было «татарским»⁵. Это привело к тому, что определенная часть населения, даже некоторые образованные люди, до сих пор придерживаются взгляда, что современные татары являются пришельцами, т. е. их предки пришли с монгольскими завоевателями. Но еще Н. Г. Чернышевский указывал, что «нынешние татары – потомки прежних племен, живших в этих местах до Батыя и покоренных Батыем, как были покорены русские»⁶.

Как подчеркивает профессор А. Х. Халиков, «татары Среднего Поволжья и Приуралья формировались в основном в пределах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья»⁷. Следовательно, современные татары являются потомками того местного оседлого народа, который проживал по соседству с другими народами Волго-Камского края и занимался земледелием, животноводством, торговлей.

В силу известных исторических причин татарский народ в большом количестве переселился из Поволжья в другие края и особенно в Приуралье. Поэтому, когда речь ведется о бул-

¹ Закиев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар // Вопросы татарского языкознания. – Казань, 1978. – с. 58.

² Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1983. – С. 5.

³ Закиев М. З. Указ. соч. – С. 58.

⁴ Каримуллин А. Г. Татарская книга пореформенной России. – Казань, 1983. – С. 5.

⁵ Благова Г. Ф. Вариантные заимствования турок-тюрк и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник, 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 104–105.

⁶ Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения: в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1951. – Т. 3. – с. 245–246.

⁷ Халиков А. Х. Указ. соч. – С. 3.

гаро-татарах, обычно употребляется более объемлющее название «татары Среднего Поволжья и Приуралья».

Настоящий сборник составлен именно из сказок татар Среднего Поволжья и Приуралья⁸ и представляет собой первый объемистый сборник на русском языке, рассчитанный на взрослого читателя. Тексты сказок могут служить также фактическим материалом для научных исследований.

Сказка по-татарски – экият (экият). Среди представителей старшего поколения встречаются и те, кто называет сказку словом «хикэят» (хикэят)⁹ (по-арабски – рассказ, повесть). У сибирских татар сказка носит общетюркское название «йомак», обозначающее у некоторых народов, в том числе и у сибирских татар, и загадку.

Собирание татарских народных сказок началось относительно поздно. Первые печатные сказки (всего восемь текстов) появились в «Татарской хрестоматии» М. Иванова, изданной в 1842 году.¹⁰ Эта хрестоматия подготовлена как учебное пособие для обучения татарскому языку в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, и поэтому паспортные данные сказок, то есть сведения о том, где, когда и от кого записан тот или иной текст, там не приводятся.

К собиранию фольклора сибирских татар много сил приложил академик В. В. Радлов. В 60-х годах XIX века в 19 татарских деревнях Западной Сибири он записал фольклорные произведения различных жанров, которые выпустил в виде отдельного тома¹¹, где помещено и около 40 сказок. Этот том был издан также и на немецком языке¹².

В начале 70-х годов XIX столетия с целью изучения языка казанских татар в Поволжье приезжает венгерский филолог, полиглот Габор Балинт. Произведения народного творчества, которые записывал от крещеных татар в городе Казани, а также в Мамадышском и Лаишевском уездах Казанской губернии, он использовал в своем труде, посвященном изучению языка казанских татар¹³, где приводятся в транскрипции и тексты 34 сказок. Там же помещены их переводы на венгерский язык.

В 1889 году Габдулгаллям Фаизханов выпустил небольшой фольклорный сборник под названием «Хикэят вә мәкаләт» («Рассказы и пословицы»), где помещено и несколько сказок. Этот популярный среди населения сборник за двадцать лет переиздавался пять раз.

В 1899 году финский лингвист Хейкки Паасонен с целью изучения мишарского диалекта татарского языка посетил несколько деревень Бугульминского уезда Самарской губернии (эти деревни теперь входят в Черемшанский район Республики Татарстан и Куйбышевскую область) и записал фольклорные произведения, в том числе и сказки. Однако при жизни самого ученого эти материалы не могли увидеть свет, и только в 1953 году были изданы в виде отдельного сборника¹⁴. Туда включена и 21 сказка.

Первый сборник сказок «Дәфгылькәсәл мин эссаби вә сабият» («Предотвращение лени у мальчиков и девочек»), составленный Таипом Яхиным, вышел в Казани в 1900 году. Там

⁸ В сборник включено также несколько сказок, записанных в Сибири. Сибирские татары живут в Тюменской, Новосибирской, Омской и Томской областях. Язык сибирских татар считается восточным диалектом татарского языка.

⁹ Однако смысл этого термина был гораздо шире: среди печатных текстов, названных хикэят, встречаются, кроме сказок, легенды, предания, народные шутки, притчи, рассказы и другие прозаические произведения.

¹⁰ Татарская хрестоматия, составленная Мартинианом Ивановым. – Казань, 1842. (Второе издание: Оренбург, 1856 – литография.)

¹¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен... Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872.

¹² Die Sprachen der türkischen Stamme Sud-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe von Dr. W. Radloff. I. Abtheilung. Proben der Volksliteratur der türkischen Stamme Sud-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. T. IV. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tumenischen Tataren. St.-Pbg., 1872.

¹³ Balint Gabor. Kazani-tatar nyelvtanulmányok. I. Fuzet. Kazani-tatar szözegek. – Budapest, 1875. (Второе издание: 1877.)

¹⁴ Mischartatarische Volksdichtung, gesammelt von H. Paasonen. Übersetzt und herausgegeben von Eino Karahka. – Helsinki, 1953.

напечатано около 100 текстов, более 80 из которых можно считать сказками и с точки зрения современных требований.

Выдающийся просветитель Каюм Насыри также занимался сбором произведений устного народного творчества. На материале собранных им 11 сказок русский ученый П. А. Поляков написал труд «Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов», который является первым исследованием татарских сказок. Этот труд вместе с текстами сказок и их транскрипцией (выполненной тюркологом Н. Ф. Катановым), а также с переводами на русский язык опубликован в 1900 году.¹⁵ П. А. Поляков исследовал татарские сказки, сопоставляя их с русскими и сказками других народов.

Таким образом, до начала XX века собираются сказки различных этнических групп татарского народа, большая часть собранных материалов публикуется, а также делаются первые шаги в их научном исследовании.

Однако следует заметить, что собиранием сказок казанских татар и вообще татар Среднего Поволжья и Приуралья в конце XIX – начале XX века занимались также В. В. Радлов, А. Г. Бессонов, венгерский ученый И. Кунош. К сожалению, собранные ими сказки до сих пор не изданы. Они хранятся в архивах Санкт-Петербурга, Казани и Будапешта.

Как известно, у казанских татар издавна имела большое распространение рукописная книга. По мере изучения таких книг обнаруживаются и зафиксированные в них народные сказки. Среди сказок часто встречаются тексты, относящиеся к XIX веку, а некоторые (судя по бумаге) – к XVIII и даже XVII векам.

Сборники сказок и исследования, появившиеся уже в XX веке, кроме состоящего из четырех текстов сборника Гали Рахима «Халык экиятләре» («Народные сказки», Казань, 1915), относятся к советскому периоду.

Первый сборник в советское время выпустил на русском языке М. А. Васильев. В этот сборник, изданный в Казани в 1924 году под названием «Памятники татарской народной словесности. Сказки и легенды», включено более 70 текстов, записанных в предреволюционные годы. После каждого произведения приводятся их паспортные данные. Составитель указал также параллели сказок в различных сборниках, составленных русскими и зарубежными учеными. Эта сторона не осталась незамеченной и общественностью. «Чрезвычайно интересная и нужная книжка, – говорится в рецензии к сборнику. – Произведения коллективного творчества национальных меньшинств нам, особенно в школах, мало известны; мало поэтому можно делать и параллелей разных народностей России с великорусской в области художественно-массовых достижений. Свои сказки, легенды мы скорее сравниваем с немецкими, французскими, индусскими, египетскими, чем с народностями нашей же страны... Между тем Восток, Юго-Восток нас должен интересовать: татары, например, в создании русской культурно-бытовой физиономии немало имели значения. Записи же отдельных их произведений появлялись иногда лишь в местной печати, но не для «широкой публики»¹⁶.

К сожалению, это благородное дело, начатое М. А. Васильевым, не было продолжено в последующий период.

В 1940 году появился сборник «Халык экиятләре» («Народные сказки»), составленный писателем Г. Башировым из материалов, собственноручно записанных им от мастеров-сказителей. Около 40 сказок и народных шуток сгруппировано в нем по сказителям. Сборник снабжен вступительной статьей составителя о сказках и сказочниках.

Открытие в конце 1939 года в Казани Татарского НИИ языка и литературы (теперь Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ) ознаменовало новый этап

¹⁵ Насыров А. К., Поляков П. А. Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Т. XVI. – Казань, 1900.

¹⁶ Родной язык в школе: научно-педагогический сборник / под ред. А. М. Лебедева и В. Ф. Переверзева. Сборник 10-й. – М.; Л., 1926. – С. 124.

в исследовании устно-поэтического творчества татарского народа, в частности в изучении сказок. С этого времени систематически организуются фольклорные экспедиции. В 1946 и 1956 годах вышло в свет научное издание народных сказок в двух книгах¹⁷ (составители Г. Баширов и Х. Ярмухаметов). Публикациям сказок отводилось значительное место и в сборниках антологического характера¹⁸.

В 1962 году отдельной книгой изданы сатирические сказки (составитель Э. Касимов)¹⁹.

Появились научные исследования сказок Х. Ярмухаметова, Э. Касимова, Ф. Ахметовой и др.

Институтом был подготовлен и издан 12-томный свод татарского народного творчества (1977–1988), три тома которого отведены сказкам²⁰. В три книги общим объемом около 90 печатных листов вошли 313 сказок. Из них почти половина опубликована впервые. В этих книгах кроме текстов даются вступительные статьи по каждой разновидности жанра, в комментариях указываются все варианты той или иной сказки, а также параллели из репертуара других народов. Каждая книга завершается типологическим анализом сюжетов, выполненным на основе международных указателей.

Первые публикации татарских сказок на русском языке появляются в последней четверти XIX века. В статье Р. Г. Игнатьева²¹, напечатанной в 1875 году, есть пересказы нескольких сказок.

Достойны внимания две сказки с переводами, которые имеются в сообщении В. Н. Витевского²² на IV археологическом съезде, состоявшемся в 1877 году. Ценность этих сказок состоит в том, что они записаны непосредственно от народа, из уст нагайбаков – крещеных татар, ведущих свое происхождение от казанских татар, что и доказывается автором данного сообщения. Один из вариантов известной нам сказки о козле и баране, которые уstraшают волков найденной по дороге головой мертвого волка, первый раз увидел свет именно благодаря В. Н. Витевскому.

В своей книге «Материалы к изучению казанско-татарского наречия»²³ Н. Ф. Катанов поместил переводы сказок из сборника Г. Фаизханова (все 12 текстов) и перевод одной сказки из сборника Г. Балинта.

В дальнейшем появляются вышеуказанные переводы П. А. Полякова (11 сказок) и его исследование. В самом исследовании приводится перевод еще одной сказки из сборника В. В. Радлова.

Этим и исчерпываются публикации переводов татарских народных сказок в дооктябрьский период.

Характерная особенность дореволюционных переводов сказок состоит в том, что они все были опубликованы в научных изданиях. Появившийся уже в советское время в виде

¹⁷ Татар халык әкиятләре (беренче китап) / төз.: Г. Разин [Г. Бәширов] һәм Х. Ярми. – Казан, 1946; (дополненное второе издание, 1958); Татар халык әкиятләре (икенче китап) / төз.: Г. Бәширов һәм Х. Ярми. – Казан, 1956.

¹⁸ Халык ижаты / төз.: Х. Ярми, А. Әхмәт. – Казан, 1938; Халык ижаты / төз.: Х. Ярми, А. Әхмәт. – Казан, 1940; Татар халык ижаты / төз.: Г. Бәширов, А. Шамов, Х. Ярми һәм Х. Усманов. – Казан, 1951; Татар халык ижаты / төз.: Г. Бәширов, А. Шамов, Х. Ярми һәм Х. Госман (икенче басма). – Казан, 1954.

¹⁹ Абага чәчәге. Татар халкының сатирик әкиятләре / төз. Э. Касыймов. – Казан, 1962.

²⁰ Татар халык ижаты. Әкиятләр (беренче китап) / томны төз., иск. эзер.: Гатина Х. Х., Ярми Х. Х. – Казан, 1977; Татар халык ижаты. Әкиятләр (икенче китап) / томны төз., иск. эзер.: Гатина Х. Х., Ярми Х. Х. – Казан, 1978; Татар халык ижаты. Әкиятләр (өченче китап) / томны төз., кереш мәкаләне язучы, иск. эзер. Жамалетдинов Л. Ш. – Казан, 1981.

²¹ Игнатьев Р. Г. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и в устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края // Записки Оренбургского отдела императорского русского географического общества. – Вып. III. – Оренбург, 1875. – С. 183–236.

²² Витевский В. Н. Сказки, загадки и песни нагайбеков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды четвертого Археологического съезда. Том II. – Казань, 1891. – С. 257–280.

²³ Катанов Н. Ф. Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Часть вторая. Русский перевод образцов книжной и устной литературы казанских татар. – Казань, 1898.

отдельной книги сборник М. А. Васильева, несмотря на научные принципы его издания, в то же время был предназначен и для широкого круга читателей. «Книга имеет... научный интерес для фольклориста, школьный – для преподавателя, наконец, прекрасное чтение для детей младшего и среднего возраста, – говорится в упомянутой выше рецензии к сборнику. – ...И каждый читатель не обойдет этой книги, если он любит массовое творчество... Данный сборник следует приветствовать. Будем ждать аналогичных сборников и других народностей России»²⁴. Благодаря этой книге русский читатель, а через русский язык и другие народы впервые получили возможность ознакомиться с татарскими сказками, хотя тираж сборника был сравнительно невелик – всего 3 тысячи экземпляров.

Но последующие переводы сказок начали издаваться только в 1950-е годы. Сборники под названиями «Гульчечек» (М.: Л., 1952; Казань, 1953, 1956), «Находчивый джигит» (М., 1964), «Татарские народные сказки» (Казань, 1957, 1970; М., 1957, 1976), над составлением которых трудились Г. Баширов и Х. Ярмухаметов, были тепло приняты читателями. Они переведены на многие языки народов СССР (армянский, казахский, украинский, туркменский, азербайджанский, литовский, молдавский, узбекский и др.), а также на китайский, словенский, венгерский и др.

Среди этих сборников наиболее полным является издание 1970 года. Он состоит из 45 текстов объемом 16 печатных листов. Многие сказки переведены известными мастерами перевода Г. Шариповой и М. Булатовым.

Надо отметить, что все эти издания (большинство текстов в них повторялось) были адресованы детям. Поэтому некоторые сказки несколько обработаны и изменены при переводе. Для данной книги такие тексты переводились заново по оригиналам.

Что касается неизданных русских переводов татарских сказок (например, переводы А. Г. Бессонова, М. А. Васильева и др.), то они в виде как отдельных экземпляров, так и целых коллекций находятся в архивах Казани, Москвы и Санкт-Петербурга. Доведение их до народа остается одной из предстоящих задач фольклористов.

Настоящая книга составлена из сказок, уже опубликованных на татарском языке. Разделены они, как обычно принято в подобных сборниках, на три группы, соответствующие разновидностям жанра: сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказки, хотя некоторые произведения не всегда вменяются в рамки этих трех групп.

Сказки о животных. В составе татарских народных сказок таких немного. Судя по количеству записей, они составляют примерно 8 процентов всего сказочного репертуара. К тому же и объем их невелик.

Основные герои этих произведений – дикие и домашние животные и птицы. Особенно распространены сюжеты сказок «Салам-Торхан», «Старик, Медведь и Лиса», «Котан Иваныч», «Голый Волк», «Лиса и Журавль», «Коза и Овца».

Среди персонажей в данной разновидности сказок наибольшей популярностью пользуется Лиса. Она участвует более чем в половине подобных произведений, чуть меньше участвуют Медведь и Волк. Другие дикие животные и птицы (Заяц, Лев, Тигр, Барсук, Кабан, Крот, Жаба, Журавль, Дятел, Перепел, Сова, Филин, Воробей, Синица, Кукушка, Ворона и др.) встречаются намного реже.

Образ Лисы двоякий. Если в большинстве сказок она коварный и хитрый хищник, который добывается своего обманом и лестью, то в некоторых это умное, находчивое и ловкое животное («Всемогущий Петух», «Старик, Медведь и Лиса», «Салам-Торхан»).

Медведь и Волк, наоборот, глупые, трусливые. Очень часто их кто-то обманывает, они со страха убегают или бывают убиты.

²⁴ Родной язык в школе. – С. 124.

Лев и Тигр в сказках изображаются как самые сильные животные и олицетворяют образ свирепого тирана. Они властвуют над всеми животными.

Многие сказки о животных, созданные в условиях социального неравенства, отражают взаимоотношения между разными слоями и классами общества. Они, как правило, приобретают сатирический характер.

В сказках о животных аллегорически критикуются общечеловеческие недостатки. В этих случаях повадки животных используются для обличения пороков, встречающихся в людях («Гороховое войско», «Медведь и Лиса» и др.). В подобных произведениях преобладают юмор, ирония.

Если по характеру конфликта сказки о животных, таким образом, разделяются на две группы, то по составу персонажей их можно подразделить на три группы: 1) сказки, где персонажами являются дикие животные; 2) домашние животные; 3) дикие и домашние животные.

Сказки о животных можно подразделить также по наличию в них образа человека.

Человек участвует в 3/4 этих сказок. Однако участие его проявляется в сказках по-разному: в некоторых о нем просто упоминается или сообщается о его действии, то есть человек появляется эпизодически; а в некоторых произведениях, будучи одним из основных персонажей, человек участвует от начала до конца.

В том случае, если человек фигурирует в начальной части, его роль ограничивается выполнением экспозиционной функции («Козел и Баран», «Храбрый Петух» и др.). Если же он появляется в конце сказки, то значение этого персонажа возрастает: он занимает центральное место в развязке основного конфликта и такие сказки завершаются решающим действием человека («Лиса и Волк», «Голый Волк» и др.).

Среди сказок о животных есть и такие, которые целиком посвящены демонстрации силы человека. В подобных произведениях человек – основной персонаж и в столкновении с животными он одерживает победу («Кот, Тигр и Человек», «Старик, Медведь и Лиса» и др.).

Однако не во всех сказках человек изображается победителем. Например, в сказке «Всемогущий Петух», основанной на классовом конфликте, животные убивают богача и его семью. Здесь человек, как личность враждебная, терпит поражение.

В настоящее время многие сказки о животных бытуют в основном в детской аудитории.

Волшебные сказки. Судя по количеству записей, они составляют 46 процентов татарских сказок. И объем у них сравнительно большой.

Среди волшебных сказок особо выделяются сказки о богатырях. Основанные на былинах и легендах произведения мифологического характера, а также некоторые фантастические произведения, основанные на вольном воображении, тоже причисляются к волшебным сказкам.

Разумеется, большую часть этой разновидности сказок составляют собственно волшебные сказки.

В центре волшебной сказки – образ идеального героя. В подавляющем большинстве случаев это младший брат. Изображение в качестве главного героя старшего брата – явление исключительное. Младший брат часто изображается плешивым (таз), не подающим никаких надежд, обиженным старшими братьями и с прозвищем «дурак». Однако младший брат добивается того, чего не могут добиться старшие, женится на падишахской дочери и становится падишахом.

В волшебных сказках значительное место занимают мифологические персонажи.

В каждой четвертой сказке есть образ дива (дию). Див живет вдали от народа, за горой Каф, на горе, под водой или, чаще всего, под землей. Он обычно похищает дочерей падишаха и превращает их в своих жен. Однако, где бы он ни находился, герой сказки джигит-богатырь, преодолевая невероятные трудности, проникает в его владения. Убив дива, он освобождает девушку и, как правило, на ней женится.

Див изображается, следовательно, как враждебная человеку сила. Однако, хотя очень редко, встречаются и дивы добрые, помогающие человеку.

В каждой пятой волшебной сказке действует, наподобие русской Бабы-яги, старуха-ведьма (убырлы карчык²⁵). В некоторых сказках она называется старухой-колдуньей (сихерче карчык), старухой-обжорой (жалмавыз).

Старуха-ведьма, живущая обычно в лесу в маленьком доме, вредит человеку, она проглатывает людей, сосет их кровь, приносит другие несчастья. Герою сказки приходится приложить немало сил, чтобы уничтожить ее или заставить подчиниться.

Вместе с тем сохранились в некоторых сказках древние сюжеты, где старуха-ведьма изображается с положительной стороны, помогающей людям.

В каждой восьмой волшебной сказке встречается образ змея (елан).

У многих народов змей изображается как ярый враг человека и сюжеты о змееборстве в сказках занимают значительное место. В татарских сказках эпизоды борьбы со змеем довольно редкое явление. Очень часто в них змей – положительный тип, выступающий в функции помощника или дарителя.

В сюжетах же, связанных у многих народов со змееборством, в татарских сказках фигурируют див и дракон – аждаха (аждаһа).

Аждаха встречается примерно в каждой десятой сказке. Он представляется в виде огромного одно- или многоголового змея, вступающего в схватку с героем сказки.

В волшебных сказках есть еще один персонаж из «змееобразных». Это юха, которая упоминается лишь в нескольких сказках. По поверьям татар, змей, дожив до ста лет, превращается в аждаху, а дожив до тысячи лет – в юху.

Юха – враг человека. Она не действует открыто, как, например, аждаха. Вначале, превратившись в красивую девушку (иногда в красивого юношу), вступает в брачную связь с человеком, после чего тот человек постепенно чахнет. Только своевременное обнаружение и уничтожение юхи спасает героя сказки от гибели.

В волшебных сказках кроме этих есть и другие враждебные герою мифологические персонажи: ростом в одну пядь, а борода в пять пядей (үзе бер карыш, сакалы биш карыш); ифрит (гыйфрит); джинн (жен); пэри (пэри) и другие.

Из людей в качестве антипода героя часто выступают падишах (патша, падиша), визирь (вэзир) и старшие братья (абыллар).

Такие персонажи волшебных сказок, как чудесный конь (ат), голубь (күгәрчен), золотая рыба (алтын балык), белый волк (ак бүре), птица Семруг (Сэмруг кош) и другие, обычно изображаются как положительные, помогающие герою.

Бытовые сказки. По количеству записей они составляют 46 процентов всего сказочного репертуара. Основанные на социальном и бытовом конфликте, эти сказки наиболее близки к реальной действительности.

По своей тематике бытовые сказки очень разнообразны. Среди них есть произведения о мудрых людях, неверных и верных женах, богачах и работниках, муллах, ловких ворах и пр.

В репертуаре татарского народа очень популярны сюжеты сказок «Байдек», «Алдар и мулла», «Шомбай», «Пригожая Хадича», «Обезрученная», «Девять тукулдыков и один Мимылдык», «Мулла в западне», «Хитрый охотник», «Ремесло выручит», «Победитель дивов» и др.

Бытовые сказки можно подразделить на четыре группы: назидательные, авантюрные, сатирические и юмористические. Конечно, эти названия весьма условны.

К группе назидательных относятся сказки, мораль которых особенно ярко выражена. Это сказки о правде и лжи, мудрых советах, мудрых ответах, завещаниях и т. д. К числу назидатель-

²⁵ Буквально: старуха, вселившая в себя упыря.

ных принадлежит и часть притч вследствие необособленности этого жанра в самостоятельный в татарской фольклористике.

Группу авантюрных сказок составляют в основном истории об оклеветанных женщинах, верных женах, ловких ворах и разбойниках.

Большинство бытовых сказок представлено сатирической и юмористической группами.

В сатирических сказках изобличаются представители правящих сил и духовенства. В них трудовой человек одерживает победу, превосходя их умом и находчивостью. Это же видим мы и в сказках о глупом черте.

В сатирических и юмористических сказках высмеиваются также общечеловеческие пороки: лень, супружеская неверность, трусость, бахвальство, жадность, глупость и т. д.

Смех в этих сказках отличается тем, что в сатирических он язвительный, наступательный, а в юмористических – мягче, добродушнее.

Сказки-небылицы, которыми завершается эта книга, являются особой разновидностью сатирико-юмористических сказок.

Вот и все три разновидности жанра, о которых мы говорили выше. В данной книге сказок бытовых и особенно сказок о животных, в силу сравнительно небольшого их объема, помещено больше, чем волшебных.

Читатель, к какой бы нации он ни принадлежал, в татарских сказках встретит довольно много хорошо знакомых ему сюжетов. Это естественно. Общих мотивов и сюжетов в сказках самых разных народов очень много, и они в большей своей части относятся к типологической общности, то есть той общности, которая возникла у народов самостоятельно по причине тождественности бытовых или психологических условий на первых этапах развития человечества²⁶. Общность в сказках может быть также обусловлена генетическими (у родственных народов) и контактными связями. К тому же в фольклоре существуют особенности, присущие только той или иной местности, определенному географическому региону. Среднее Поволжье и Приуралье, где проживает татарский народ, – край многонациональный. Поэтому уместно будет сказать здесь несколько слов именно о региональной общности в сказках различных народов края.

Когда речь идет об общностях определенного региона, особенно проявляются те из них, которые сложились в результате взаимосвязей, взаимного обмена духовными ценностями народов.

По исследованиям жанра видно, что для устного творчества народов региона Поволжья и Урала характерно влияние русского фольклора. При наличии явных признаков установить факты заимствования значительно легче. К таковым можно отнести, например, татарскую сказку «Котан Иваныч», основанную на сюжете под названием «Кот и дикие животные», где главным героем является кот – Котофей Иванович, заимствование которого из русского фольклора очевидно. По утверждению Л. Г. Барага, оттуда же перешли сказки с этим сюжетом и к другим народам региона²⁷.

О взаимовлиянии татарского и русского фольклора в области сказок о животных говорилось и в указанном выше исследовании П. А. Полякова, где автор приходит к выводу, что некоторые сказки, общие для русского и татарского фольклора, проникли в русскую аудиторию с Востока «от или через посредство тюркских племен, вообще оказывавших и оказывающих такое сильное влияние на язык, нравы и самые верования русского народа»²⁸.

²⁶ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л., 1940. – С. 500.

²⁷ Бараг Л. Г. К сравнительному изучению сюжетного репертуара татарских сказок о животных // Фольклор народов РСФСР: межвузовский научный сборник. – Уфа, 1978. – С. 116.

²⁸ Насыров А. К., Поляков П. А. Указ. соч. – С. 96.

В частности, автор детально сопоставляет татарскую сказку «Салам-Торхан» с русскими сказками «Козьма Скоробогатый», «Бухтан Бухтанович» и заключает, что «татарская редакция этой сказки остается первоосновой, из которой развились подобные же сказания у других племен и народов»²⁹.

Исследование П. А. Полякова, хотя оно основано на принципах «школы заимствования», не потеряло своего значения и по сей день. Например, К. Горалек, исследуя восточное влияние на сказочную традицию балканских народов, обратил внимание на характерные общие особенности некоторых болгарских, румынских и турецких вариантов ряда сюжетов, в том числе и сюжета «Кот в сапогах» (лежащего в основе вышеназванных сказок), «которые не имеют близких соответствий в западнославянских и западноевропейских вариантах этих сюжетов, но довольно близко напоминают русские, украинские и белорусские фольклорные тексты»³⁰, то есть сказки тех народов, которые имели непосредственные связи с тюркскими народами.

Известно, что заимствованный сюжет изменяется, перерабатывается в соответствии со сказочной традицией заимствующего народа и становится уже своим. Это отмечал в свое время и В. Г. Белинский. «Русский человек, – писал он, – выслушав от татарина сказку, рассказывал ее потом совершенно по-русски, так что из его уст она выходила запечатленной русскими понятиями, русским взглядом на вещи и русскими выражениями»³¹.

Интересные результаты можно ожидать также от глубокого изучения взаимосвязи сказок тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Урала, т. к. непосредственные контакты между этими народами восходят к древнейшим временам. Например, распространенный у татар сюжет волшебной сказки «Мульталь» имеется также у башкир, мари, мордвы и удмуртов. Значит, этот сюжет является общим для сказочного эпоса народов Поволжья и Урала.

Региональные общности особенно ярко проявляются в бытовых сказках. Например, к татарской сказке «Кому трудней?», приведенной в этой книге, мы можем найти параллели у многих народов Поволжья и Приуралья (например, русских, мордвы, чувашей, удмуртов). Широко распространены также у народов региона бытовые сказки с теми сюжетами, на которых основаны сказки «Находчивый Шомбай», «Ворона-вещунья», «Плут Тимер», «Алдар», «Победитель дивов», «Ремесло выручит» и другие.

Можно назвать целый ряд других общностей, присущих сказкам народов Поволжья и Приуралья. Однако и приведенные примеры достаточно ярко показывают, что сказка и ее мотивы интернациональны, как это единодушно признается исследователями.

Разумеется, в данной книге помещена лишь часть материала из обширного фонда татарских сказок. Однако, думается, она все же даст достаточно верное представление о сказочном репертуаре татарского народа и в какой-то мере удовлетворит потребности читателей – любителей фольклора.

Итак, давайте отправимся в чудесный сказочный мир, созданный великолепной фантазией татарского народа.

Ленар Замалетдинов

²⁹ Насыров А. К., Поляков П. А. Указ. соч. – С. 81.

³⁰ Цитируется по: Бараг Л. Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. Вып. I. – Уфа, 1974. – С. 71–72.

³¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. – Т. V. – С. 660.

Сказки о животных

О мудрой хитрости

Однажды храбрый Петух отправился будто бы за село поразвлечься. Там он забрался на какую-то стену, огляделся окрест, повеселел, взмахнул крыльями и закукарекал. А в тех местах Лиса жила. Услыхала она Петуха, обрадовалась: «Видно, сам Аллах послал мне его!» – и прибежала к стене.

Петух увидел ее и спрашивает:

– Чего тебе, рыжая? По какому ты делу?

Отвечает Лиса:

– Возвращаюсь я из города. Услыхала твой приятный голосок и свернула сюда, чтобы понаслаждаться твоим пением. А еще узнала я в городе одну новость и хочу с тобою поделиться.

Петух говорит:

– Ну, рассказывай, что за новость.

Продолжает Лиса:

– На днях падишах издал указ. Он гласит: «Пусть все подданные в моих владениях будут друзьями, живут в мире, не держат в душе зла. Пусть сильный не трогает слабого, пусть лев не отрывает голову страусу, пусть собака не дерет лисью шубу, пусть лиса не душит кур, пусть коршун не нападает на воробья, пусть вместе живут волки и овцы, ястребы и голуби...». Вот так приказал владыка. А коль так, то пусть и между нами не будет вражды. Петух, дружище, спускайся ко мне, пройдемся с тобой в обнимку, пусть все увидят, как мы выполняем указ падишаха.

А Петух будто бы не обращает на Лису внимания, в другую сторону смотрит.

Лиса опять за свое:

– Эй, Петух, ты что, не слышишь меня или не согласен с указом падишаха?

Петух отвечает:

– Да погоди!.. Кто-то бежит сюда из села, длинноухий, с хвостом и облезлый. Вот я и думаю, кто бы это мог быть?..

Лиса услышала такое, встревожилась не на шутку, стала искать, где бы спрятаться.

Петух ей:

– Ты чего засуетилась? Обожди, пусть длинноухий подойдет сюда, посмотрим, что за зверь.

– Судя по всему, это собака. А у меня нет большого желания с ней встречаться. Чего доброго, изорвет мне шубу.

Петух удивляется:

– Как? Ты ведь говорила, падишах издал указ не враждовать. А если так, то зачем собаке трогать нас?

А Лиса в ответ:

– Так-то оно так. Но лучше не показываться ей на глаза. Может быть, она и не знает о том указе, – и убежала, говорят, рыжая, только хвост мелькнул.

Так Петух и спасся от злого умысла, ответив Лисе на хитрость хитростью.

Петух и лиса

Как-то Лиса проходила мимо дерева и видит: сидит на вершине Петух. Говорит ему Лиса:

– Эй, друг, может, спустишься вниз? Помолились бы вместе.

Петух отвечает:

– Там за деревом спит мулла-имам, разбуди-ка его!

Лиса взглянула и видит: лежит за деревом собака. Испугалась и бежать.

А Петух вслед кричит:

– Куда ты? Давай помолимся вместе!

Лиса в ответ:

– Подожди немного. Я вернусь. Забыла омовение совершить, – махнула хвостом и была такова.

Лиса и волк

Однажды у речушки, текущей вдоль деревни, Лиса ходила. Время как раз после захода солнца, когда зимние сумерки стгущаются на глазах. Лиса была голодная и в надежде поживиться пошла в деревню. Хочет хитрюга в курятник забраться и там без труда ужин раздобыть...

С такими думами пошла она по речке и увидела вдруг небольшую прорубь. Из воды тянулась тонкая веревка прямо на берег в заросли тальника. Тут Лисица взялась зубками за веревочку и стала тянуть полегонечку, так и вынула потихонечку полную сеть рыбы.

Быстренько рыжая ниточки порвала, добычу всю достала и одну за другой рыбу к стогу перетаскала. На самой верхушке ужин разложила, что смекалкой и умом добыла, поудобнее устроилась и стала покусывать рыбку да причмокивать.

В это время неподалеку голодный Волк бродил – искал, чем поживиться. И вдруг прямо ему в нос слабый ветерок рыбный запах донес. Встрепенулся Волк и побрел туда, куда тянул его чуткий нюх. Увидел Лису, лежащую на стогу за царским ужином, и молвил сладко:

– Здравствуй, дружище, как дела?

– Ням, ням... Нямчего, ням жалуюсь...

– Ты там, кажись, что-то вкусное ешь... Запах по всему свету разошелся. – Волк проглотил полный рот слюны, облизал жадно губы.

– Я-то? Я кушаю беляши^[1] рыбные, на масле печеные, – лукавит Лиса.

«Ну и везет же хитрюге», – подумал серый, и глаза его зажглись недобрым огнем. Захотелось тут ему проглотить рыжую целиком, с ее полным рыбой животом.

Лиса это заметила и, не будь дурой, скорее начала бирюку зубы заговаривать:

– Братец ты мой, кум дорогой, если бы ты знал, сколько я труда и терпения приложила, прежде чем нажила богатство такое. Но я всегда готова с тобой поделиться и последним куском.

И лукавая, так сказав, стала вниз кидать кости да рыбы хвосты. Волк, даже не жуя, глотал все разом – видать, от жадности у него помутился разум. А Лиса говорит:

– Если хочешь, я могу и тебя научить рыбу ловить.

– Будь так добра, Лисичка, научи, сестричка, а то я с голоду помру, – умоляет серый.

Лиса тут хитро улыбнулась, лукаво так прищурилась и начала плести:

– Слушай крепко, запоминай точно. Тут на речке недалече есть прорубь одна, а рыбы там тьма. Засунешь хвост в воду, а рыбки к нему так и прилипают, так и прицепляются. Сиди тихонько, не шевелехонько, а не то спугнешь добычу. Чем дольше просидишь – тем больше вытащишь.

Волк прибежал к проруби, опустил в воду хвост на всю длину и замер. Сидел он, сидел, боясь шелохнуться. Много времени прошло. И вот решил уже вытащить свой хвост, да никак. «Слишком долго сидел, рыбы много прицепилось...» – думает он. А хвост-то примерз!

Утром женщины пришли за водой. Увидев Волка, сообщили мужикам своим. Вместе с другими прибежал и тот мужик, что сеть поставил. Так он угостил Волка пешней – Волк и концы отдал. Его шкуру мужик содрал и на базаре продал.

А Лиса за всем этим наблюдала с верхушки стога и очень смеялась. До сих пор, говорят, ходит и посмеивается над глупым Волком.

Медведь и лиса

Давным-давно в одном лесу Медведь с Лисой жили и, говорят, дружили. Прошло много лет, еще один год – постарел Медведь и занемог. А был у них большой припас: по кадке меда и масла. Это добро у них далеко было запрятано: решено было его есть вместе, когда состарятся.

В одно прекрасное утро встает Лиса и тайком уходит. Целый день ждал куму хворый Медведь, а ее все нет. Лишь поздно вечером возвратилась она.

- А где, кума, так долго была? – спрашивает Медведь.
- У моего друга жена родила, и ходила я в деревню младенцу имя дать.
- Кого Бог дал – сына или дочь?
- Сын родился.
- И как же ты назвала его?
- Початочек!
- Ну а мне гостинцев ты не принесла?
- Не было на столе ничего такого жирного, что бы тебе понравилось.
- Э-эх, кума, кума, – вздыхает Медведь. – Ты, конечно, сыта, а мне-то каково?

Идет тогда Лиса и поблизости да по окрестности собирает объедки всякие и Медведю несет. А что Медведю остается делать – грызет бедняга.

В один прекрасный день встает Лиса опять с первыми петухами и на цыпочках выбирается на волю. И в этот раз направилась прямехонько к меду-маслу, нализалась досыта и к вечеру домой пришла.

- Здравствуй, друг Медведь, здоров ли был?
- Неможется, кума... А ты сама где ходила весь божий день?
- В гостях была, – отвечает Лиса.
- У кого?
- У друга моего жена родила, и ходила я в деревню младенцу имя дать.
- Ай-ай, везет же тебе... А что ж меня с собою не взяла?
- Они ведь, кум, меня лично пригласили! Как же ты придешь незванным гостем?
- Хорошо, что ли, потчевали-то?
- Очень славно, угощали сладко.
- А кого ж Бог дал, сына или дочь?
- Сын родился.
- И как назвали?
- Середышек.
- Славное имя. Вот только жаль, что ничегошеньки ты не принесла.
- Да как же, кум, можно? Полон дом гостей, и детей у них много...

Сказав так, кума улеглась и заснула. А Медведь голодный, живот пустой, как барабан. Лиса отдохнула часок-другой, затем собрала поблизости да по окрестности всякие отбросы да огрызки. А что Медведю остается делать? Сам-то хворый – и тому доволен.

Через неделю-другую Лиса опять с утра пропала, мед с маслом долизала, домой вернулась.

- Где была?
- В гостях.
- У кого?
- У моего друга жена родила. Вот я и ходила в деревню младенцу имя дать.
- Что судьба дала, сына или дочь? И как назвала?
- Сына. Поскребышком будет имя.
- А мне ничего не принесла? – чуть не плачет Медведь.

– Вот, немного дали гостинцев. «Пусть не обижаются, что мало», – они говорят.

Лиса на этот раз принесла куму черствого хлеба, тоненько намазанного медом-маслом.

– Спасибо, что вспомнили, – сказал Медведь. – Пусть их дети будут счастливы!

Лиса долго так гуляла, не зная горя, а наш Медведь от худой жизни совсем ослаб. И однажды перед сном говорит Лисе:

– Кума, ведь есть у нас большой запас, который на черный день припрятан. Придется его затронуть. Иначе я ноги протяну.

– Ладно, – говорит Лиса. – Сходим. Завтра и пойдем.

Утром встают они и к тайнику идут. Смотрят – пустые кадки, ветер в них гуляет.

– Эх, кума, каждый божий день ты где-то пропадала, видать, твоя работа, – говорит Медведь, разозлившись на Лису.

– Нет, я не ела, – отвечает Лиса не моргнув глазом. – А может быть, это ты, когда я в гостях была, все сам съел?!

– Да как я мог, кума? Знаешь сама – хворый лежу, – говорит Медведь.

– Ладно, ладно, не будем спорить, давай проверим. Ляжем вот здесь на солнышке и будем ждать. У кого на животе вытопится мед и масло – тот и виноват.

Лиса и Медведь легли рядышком, выставив животы на солнце. Разморило Медведя, и он заснул. А Лисица не спит. Встала она тихонько, наскребла меда-масла с донышек и намазала куму на живот.

– Вставай, Медведь, хитрец ты эдакий! Говорила я, что ты съел мед и масло, – и правда! Вон на животе все вытопилось!

Сказав так, Лиса убежала – бросила больного друга.

Лиса и журавль

Говорят, когда-то Лиса и Журавль были друзьями. Ходили друг к другу в гости. Первой Журавля пригласила Лиса. Сварила пшеничную кашу и размазала ее по тарелке.

– Угощайся, дорогой, – потчует она.

А Журавль клюет-клюет, да ни одно зернышко в клюв не попадает. Так сама Лиса всю кашу и вылизала. И сказал тогда Журавль:

– Лиса, голубушка, ты угостила меня, теперь черед за мной. Приходи, как позову.

Приготовил, говорят, Журавль молочный суп с клецками и пригласил Лису. Пришла Лиса, и сели они обедать. Журавль подал суп в пахталке. Лиса, как ни старается, достает только бульон, а клецки со дна подбирает длинным клювом Журавль. И сказал он на прощание:

– Лиса, голубушка, ты меня угостила – я тебя угостил. Не обессудь. Каков привет, таков и ответ!

Медведь, волк и лиса

Однажды Медведь, Волк и Лиса собрались вместе обсудить свою жизнь. «Нам, – говорят, – надо совершить хадж – посетить места святые, чтобы раскаяться во всех грехах, очистить душу. И жить отныне только на честный труд, никого не обижать». На том и порешили.

Отправились они в путь. Встретился им Верблюд и спросил:

– Куда это вы, друзья, идете?

– Мы теперь паломники. Отныне никого не будем трогать.

– Доброе дело вы затеяли. Возьмите меня тоже, – просит Верблюд.

Пошли они дальше все вместе. Шли так несколько дней. Верблюд идет себе, пощипывая травку. Не грех ведь травку-то рвать! А Медведь, Волк и Лиса чем дальше идут, тем труднее для них путь: животы все сильнее сводит.

Кругленькое пузо Верблюда все больше раздражало зверей. «Он один сытый идет, давай-ка мы его за это уьем», – договорились они. Набросились втроем и заломали тут же. Зарезав скотину, Медведь вынул ее внутренности и сказал:

– Я на речку пойду, промою все это, а вы ждите меня, ничего не трогайте.

Как только он ушел, Лиса стала подговаривать Волка:

– Давай съедим у Верблюда почки. Не бойся, я сама отвечу косолапому. Как спросит он, где почки, ты сразу посмотри на меня.

Медведь вернулся и стал проверять, все ли цело.

– Где почки Верблюда, куда девались?

Тут Волк обернулся и на Лису глядит. А Лиса:

– А что ты на меня уставился? Сам сожрал почки, а теперь на других смотришь! Говорила я тебе: «Не ешь, Медведь заругает».

Волк не успел рта раскрыть, как Медведь с ревом кинулся на него, и вскоре они скрылись из виду. Лиса же а ну-ко скорей перетаскивать куски мяса в камыши.

Вернулся Медведь из погони запыхавшийся. Глядит – на месте туши верблюда сидит плачет и причитает Лиса.

– Что тут такое еще случилось? Мясо где?

– Орел прилетел и тушу унес. Вот я и плачу.

Разозлился Медведь, в сердцах махнул рукой: «С вами кашу не сварить!» – и пошел восвояси. А хитрая Лиса долго кормилась в камышах спрятанным мясом и смеялась над глупыми товарищами. До сих пор, говорят, ходит и посмеивается.

Коварная лиса

Однажды весной подружились промеж собой Лиса, Барсук, Волк, Верблюд и Лошадь. И жили вместе привольно и сыто на зеленой поляне целое лето. Наступила осень, дожди пошли, холодные ветра стали задувать. Барсук, Лиса и Волк – втроем – сговорились зарезать травоядных друзей. Лиса Верблюду так сказала:

– Друг ты наш милый, ненаглядный, трудно тебе будет в голодную зиму выжить. Чем видеть твои страдания, мы лучше зарежем тебя.

– Правильно говоришь. Зарежем того, кто всех моложе.

Собралась тут вся компания и стала судить, кто есть самый молодой.

– Я наиболее старый среди вас, – сказал Верблюд. – Аллах меня сотворил вместе с Адамом.

Лиса сказала:

– А я в лодке пророка Ноя обучала детей всяким наукам. Я учительница.

Волк сказал:

– А я ту лодку сторожил. Никого не подпускал к лодке пророка.

Барсук заявил:

– Я доктор. Я в той лодке людей лечил. Жир у меня целебный.

Только Лошадь молчит – ничего не говорит. Спросили ее:

– Тебе сколько лет?

– У меня о том расписка есть, там написано. Пусть Лиса прочтет. Она же учительница.

– А где же она, расписка-то?

– Под копытом, – сказала Лошадь.

Лиса говорит Волку:

– Подержи-ка ее ногу, я прочитаю.

Волк подошел к Лошади и хотел было приподнять ее заднюю ногу, но та, не будь душой, лягнула серого, тот и отлетел.

– Узнали теперь, сколько мне лет? – заржала Лошадь и прочь ускакала.

Остались они жить вчетвером. День за днем все холоднее становится.

Говорит Барсук Верблюду:

– Зима, видать, будет морозная. Не мучай ты себя, давай лучше зарежем тебя. Ты же знаешь, что я доктор. Вновь тебя весной воскрешу.

Верблюд заколебался и решил посоветоваться с Лисой:

– Как ты думаешь, сможет ли Барсук меня воскресить?

– Почему бы и нет? Он ведь доктор.

Лиса, шельма, уже учуяла, что Верблюд скоро согласие даст. И под старым дубом начала скорее копать яму – себе норку делать. Ударили морозы, дни голодные настали. И Верблюд согласился довериться Барсуку-доктору. И беднягу зарезали немедля. Волк вынул его внутренности и отдал Лисе и Барсуку:

– Подите на речку, промойте это добро. И голову прихватите.

И остался Волк как самый сильный тушу охранять, а те пошли.

Шли они, шли – проголодалась Лиса и говорит Барсуку:

– У меня живот пустой – съем я мозги. А ты сердце съешь. Да не бойся ты, ответ я дам сама. Если Волк спросит, где сердце, ты посмотри на меня.

Съели они мозги и сердце, а все остальное обратно приволокли. Волк спрашивает:

– Где мозги Верблюда?

– А Верблюд-то оказался безмозглым, – отвечает Лиса. – Если бы у него были мозги, он бы добровольно под нож не пошел.

– Ну а сердце куда делось?

Тут Барсук стал на Лису смотреть.

– Чего ты на меня уставился?! Когда ел сердце, ни на кого не смотрел.

Волк, оскалив зубы, бросился на Барсука, а тот – бежать. Лиса кричит:

– Держи, держи вора, это он съел сердце Верблюда!

Как только Барсук с Волком скрылись за холмом, Лиса стала кромсать тушу и оттаскивать лучшие куски. Оставив одни ножки да кости, она и сама захоронилась в норе.

Вернулся Волк из погони, глядит, остались от Верблюда только ножки да кучка костей. «Эх, шельма! – заскрипел он зубами. – Надула меня рыжая... Ну, если встречу, тут же изувечу...»

За одну неделю Волк все кости обглодал, а потом, бедолага, зиму долгую голодал. Только Лиса провела зиму в роскоши.

Снова настала осень. Лиса пошла в деревню, книжки нашла, принесла себе в нору. Опять, плутовка, что-то затевает!

Объявился Волк, смотрит, Лиса на пне сидит, очки на нос повесила и с умным видом листает книгу.

– А-а, рыжая, попалась мне в лапы! В прошлом году обманула меня, вот за это сейчас и поплатишься!

– Ты что, Волк, спятил?! Я тебя в жизни не видала. Я учительница: обучаю грамоте детей всех зверей. Если есть у тебя волчата, приводи их ко мне, пока не поздно.

Волк говорит:

– Да, есть у меня две крошки.

– Так приведи же их. За обучение одного я беру две овечьи туши. Всего с тебя будет четыре. Скоро все звери приведут своих детенышей. Если ты опередишь их, твои детки займут лучшие места.

Уходит Волк. Через два дня возвращается с двумя волчатами и четырьмя тушами овец. Лиса принимает у него все это и говорит:

– Ровно через шесть месяцев приходи навестить детей.

– Ну ладно.

И Волк побрел домой. А Лиса зарезала волчат и, за два месяца обглодав кости, завернула их в шкурки, положила в угол. Затем она принялась за овечьи туши. А на исходе шести месяцев убралась из этих мест прочь.

Ровно через шесть месяцев появляется Волк навестить своих детей. Глядит, нет ни волчат, ни учительницы. Нашел он ее нору, заглянул внутрь и шкурки увидел: «Ах, жестокая тварь, она моих детей слопала. Ну, если поймаю, без слов изничтожу».

Весна пришла, весело смеясь. Потеплели дни, пополнели речки. У одной деревни в стороне стояла мельница. Дверь ее была открыта, и Лиса внутрь забралась и стала есть муку. В то же время случайно и Волк туда забрел. Увидел рыжую и зарычал:

– А-а, плутовка, попалась! Два раза ты надула меня! На этот раз не выйдет, я задушу тебя!

– Ты что, Волк, дурак или сроду так? – округлила глаза Лиса. – Я столько лет уже здесь мельником работаю, никуда не хожу. Голодный, что ли? Если так, я тебе дам муки.

Волк поверил ей на слово:

– Ну ладно, тогда дай хоть муки. Очень есть хочу.

Лиса зачерпнула пудовку муки и стала сыпать на жернова. Волк, долго не думая, запрыгнул на жернова и стал лизать муку. А Лиса в этот миг незаметно открыла заслонку – и вода начала бить по колесам, а те, в свою очередь, привели в быстрое движение жернова. Волка закрутило и бросило с размаху на стенку. Пока Волк не очухался, Лиса вон из мельницы выскочила и след за собой замела.

Когда же Волк пришел в себя и осмотрелся кругом, он понял, что лиса опять его одурачила, чуть не погубила. «Ну, если еще раз встречу, ни за что не упущу».

А Лиса тоже думает, как бы от Волка избавиться. Набрала она охапку ивовых прутьиков и на пригорке начала плести корзины. Плела она и громко пела. Услышав ее голос, подошел к ней Волк.

– А-а, негодная, попалась! Сейчас я тебя зараз проглочу!

– Послушай, храбрый зверь, – говорит Лиса с невинным видом, – за что ты хочешь съесть меня? Какая у тебя обида на меня?

– Ты еще смеешь спрашивать?! – злится Волк. – Сколько раз ты меня обманула!

– Эх ты, глупая тварь, – говорит Лиса. – Я уже много лет отсюда никуда не хожу, плету корзины – на это и живу. Ты тоже не выдумывай чепуху, учись корзины плести, будешь мне помогать. И мы с тобою заживем на широкую ногу.

И начала Лиса показывать, как надо плести. Изготовила сначала дно корзины, посадила туда Волка и, заговаривая Волку зубы, знай плетет прутьики один на другой по бокам.

А Волк даже рот раскрыл от изумления, как ловко плетет Лиса корзину. Осталось только дыру закрыть сверху – и готово будет. Вот и все. Лиса последний пруттик закрутила туго и сказала:

– Ну ладно, дружище Волк, прощай!

Так и ушла. Волк пробовал было выбраться – не тут-то было. Уж больно Лиса на совесть потрудилась. Долгое время не прошло – увидели корзину и Волка люди, едущие на базар, и увезли. С того дня Волка не стало видно.

Лев, волк и лиса

Однажды Лев захворал. Все звери собрались, чтобы узнать о его здоровье. Не было только Лисы. Тогда Волк подошел ко Льву и сказал об этом. Лев, разгневанный, приказал ему: «Как только Лиса появится, сразу же дай мне знать!» Между тем подросла и сама Лиса. Волк мигом доложил об этом Льву.

Но другие звери уже рассказали Лисе, как Волк охаял ее передо Львом. Вот Лев подзывает к себе Лису и спрашивает:

– Где же ты была, красавица? Почему опоздала?

Лиса отвечает кратко:

– Услыхала о твоей болезни, мой повелитель, долго искала лекарство.

– Ну и как, – спрашивает Лев, – нашла?

А Лиса еще любезней в ответ:

– Найти-то не нашла, но слышала: если достать сухожилие из задней волчьей ноги и съесть, хворь твоя, возможно, пройдет.

Лев схватил Волка, разодрал заднюю ногу и вытянул сухожилие. Истекая кровью, Волк бросился бежать. А Лиса ему кричит вдогонку:

– Эй, красноштаный, куда ты?!

Салам-Торхан

Жил-был Салам-Торхан. Бездомный бродяга – в летние ночи спал в открытом поле. Встретилась однажды ему Лиса и говорит:

– Эй, Салам-Торхан, проходят твои годы, а семьей не обзавелся. Женю-ка я тебя. Вынеси из деревни мне курицу одну – и я тебя женю.

Вынес Салам-Торхан курицу, съела ее Лиса. Затем встала, облизывая губы, и в город пошла к одному баю^[2]. Придя к богачу, поздоровалась, представилась и попросила пудовку:

– Салам-Торхан построил новый амбар. Хочет перевезти медные деньги со старого в новый, а таскать не в чем.

Взяла она пудовку, а вечером обратно принесла. На следующий же день вновь пришла поутру и говорит:

– Салам-Торхан хочет перевезти серебряные деньги.

«Оказывается, есть еще богачи и моей масти», – думает бай.

На третий день опять Лиса пришла:

– Салам-Торхан переносит золотые монеты.

Бай весьма удивился: «Неужели есть человек меня побогаче?!»

Лиса же, когда пудовку возвращала, каждый раз на донышке по монете оставляла. Бай хотел их вернуть, но воспротивилась Лиса:

– У моего хозяина их и не считают, оставь себе.

Бай стал Лису домой приглашать, а та отнекивается:

– Некогда мне рассиживаться. Завтра иду в один дом сватом Салам-Торхана. Хозяин-то мой холостой, совсем молодой.

Услышав такие слова, бай еще пуще стал в дом звать, так как имел он дочь на выданье.

– Ладно, – говорит Лиса. – Если ненадолго, может, и зайду.

– Нет-нет, долго не задержу, – обещает бай.

А дома за столом заикнулся:

– Есть у меня для доброго молодца красна девица. Скажи хозяину – в долгу не останусь.

– Ладно, так и быть, скажу. Если он согласен, буду сватать. Ведь не мне, а ему жениться.

Лиса из города вернулась и до Салам-Торхана доводит:

– Ну, джигит, кажись, дело в шляпе: возьмем тебе дочку бая!

Салам-Торхан не верит:

– Кто за меня пойдет? Себя не во что одеть!

– Не горюй, все будет в порядке, – не унывает Лиса.

Рано утром опять в город ушла.

– Ну, Шакир-бай, – лукавит Лиса, – уговорила-таки хозяина своего и пришла к тебе свахой от него. Давай договоримся.

– Доброе дело, святое дело, – доволен бай.

– Сколько денег просишь, другой товар, скажи сейчас, – важничает Лиса.

– У нас всего в достатке, – говорит бай. – Зять свой, от него нам ничего не надо.

– Ладно, если зять свой, – отвечает Лиса. – Хорошо. Ну а свадьбу когда сыграем?

Назначили день, когда жених должен приехать за своей невестой. А напоследок Лиса сказала:

– Надо бы укрепить мост, через который мы будем проезжать.

Бай махнул рукой:

– По нему лошади с грузом тяжелым проходят – ничего, выдержит.

– Хорошо, если так. Но предупреждаю: кони наши будут упитанные и добра в телегах будет немало.

Так сказала и заспешила Лиса порадовать Салам-Торхана.

– Ну, дружище, дело сделано. Через неделю поедем за молодой невестой.

– Зря ты хлопчешь, – говорит Салам-Торхан. – Куда я жену-то дену? Да и не выйдет она за меня.

– Ты знай слушайся меня, – поучает Лиса.

Настал день свадьбы. Встали они и пошли вдвоем с утра пораньше.

– Ну как я выйду перед богатыми людьми в своих лохмотьях? – сердится Салам-Торхан.

Лиса увещевает:

– Не горюй, в почете будем!

Так они дошли до моста. По лисьему совету его разобрали и бревна пустили вплавь по воде. Салам-Торхана Лиса раздела, оставила прямо в воде под старой ивой, а сама направилась в город.

– Сват, беда! Говорила я, надо мост укрепить, – запричитала она, закричала. – Телеги наши со всем добром в воду упали, даже не знаю, жив ли твой зять. Я одна не смогла его вытащить из воды и потому сюда прибежала.

Слуги бая тотчас поспешили жениха спасать.

– Салам-Торхан! – кличут с берега.

А тот из воды голос подает.

Вытащили его, завернули в шубу и на телеге домой привезли. Умыли, причесали, надели дорогие наряды и за стол посадили. Из-за пропавшего добра никто не горюет. Лиса похваляется:

– Богатства наши несметны!

А жених сидит и наряды поглаживает, глаз не отрывает: обо всем забыл.

– А почему, – говорит тесть, – зять наш не ест, а только сидит и одежду гладит?

– Он бы и кушал, – объясняет Лиса, – да скушает по своим прежним нарядам.

А сама тычет Салам-Торхана в бок – на яства кивает: ешь, мол, не выдавай себя. И тот, спохватясь, стал наворачивать за обе щеки всякие кушанья.

Когда свадебный пир закончился, Лиса первой уехала, шепнув Салам-Торхану:

– Приведешь свадьбу в такую-то деревню к такой-то старухе. Я буду там ждать тебя.

Когда Лиса по дороге ехала, увидела на пастбище лошадей и сказала табунщикам:

– Завтра отсюда проедет большое начальство. Вас спросят: «Чьи это кони?» Скажите: «Салам-Торхана», и они вам много подарков дадут.

Далее проехав, увидела стадо коров и сказала пастухам такие же слова. Людям, пасшим овец далее в пути, те же слова повторила. Доехав так до деревни, зашла к той старухе. А она богатой купчихой была. Лиса ей прямо с порога:

– Что делать-то будем, бабушка? Сила идет немалая войною на нас. Что делать станешь, куда спрячешься? Убьют они тебя! А ты, бабушка, спрячься в колодец. Я помогу спуститься, а когда они уйдут, снова вытащу.

Испугалась старуха. А Лиса, посадив ее на ведро, в колодец спустила и отрезала веревку. Не стало купчихи.

В это время как раз Салам-Торхан со своей невестой с байского двора из ворот выехали. Родители невесты, ближняя, дальняя родня и друзья на многих лошадях с добром немалым едут-поезжают.

Так свадебная процессия добралась до луга, где пасся табун лошадей. Спросили табунщиков:

– Чьи это кони?

– Салам-Торхана, – ответили те.

– Ого, жена, – говорит бай, – зять наш не босяк. Это наши пастухи, кинем им подарки.

Оставили им много подарков и свадебных угощений, поехали дальше. Повстречали стадо коров. Спросили пастухов:

– Чьи эти коровушки?

– Салам-Торхана, – ответили они.

Их также одарили. Далее в пути повстречали овечью отару.

– Чьи это овцы?

– Салам-Торхана, – ответили им.

Пастухов тоже богато одарили.

– Вот, жена, – радуется бай, – думали, что мы богаты. А зять-то наш, гляди, во много крат богаче.

И с песнями да с весельем заехали они в деревню, остановились перед домом купчихи. Лиса встречает их у ворот, гостей честит, в дом зовет. К их приходу кашевары купчихи все, что для свадьбы нужно, приготовили.

Погостив у зятя денька три, сват со свахой домой уехали. А молодые стали жить в доме купчихи богато и славно. И Лиса с ними живет привольно. Салам-Торхан ее в почете держит и так говорит: «Когда умрешь, я тебя в золотом ящике похороню».

Лиса однажды заболела. На следующее утро смотрят – совсем не дышит. Салам-Торхан слуг позвал:

– Умерла Лиса. Унесите ее вон на ту гору и бросьте в яму.

Лису положили в корзину, прикрыли соломой и понесли. По дороге один говорит:

– Давай сдерем с нее шкуру.

Другой отвечает:

– Была нужда марать руки. Что, шкурок у нас мало?

Так и бросили корзину в яму. Вернувшись, Лиса и говорит:

– Ну, Салам-Торхан, сдержал ты свое слово, похоронил меня в золотом ящике!

Салам-Торхану совестно стало, покраснел бедняга.

Через несколько лет Лиса и вправду умерла. Сначала не поверили, три дня дома держали, только потом с большим почетом похоронили.

И остались муж с супругою только вдвоем хозяевами дома. Я был у них в гостях: сегодня ходил – вчера вернулся. Все еще голова болит.

Лев, лиса и волк

Однажды Лев, Лиса и Волк вышли на охоту. Поймали они дикого осла, косулю и барсука. Стали делить между собой добычу. Лев обращается к Волку:

– Ну-ка, раздели все это на троих!

Волк взял себе дикого осла и говорит:

– Это мне.

Косулю отдал Льву:

– Это его величеству.

А перед Лисой положил барсука.

Тогда Лев размахнулся, стукнул Волка по голове – и раскололась голова.

Обращается Лев к Лисе:

– Теперь ты дели!

Стала Лиса делить.

Отдала Льву дикого осла:

– Это тебе на завтрак.

Отдала ему косулю:

– Это тебе на обед.

Отдала и барсука:

– Это тебе на ужин.

Удивился Лев:

– Bravo! Но кто же тебя научил так делить добычу?!

Лиса кивнула в сторону и ответила:

– Тот, в красной шапке.

Перепел и лиса

Летом в одно прекрасное утро решили Перепел да Лиса быть друзьями. Всегда и везде ходили вместе. Однажды Лиса жалуется:

– Проголодалась я, дружок. Что бы такое съесть, а?

Перепел ей в ответ:

– Я могу тебя досыта накормить. Ты что, меня не знаешь?

А Лиса подзадоривает:

– Ну-ка попробуй накорми! Как же это ты, интересно, сможешь?

– Айда на дорогу, – сказал Перепел и повел Лису через высокую рожь.

Вскоре вышли они на дорогу.

– Ты иди прячься, – говорит Перепел, – и следи за дорогой.

Лиса затаилась во ржи и стала наблюдать. Видит, идут разодетые муж с женою. Они в гости ходили, поэтому в руках у жены был большой сверток. Она говорит мужу:

– Глянь-ка, впереди нас перепел бежит. Он, по-моему, не может летать. Давай-ка поймем его, домой придем, зажарим: у них, говорят, мясо очень вкусное.

Начали муж да жена вдвоем его ловить. Перепел и не улетает, и поймать себя не дает: бежит возле них, все вокруг да около. Муж сердится на жену:

– Да оставь ты свой сверток – слышишь, нет?!

Жена оставила сверток на краю дороги и принялась бегать, махая руками. И уходят они так все дальше и дальше. И тогда Лиса вышла из ржи, цап сверток и обратно юркнула. Перепел это увидел и упорхнул из-под носа простофиля. Они пошли искать свой сверток, дошли до той деревни, откуда вышли. Нет и нет. Словно сквозь землю провалился.

– Тьфу, черт побери, наверное, этот перепел нам привиделся. Он, видать, уводил нас от свертка, – так, ругаясь и чертыхаясь, пошли домой.

Перепел прилетел к Лисе. Та уже развернула сверток. Чего только там нет! И беляши есть, и калач, и курица вареная, и блины. Лиса с жадностью стала пожирать все это. Подлетевший Перепел гордо говорит:

– Ну как, вкусно я тебя кормлю?

– Ням-ням... Сроду не ела ничего подобного!

Оба они наелись досыта. Лиса говорит:

– Ну, Перепел, накормил ты меня досыта, спасибо. А сможешь ли ты меня напугать? Ну, попробуй.

– Почему бы и нет? Схватись зубами за мой хвост и закрой глаза. Не открывай, пока я не скажу.

Полетел Перепел. Лиса за ним бежит. Вышли они на охотников с собаками.

– Открой, Лиса, глаза!

Собаки увидели Лису и погнались с громким лаем за нею. Вдобавок еще охотники стреляют. Пиф-паф!

Лиса побежала со всех ног, а Перепел исчез. Лиса, бедняга, бежала-бежала и оказалась в тальнике.

Прилетел Перепел и видит: у Лисы язык высунут до самой земли, а сама она дышит всем телом.

– Ну как? Испугалась ли? – спрашивает Перепел.

– Сроду так не пугалась, – отвечает Лиса. Отдышавшись, она новую забаву затевает: – Ну ладно, накормил ты меня, спасибо за это, дружок. Испугал, а теперь рассмеши меня.

– Ну что ж, дело возможное, – говорит Перепел. – Уже вечереет, сейчас самое время. Пойдем-ка мы с тобой в деревню. Да только гляди, как бы тебя собаки не завидели. Тогда уж будет тебе не до смеха.

Дошли они так до деревни, таясь от чужого глаза: впереди Перепел, за ним Лиса. Зашли в один сарай. А эта усадьба была тех людей, которые сверток несли. Этот мужик со своей женой недавно только домой вернулись. Муж топором точил деревянный кол, жена доила корову.

Перепел шепчет Лисе:

– Теперь смотри, что будет. Только рот не разорви, смеясь.

Перепел вылетел из сарая и сел на кончик колышка, который мужик точил. Жена увидела это:

– Гляди-ка, перепел сел на кол. Может, это тот самый дуралей, который лишил нас гостинцев? Сбей его скорей!

Хотел муж поймать его, но перепел слетел и сел корове прямо на рога. Мужик взял свой кол обеими руками, подобрался к корове и замахнулся было – корова испугалась и пролила молоко. А перепел перелетел и сел на голову жены. Муж долго не думал – стукнул по голове своей жены... Перепел улетел живой и невредимый.

Лиса глядела на все это из сарая и так смеялась, так смеялась, что рот у нее с тех пор от уха до уха.

Старик, медведь и лиса

В давние времена, говорят, жил на свете один Старик. Как-то раз сеял он в поле репу и подошел к нему Медведь.

– Что ты делаешь? – спрашивает Медведь.

– Репу сею, – отвечает Старик.

– Давай вместе сеять, – предлагает Медведь.

Согласился Старик. И стали они вместе работать. Сначала очистили поле: Старик подкапывает пни, а Медведь их выкорчевывает. Потом посеяли репу.

Когда репа выросла, Старик спрашивает у Медведя:

– Как будем делить урожай? Ты стебли себе возьмешь или корни?

– Я возьму стебли, – говорит Медведь.

Ладно, срезал Старик всю ботву, отдал Медведю, а сам увез домой пятнадцать повозок репы.

Однажды, когда Старик отправился с репой на базар, снова повстречался ему Медведь и спрашивает:

– Куда ты едешь?

– Да вот еду на базар репу продавать, – отвечает Старик и бросает Медведю две репки.

Съел их Медведь и говорит:

– Ай-я-йяй, обманул, оказывается, ты меня. Если доведется еще вместе сажать, возьму себе корни.

Прошел год. Старик работает в поле. И опять подходит к нему Медведь.

– Что делаешь? – спрашивает Медведь.

– Пшеницу сею, – отвечает Старик.

– Давай вместе будем сеять, – предлагает Медведь.

Старик согласился. И принялись они за дело. Старик сеет, а Медведь хвостом замечает.

Сторожил Медведь поле все лето. Вот наступила пора жатвы. Старик со всей семьей выходит на уборку и спрашивает у Медведя:

– Ты, дружище, корни себе возьмешь или стебли?

– На сей раз я уж возьму корни, – говорит Медведь.

– Ладно, – соглашается Старик, – бери корни, а я тогда возьму стебли.

Убрал старик пшеницу, смолотил, свозил на мельницу и калачей румяных отведал.

Однажды отправился он с мукой на базар и встретился ему по пути Медведь. Старик говорит ему:

– На, попробуй хлеба с нашего общего поля. – И дал Медведю полкалача.

Съел Медведь и разозлился: «Опять обманул меня Старик. Убью я его!»

Услыхала это Лиса и рассказала Старику. Потом спрашивает:

– А что ты мне дашь за такую весть?

– Курицу, – отвечает Старик, – но сначала нам надо убить Медведя.

– Хорошо, – говорит Лиса, – я разужнаю, где живет он. Тогда и придумаем, как с ним расправиться.

Скоро нашла Лиса медвежью берлогу и вернулась к Старику.

Собрал Старик охотников. Пришли они к берлоге и убили Медведя. А Лиса говорит:

– Ну, дед, помогла я тебе избавиться от Медведя. Что дашь мне за это?

– Курицу, – отвечает Старик.

– А где мы ее возьмем?

– Давай садись в телегу, поедem ко мне, и я дам тебе курицу, – говорит Старик.

– Нет, – не соглашается Лиса, – в деревне меня собаки загрызут.

– А я наберу хворосту и спрячу тебя под ним, – предлагает Старик.

Так и сделали. Въехал, наконец, он во двор, спустил с цепи собаку, опрокинул телегу, а из-под кучи хвороста выскочила Лиса. Увидала собака Лису и кинулась за ней. Лиса перемахнула через забор – и в лес. Забралась в нору и спрашивает у передних ног: «Что вы делали, когда убегали от собаки?» Те отвечают: «Мы старались обогнать уши». Спрашивает Лиса у задних ног: «А что вы делали?» «Мы старались обогнать передние ноги», – отвечают задние. Спрашивает Лиса у хвоста: «А ты что делал?» «Я шевелился вот так, чтобы меня поймали», – отвечает хвост. Подбежала собака, заметила хвост, который шевелился, и схватила Лису. Тут и сказке конец.

Голодный пес и волк

Жил-был Пес. Стал он стар, не лаял, как прежде, и хозяин прогнал его со двора. Долго скитался Пес по дикому полю. Навстречу ему попался Волк и спрашивает:

– Дружище, ты что тут бродишь?

– Хозяин меня прогнал, вот и брожу. Стар я, лаять не могу. Три дня ничего не ел.

– Ну, раз так, пойдем со мной, – сказал Волк. – Хотел было съесть тебя, да не буду, пожалею...

Паслась в поле одинокая лошадь. Волк привел Пса к ней, вцепился в лошадиный хвост, а Псу велел наблюдать. Лошадь присела. Тут Волк спрашивает у Пса:

– Посмотри, глаза у меня выпучены или нет?

Пес взглянул, удивился очень и говорит:

– Выпучены.

Тогда Волк отпустил лошадь, та повалилась. Волк схватил ее зубами за горло и загрыз. Потом отодрал брюшину с салом:

– Вот тебе самая жирная часть. Приходи каждый день сюда и кормись. Тебе надолго этого хватит.

И ушел.

Ладно. Приходит Пес день, второй, третий... Ему, голодному, конины хватило лишь на неделю. Тут встречается ему другой Пес. Первый Пес, теперь уже сытый, спрашивает:

– Что ты бродишь здесь, дружище?

Тот отвечает:

– Хозяин у меня бедный. Не кормит совсем.

– Идем-ка со мной...

Сытый Пес, по примеру Волка, тоже нашел одинокую лошадь и объясняет голодному:

– Я спрошу у тебя: «Выпучены у меня глаза или нет?» А ты следи.

И побежал к лошади.

Вцепился в хвост, спрашивает:

– Выпучены у меня глаза?

И слышит в ответ правду:

– Нет.

Видно, лошадь оказалась сильной, лягнула она так, что сытый Пес отлетел далеко в сторону. А Пес, который наблюдал за всем этим, и говорит:

– Вот теперь глаза у тебя выпучены.

Голый волк

Серый Волк долго рыскал, был и тут и там, но ничего съестного не нашел. Так он брел, пока не вышел наконец на одного доброго Жеребца, пасущегося на лугу. Волк сказал:

– Слушай, Жеребец, я съем тебя, у меня три дня во рту ничего не было.

Тот не растерялся:

– Съешь так съешь, но есть у меня одна просьба, будь добр, исполни ее.

Волк заинтересовался:

– Что за просьба? Давай выкладывай, послушаем.

Жеребец говорит:

– У меня на кончике хвоста есть золотой волосок, пожалуйста, выдерни его, затем и съешь меня.

Волк осторожно к хвосту подобрался и ухватился было за кончик его, чтобы тот волосок выдернуть прилежно, да Жеребец как лягнет его обеими ногами, так что Волк отлетел кувырк-ком. Жеребец ждать не стал, усакал в сторону деревни.

Долго без памяти Волк пролежал, а когда очнулся, завыл от боли и досады: «У-у... у... остался голодным... Где ты видел у лошади золотой волос на хвосте?!» И потихоньку к речке поплелся. Увидел там огромного Быка с острыми рогами. Волк обрадовался и говорит:

– Хорошая ты скотина и жирная к тому же, съем я тебя.

А Бык не смутился:

– Ладно, Волк, съешь так съешь, я не против. Только вот убери с моего уха золотые часы в сторону: не пропадать же добру. Потом и съешь.

Волк согласился. Начал подбираться к уху быка, чтобы снять золотые часы, но тот примерился к ребрам Волка, зацепил его рогами, через себя перекинул да убежал, махая хвостом.

Когда Волк пришел в себя, взвыл от злости: «У-у... у... голодный остался... Где видел на ухе быка золотые часы?» Затем он заковылял в деревню. А деревня уже спала. Волк подкрался к крайнему дому и забрался в сарай. Была там одна Коза. Волк ей сказал:

– Козочка, сестричка, я тебя съем.

Коза потрясла своей бородой и, подумав малость, сказала:

– Дядя Волк, съешь так съешь, я не могу тебе перечить: знаешь ведь, я скотина смиренная.

Но прежде чем ты меня съешь, я хочу сделать одно дело.

Волк сердито:

– Что еще за дело? – повысил голос на Козу.

Затряслась Коза, заблеяла:

– В нашей деревне умер му-э-э... му-э-эдзин^[3]. Теперь я за него осталась. Можно, я быстренько поднимусь на крышу и прочту в последний раз всей деревне азан^[4]? Потом и съешь мэ-э-э... мэ-э-эня...

Волк не стал возражать. Коза поднялась на крышу и стала кричать оттуда во весь голос: «Мул-ла-га-ли... Мул-ла-га-ли...» Ее хозяина так прозывали. Он из дому вышел, взял вилы и погнал Волка до самого леса.

Волк долго скитался по лесу, не зная, что делать, и вышел опять на речку к мельнице. А там никого, кроме хитрой Лисы, не было. Волк ей сказал:

– Здравствуй, кума. Хорошо, что ты мне встретишься. Три дня я хожу, не емши ничего. Готов съесть все, что в лапы попадет. Хотя и живем мы с тобой в одном лесу, я все равно сегодня съем тебя. Уж не обессудь, кума.

Лиса за словом в карман не полезла:

– Эй, дядя Волк, ты же царь всех зверей лесных! Самый красивый, самый умный. Как же можно перечить тебе?! Только вот что, я ведь теперь не простая лиса, а учительница. Обучаю

грамоте детей многих зверей. Ежели ты меня скушаешь, они ведь темными останутся. Вот какой дам я тебе совет, послушай. Ведь у тебя самого есть волчата. Пусть же они не останутся безграмотными. Приведи их ко мне. Я их читать, писать научу. На старости лет сам еще будешь благодарить меня. А если ты сейчас голоден, я накормлю.

Заговаривая так Волку зубы, Лиса насыпала муки. Волк досыта нализался, пошел домой и вскоре детей своих привел на учебу. Когда же он ушел, Лиса как проголодается, так по одному волчонку поедает. Через некоторое время у мельницы Волк появился снова, чтобы повидать своих детей. Лиса, ласково улыбаясь и вертя хвостом, навстречу вышла. Волк сказал:

– Вот пришел узнать о своих крошках: как учатся, слушаются ли?

Плутовка не растерялась:

– Добро пожаловать, друг мой Волк. А твои крошки такими способными оказались: учатся отлично. Скоро и писать, и читать научатся. А сами они только что к речке побежали. Я их сейчас позову, а ты покамест угощайся.

Лиса насыпала на жернова муки. Волк со спокойной душой стал ту муку лизать. В это время коварная Лиса вышла потихонечку и раз – открыла заслонку, которая воду держала. Вода хлынула, ударила по колесам, а колеса быстро-быстро закрутили жернова. Волка тоже закружило и кинуло на стену. А Лиса скрылась вмиг, хвостом махнув.

Волк пролежал на полу довольно долго, затем вышел из мельницы, взобрался на горку неподалеку и завыл: «У-у... у... остался голодным... и без детей... Где, когда ты видел, чтобы Лиса была учительницей?» Отвел так душу и в лес побрел, себя проклиная.

Долго ли, коротко ли бродил Волк, но наткнулся он опять на рыжую: она сидела у скирды сена и уплетала за обе щеки мясо, причмокивая и облизываясь. Волк, завидев ее, ощетинился:

– Попалась! Теперь ни за что не выкрутишься!

И начал Волк приближаться к Лисе.

А Лиса заюлила, завертела хвостом и опять стала свои сети расставлять:

– Эй, дядя Волк! Выслушай меня. Я ведь никогда тебе не перечу. Боюсь только, что не наешься ты мною. Мне ведь и самой частенько приходится голодной скитаться. Так что мясо мое будет невкусное и нежирное. Одни кости будешь грызть. Лучше съешь-ка ты баранину.

Так говоря, Лиса достала из-под сена немного мяса.

– Если мало покажется, пригоню тебе во-он тех овец, что пасутся под горой. Выберешь из них, которые пожирнее, и ешь на здоровье.

У Волка аж глаза загорелись, когда он увидел овец, и согласился серый с предложением рыжей. Лиса же, почуяв, что сможет опять провести простофилю, стала дальше плести сеть обмана:

– Тогда ты полезай на скирду и заройся в сено, не то овечки тебя заметят и побегут назад. А я пойду пригоню их сюда, к скирде. Как станут они сено есть, ты слезешь со скирды и поймаешь себе по душе овечку.

Обрадовался Волк и схоронился в сене. А Лиса между тем огонь пустила кругом скирды. Стало сено гореть с треском. Волк услышал потрескивание огня и думает: «Ага, идут! Слышно топот копыт. Сейчас наемся вдоволь».

Пока Волк так сидел и мечтал, объяло скирду пламя. Насилу вырвался бедняга, но вот беда: ни одного волоска на шкуре не уцелело – все погорело. И голый Волк пустился со всех ног прямо в лес, изредка оглядываясь.

Бродя в поисках еды, голый Волк повстречал в лесу одного Портного, который шел домой из соседней деревни. Волк сказал Портному:

– Добрый человек, хорошо, что ты мне встретился. Неделя уже будет, как я ничего в рот не брал. Сейчас съем тебя.

Портной ничуть не смутился:

– Ладно, съешь. Нельзя тебя не послушаться. Только вот смотрю я – что-то шерсти на тебе не осталось. А скоро ведь зима настанет. Тогда тебе придется туговато в голой-то шкуре. А сам я искусный портной. Дай-ка я тебе из своего кушака добротный бешмет^[5] сошью. Потом можешь и съесть. Будешь и сыт, и одет.

С такими словами Портной стал мерки снимать. Волк не возражал. Портной взял его за хвост в три обхвата и своим железным аршином начал прохаживаться по ребрам Волка:

– Один аршин... Два аршина...

Волк, не стерпев боли, взмолился:

– Хватит уже, дядя Портной... Пусть не будет слишком длинным: мне ведь приходится много бегать. Если полы бешмета будут длинными, они быстро замараются.

А Портной и в ус не дует, знай себе считает Волку ребра. И упал голый Волк, обессилив, и дух из него вон.

Портной же, посмеиваясь, пошел восвояси.

Коза и волк

В стародавние времена жила, говорят, на свете одна Коза. И было у нее трое козлят. А еще была у нее избушка. Жила Коза в этой избушке со своими козлятами счастливо-пресчастливо. Рано утром уходила Коза в зеленые луга, в широкие поля, щипала травку, пила воду из родников, а вечером возвращалась домой и пела:

Ходила я по холмам,
Бродила я по долам,
Ела травку шелковую,
Пила воду студеную.
Вымечко молока полно,
Ждут меня козлятки дома.
Отоприте, ребятушки! –

стучала она в дверь.

Козлятки отопрут дверь, мать накормит, напоит их и спать уложит. Так и шли за днями дни, утро сменялось вечером, а вечер – ночью. Раным-рано Коза опять уходила в зеленые луга, в широкие поля, ближе к сумеркам возвращалась с песней домой. А козляткам тепло и сытно, ни ветер их не пугает, ни дождик не мочит.

Однажды выследил их Серый Волк. Подслушал, как поет Коза, и запомнил песенку.

Вот раз ушла Коза, а Волк тут как тут. Подбежал к избушке и запел:

Ходила я по холмам,
Бродила я по долам,
Ела травку шелковую,
Пила воду студеную.
Вымечко молока полно,
Ждут меня козлятки дома.
Откройте, ребятки!

Но козлята дверь не открыли.

– Ты не наша мама, голос у тебя страшный, – отвечают. – И потом наша матушка так рано не возвращается. Она вечером приходит.

Разозлился Волк, отправился он напрямик к кузнецу, чтобы голос изменить.

У реки в кузнице Медведь кузнечил.

– Здравствуй, дружище Медведь!

– Здорово, Волк, здорово!

Расспросив Медведя о житье-бытье, Волк и говорит:

– Окажи услугу, дружище, скуй мне тоненький язычок.

Согласился Медведь:

– Так и быть. Все равно мы этим на жизнь зарабатываем. За труд мой с тебя спрошу одну овцу или же двух ягнят.

Волк пообещал заплатить овцой. И принялись они за дело. Волк высунул язык и положил его на наковальню. Медведь, засучив рукава, стал ковать. Поначалу Волк застонал, заохал, потом и вовсе от боли завыл. И все-таки вытерпел, добился своего.

Вот пришел Волк к избушке с козлятами и запел тоненьким голоском:

Ходила я по холмам,
Бродила я по долам,
Ела травку шелковую,
Пила воду студеную.
Вымечко молока полно,
Ждут меня козлятки дома.

Подумали козлята, что это мать вернулась, и отворили дверь. Голодный волк кинулся в избу, проглотил одного за другим всех козлят и убежал в лес.

Возвращается вечером Коза, как всегда напевая, и видит: дверь нараспашку, ребятушек нет.

– Ме-е... Ме-е... Где же вы, детушки мои, где вы, козлятушки? – запричитала она, заплакала. Но никто ей не отвечает.

Побежала Коза в лес прямо по волчьим следам. Смотрит: лежит Волк на опушке, греет на солнышке брюхо. Разбежавшись, Коза распоролa ему брюхо рогами – и все три козленка выскочили оттуда целехонькими. Радостные, поспешили они с матерью домой.

И опять зажили вчетвером счастливо. Но Коза теперь нет-нет да тревожилась, что снова придет Серый Волк и съест ее козлят.

Однажды Коза с козлятами выкопали глубокую узкую яму, прикрыли ее сверху ветками, а рядом положили кучу соломы.

Волк тем временем ходил-бродил, проголодался и направился к избушке, надумав опять пожить с козлятами. Встретил на полпути Козу и давай заливать:

– Хотел я тебя, голубушка Коза, в гости пригласить.

А Коза в ответ:

– Ну что ж, идем, сосед, сначала ко мне, почеевничаем, а потом и к тебе соберемся.

Идут они, идут. Ведет Коза Волка напрямик к той хитрой яме. Сама незаметно перепрыгнула через нее, а Волк в яму кувырк – и провалился.

Зовет Коза своих козлят:

– Ме-е... Ме-е... Детушки, где спички? Скорее поджигайте, злодея Волка не упускайте!

Козлята подожгли солому и сбросили ее в яму.

Разгорелся в яме костер, а Волк умоляет:

– Коза, милая, ухо жжет, вытащи меня отсюда!

Коза сверху кричит:

– Ребятюшек моих ел – не жалел. Вот и повой теперь!

Опять Волк стонет:

– Коза, голубушка, голову печет, вытащи меня отсюда!

А Коза в ответ:

– Козлятушек моих ел – не жалел. Вот и гори теперь!

Сгорел Волк в яме, а Коза с козлятами зарыла его там. И зажили они с тех пор счастливее прежнего.

Котан Иваныч

В давние времена жили, говорят, Лиса и Волк очень дружно. Молодой и сильный Волк всякий раз возвращался домой с добычей. Но вот он состарился и не мог уже себя и Лису прокормить. Лисе деваться некуда, решила сама поохотиться. Бежит она по лесу, бежит, а навстречу ей Кот. Смотрит она на Кота и думает: «Какой интересный зверь! Не видывала я его прежде!» Кот увидел Лису – и шерсть дыбом поднял. Спрашивает Лиса:

– Куда путь держишь, приятель?

– Да вот лес проверяю, – отвечает Кот.

– Ну, коль так, идем, гостем будешь, – приглашает Лиса.

Кот, не зная, то ли верить, то ли нет, отправляется за Лисой. С голоду он даже пофыркивает сердито. А у Лисы от этого пуще разгорается любопытство. Наконец возвращается домой и старый Волк.

– Вернулся? – спрашивает его Лиса.

– Вернулся, да ничего не смог добыть, – отвечает Волк.

– Вот что, Волк, – говорит ему Лиса, – у нас гость. Лес наш проверяет. Зовут его Котан Иваныч. Мы должны его угостить. А съедает он зараз одну овцу и одного быка. Где хочешь, там и доставай, дружище.

Волк, перепуганный, убежал. Навстречу ему Медведь.

– Куда ты так торопишься? – спрашивает он Волка.

– Проверяющий леса явился. Надо угостить его овцой и быком. Вот и тороплюсь, – отвечает Волк.

– Давай искать вместе, – предлагает Медведь.

И они отправляются дальше вдвоем. Идут они, идут, а навстречу Кабан. Рассказывают новость и ему. Он тоже в страхе присоединяется к ним. Спешат они втроем по лесу, видят Зайца и тоже зовут его с собой:

– Будешь посыльным, – говорят ему.

Вот уже вчетвером отправляются они за добычей. Посылают Зайца вперед на поиски какого-нибудь стада или отары. Заяц находит и возвращается. Посоветовались звери и решили так: Волк должен добыть овцу, а Кабан с Медведем – быка.

Сказано – сделано. Теперь Заяц бежит к Лисе звать ее вместе с Котом в гости. Лиса спрашивает:

– Что вы приготовили для гостя?

– Овцу и быка, – отвечает Заяц.

– Возвращайся и скажи, что этого мало. Если не достанут еще одну тушу, он их самих съест, – говорит Лиса.

И опять четверо друзей по несчастью выходят на охоту. Наконец Волк приносит еще одну овцу и жеребенка. Посылают Зайца к Лисе. Кажется, угодили: Кот и Лиса обещают прийти.

Медведь предлагает:

– Давайте спрячемся и посмотрим, что это за зверь.

И забирается на сосну. Кабан прячется в яме, Волк тоже находит себе место, а Заяц залегает в траве.

Вот идут Кот и Лиса. У Кота шерсть дыбом, усы торчком. Подошел к туше, набросился на нее с ворчанием «мяу-мяу» и стал есть.

А звери из своих укрытий переглядываются: «Что это он говорит «мало-мало», неужели не наестся?!» Тут откуда ни возьмись появляется мышка. Кот увидел ее и кинулся за ней. А Кабан решил, что тот на него прыгает, и выскочил из своей ямы. Кот с перепугу взобрался на

сосну. Медведь же подумал, что это за ним, со страху свалился с дерева и упал прямо возле Зайца. Заяц – бежать. А Волк припустил следом за ними.

Так все четверо, испугавшись Кота, убежали, говорят, в лес. А Кот с Лисой остались вдвоем, наелись досыта мяса и до сих пор живут весело и дружно.

Кот и медведь

Спрятал Медведь на вершине дуба мед. Разнюхал это Кот, забрался на дерево и лакомится. А тут Медведь возвращается.

– Ты что тут делаешь?

Кот отвечает:

– Вот пишу бумагу о том, что волков и медведей надо в Сибирь сослать. Я – московский писарь.

Услыхал Медведь эти слова, свалился с дуба и дал деру! Кот тоже испугался Медведя, спрыгнул и побежал в другую сторону.

Медвежий сын Атылахметгэрей

В древние времена жили в одной деревне старик со старухой. Была у них дочь, была еще корова. Однажды корова не вернулась с пастбища. Дочка пошла искать корову. Искала-искала, до лесу дошла и в нем заблудилась. Поймал ее Медведь и привел в свою берлогу. В ней держал ее несколько лет и сделал своей женой. Родился у них сын. Мать дала ему имя Атылахметгэрей. Так и стали жить. Медведь мясо приносит, жена его варит, а Медведь в сыром виде кушает. Сын растет – день за год, за двадцать пять дней стал двадцатипятилетним богатырем. Силушка в нем играет огромная, сверх человеческой меры.

Однажды мать рассказала ему все: так, мол, и так, сынок, росла я среди людей. Пошла корову искать, а твой отец меня изловил и в берлогу к себе уволок. Очень скучаю я по людям.

Сын ей отвечает:

– Изготовлю-ка я сундук, а в него тебя упрячу и отнесу к людям. Неужто ты так и проживешь под землей всю жизнь, не видя свету?

– Нет-нет, – испугалась мать, – отец обоих нас убьет.

Однако сын изготовил сундук.

– Залезь-ка, матушка, в этот сундук, – говорит.

– Нет, не полезу, и не показывай, отец пронюхает – жизни не будет. Умрет – уж тогда освободимся.

– Да ты только взгляни, удобно ли, присядь на корточки, – настаивает сын.

Мать последовала совету, сын тут же захлопнул крышку, взвалил сундук на плечо и отправился в дорогу.

Идет он, идет. Через некоторое время мать говорит:

– Сынок, отец твой нас догоняет, я отсюда слышу.

Повернул голову сын: старый Медведь ломит через ветки, пасть разинута, к ним приближается. Из сундука мать кричит:

– Оставь меня, оставь. Коль поймает, обоих убьет, спасайся!

– Нет, не оставлю, – отвечает сын.

А Медведь настигает их. Атылахметгэрей вырвал с корнем деревцо и Медведя им ударил. Тот от удара свалился, сломал шесть деревьев, о седьмое стукнулся, сдох на месте.

Тем временем мать с сыном прибыли в одну деревню. Сын снял с плеча сундук, поставил его на землю и молвил:

– Тут, в деревне, тебе и дом, и очаг, а мне дай благословение на дальнюю дорогу.

Мать плачет, хочет оставить сына при себе.

– Останься, вместе жить будем, – молит.

– Остался бы, – отвечает Атылахметгэрей, – да не смогу, видать, среди людей жить. Если приведется ударить одного – пятеро погибнут.

И распростился с матерью. А мать и по сию пору горюет, сына ждет.

Старуха и медведь

Давно это было. Возвращалась одна старуха из соседней деревни домой. И поймал ее по дороге Медведь. Привел к себе в лес, угощает медом, ягодами. Старухе, хочешь не хочешь, приходится есть. Посидела она немного и говорит Медведю:

– Послушай, дружище, отпусти меня, старенькую... Дома у меня три дочки-красавицы. Которая тебе приглянется, ту и возьми себе в жены. Старшую зовут Тихо-Тихо, среднюю – Крепко-Крепко, а младшую – Теперь-Теперь.

Отпустил Медведь старуху. День прошел, наступил вечер. Дождавшись темноты, Медведь притопал в деревню. Стучится в клеть к девушкам и говорит:

– Тихо-Тихо, открой мне дверь!

Старшая дочь отвечает:

– Мы и так тихо лежим, уходи отсюда!

– Крепко-Крепко, открой мне дверь!

Средняя дочь отвечает:

– Мы и так крепко заперлись, уходи отсюда!

Медведь стучится в третий раз:

– Теперь-Теперь, открой мне дверь!

Младшая дочь отвечает:

– Теперь мы и за ягодами в лес не пойдем, уходи отсюда!

Тут громко залаяла собака. Медведь перепугался: «Эх, обманула меня старуха!» – и убежал в лес.

Медведь и три сестры

В давние времена жила на свете одна женщина и было у нее три дочери. Однажды старшая ушла с подругами в лес по ягоды. Только стали они наполнять лукошки, как откуда ни возьмись – Медведь. Схватил он девушку и унес в чащу. Подруги увидели это, испугались и убежали домой. А мать ждала-ждала свою дочь и, не дождавшись, пошла к подругам узнать, что с ней.

– Где моя доченька? – спрашивает она.

– Медведь ее унес, – отвечают подруги.

Заплакала женщина и ушла.

Через несколько дней средняя дочь отпросилась по ягоды. Вот и она с подругами пришла в лес. Только стали они наполнять лукошки, как опять появился тот самый Медведь, схватил девушку и скрылся в чаще. Подруги испугались, убежали. Мать ждала-ждала дочь, а ее все нет. Пошла к подругам узнавать, те говорят:

– Унес ее Медведь.

Заплакала женщина и вернулась домой.

Прошло еще немного времени. Теперь уже младшая дочь просится по ягоды. А мать не отпускает:

– Двух сестер твоих Медведь унес, и тебя унесет.

Не послушалась дочь, ушла в лес. И только стали они собирать ягоды, как появился Медведь и унес ее. Узнала женщина об этом от подруг и заплакала:

– Трех дочерей потеряла я, одна-одинешенька осталась...

А старшая дочь была умная. И придумала она вот что. Медведь часто уходил куда-то из берлоги, и однажды она говорит ему:

– Я бы хотела матери посылку отправить...

– Ладно, – отвечает Медведь, – приготовь, я сам отнесу.

Посадила девушка на дно мешка свою младшую сестру, сверху положила еды запас и крепко-накрепко завязала. Вернулся Медведь, поел-попил, взвалил на спину поклажу и отправился в путь. А перед этим девушка Медведю строго-настрого наказала:

– Смотри, не вздумай открывать мешок. Я буду следить из отдушины и все увижу.

Сама привязала к отдушине белый платок, и он заколыхался на ветру. Шел Медведь, шел и говорит:

Я поля миновал,
Притомился, устал,
Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

А девушка подает голос из мешка:

Видят, видят мои глаза...

Оглянулся Медведь, увидел платок над отдушиной и думает:
«Да, следит она за мной...» – поднял мешок и дальше пошел.
Через некоторое время опять останавливается:

Я поля миновал,
Притомился, устал,

Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

Девушка из мешка отвечает:

Видят, видят мои глаза...

«Э-э, все еще она подглядывает». Поднял мешок и снова тронулся в путь. Дошел он до дома, где жила женщина, стучится в дверь.

– Кто там?

– Посылку вам принес, – отвечает Медведь.

Открыла женщина дверь, выхватила мешок и опять задвинула засов. Развязала, а там сверху беляши-лявешки^[6], а внизу младшая дочь. «Ах, доченька моя вернулась!» – обрадовалась мать.

Прошло несколько дней. Старшая дочь говорит Медведю:

– Я бы посылку матери отправила...

– Ладно, – отвечает Медведь, – собери, я сам отнесу.

Девушка посадила на дно мешка среднюю сестру, сверху положила всяких гостинцев и завязала мешок крепко-накрепко. Вернулся Медведь, поел-попил, взвалил на спину посылку и отправился в путь. А девушка строго-настрого ему наказала:

– Смотри, не вздумай открывать мешок, я буду следить из отдушины.

Медведь прошел немного, опустил посылку наземь и говорит:

Я поля миновал,
Притомился, устал,
Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

А девушка подает голос из мешка:

Видят, видят мои глаза...

Взвалил он посылку на себя и дальше пошел, через некоторое время опять остановился:

Я поля миновал,
Притомился, устал,
Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

Оглянулся, смотрит: платок над отдушиной развевается. И голос слышит:

Видят, видят мои глаза...

Делать нечего, пошел он дальше. Постучался в дом, где жила женщина.

– Кто там?

– Посылку вам принес, – отвечает Медведь.

Открыла женщина дверь, выхватила мешок и опять задвинула засов. Развязала, а там сверху беляши-лявешки, внизу средняя дочь. Обнялись они и заплакали от радости.

Прошло еще несколько дней. Старшая опять говорит Медведю:

– Я бы посылку матери послала...

– Ладно, – отвечает Медведь, – собери, я сам отнесу.

– Я приготовлю посылку, – говорит девушка, – но сама отлучусь на время. Ты заберешь ее без меня. Только не вздумай открывать по пути, я буду следить из отдушины.

Села девушка на дно мешка, сверху всякой снеди положила, завязала мешок. Вернулся Медведь, поел-попил и отправился с посылкой в дорогу. Прошел немного и говорит:

Я поля миновал,
Притомился, устал,
Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

А сам смотрит назад: над отдушиной опять платок развевается. И голос слышится:

Видят, видят мои глаза...

«Э-э, и вправду следит за мной», – подумал Медведь и дальше зашагал. Шел, шел, опять остановился:

Я поля миновал,
Притомился, устал,
Что в мешке, дай взгляну,
У-у...

А девушка отвечает:

Видят, видят мои глаза...

Делать нечего, потопал Медведь. Постучался в дом, где жила женщина.

– Кто там?

– Посылку вам принес, – отвечает Медведь.

Открыла женщина дверь, выхватила мешок и опять задвинула засов. Развязала, а там старшая дочь. Обнялись они радостно и стали, как прежде, жить-поживать вчетвером.

А Медведь вернулся в берлогу, видит, нет ни одной девушки.

«Схожу-ка я, верну их», – решил он и отправился в деревню.

Но сестры заранее вырыли глубокую яму, сложили туда дрова и зажгли их, а сверху прикрыли хворостом. Шел Медведь, шел да и провалился в ту яму. Долго просил он, умолял: «Не трону я вас больше, помогите выбраться!..» Не поверил ему никто. Так и остался он в яме и сгорел.

Коза и овца

В давние времена жили, говорят, на свете старик со старухой. Были у них одна Лошадь и один Бык. А из мелкого скота Коза да Овца.

Старик день и ночь работал в поле. Запряжет Быка и погоняет без передыху. Вскоре Бык совсем выбился из сил и захворал.

Старик взял да и зарезал Быка. А Лошадь приуныла: «Теперь, пожалуй, мой черед...» Крестьянам раньше тяжело жилось. Вот и Старика бедность одолела. Понадобились деньги – и продал Лошадь.

Остались теперь у него Коза да Овца. Как-то раз старики советуются меж собой: «Быка зарезали, Лошадь продали. Не прокормить нам уж больше скотину. Надо и Овцу с Козой – на мясо». Услыхали это Коза и Овца, обсуждают вдвоем: «Да, кажется, и до нас дошел черед. Давай убежим!» Рано утром, когда хозяева еще спали, тихонько вышли они со двора. Коза прихватила с собой и мешок, повесив его на рога.

Идут они, идут, уже и день проходит, ночь наступает.

Подходят к дремучему лесу. В кустах на опушке находят волчью голову и кладут ее на всякий случай в мешок.

Идут дальше и скоро замечают в чаще огонек. Подходят ближе, а это костер горит и вокруг него – десяток волков.

Сварили они в большом казане^[7] кашу, сдобрили маслом и едят. Как увидели Козу с Овцой, так глаза у них и разгорелись:

– Ну и ну! К нам еда на собственных ногах явилась, – говорит один из волков. – После каши полакомимся бараниной да козлятиной.

Коза смекнула, куда дело клонится, и кричит громко:

– Бе-е-е, бе-е-е, двенадцать волчьих голов в суме! – вытаскивает волчью голову из мешка и считает вслух: – Одна волчья голова, две волчьи головы, три волчьи головы... – перекладывая одну и ту же голову туда и обратно.

Волки страшно перепугались. Потом самый старший незаметно скрылся в темноте. Другие ждали его, ждали и, не дождавшись, тоже стали один за другим исчезать. Так все десять и убежали. А Коза с Овцой досыта наелись каши и переночевали у костра. Проснулись утром, решили: «Нет, не сможем мы так прожить. Уж как-нибудь одних нас прокормят старики», – и вернулись к своим хозяевам. Говорят, до сих пор живут они вместе.

Козел и баран

Жили-были старик со старухой. Скотины у них не было никакой, а только две тысячи рублей хранилось деньгами. Однажды старуха говорит старику:

– Давай на эти деньги купим кого-нибудь.

Пошел старик в соседнюю деревню. Постучался в один дом и спрашивает:

– Есть у вас скот на продажу?

– Есть, – отвечают.

– Какой? – спрашивает старик.

– Козел.

Купил старик за одну тысячу Козла. Постучался в другой дом и опять спрашивает:

– Есть у вас скот на продажу?

– Есть, – отвечают.

– Какой? – спрашивает старик.

– Баран.

Купил старик еще за тысячу Барана и отправился домой.

Старуха к их возвращению сшила торбу, наполнила ее овсом и говорит старику:

– Не будем животину держать на привязи, пускай пасутся на воле.

И отпустили старики Козла и Барана на все четыре стороны. Немного пройдя, остановился Козел и сказал:

– Сходи-ка за торбой, что бабка нам сшила.

Баран сходил за торбой, и они продолжили путь. Шли они, шли, наткнулись на волчью голову. Козел взял у Барана торбу и положил туда находку.

Вот идут они дальше и видят: костер горит. А вокруг костра семеро волков. Один на домбре играет, остальные пляшут. Заметили волки Козла с Бараном и пуще запрыгали.

– Мясо пришло, мясо пришло, – кричат.

Козел тут говорит Барану:

– Достань-ка из торбы волчью голову, да не молодую, а старую. Молодую мы и без огня съедем.

Достал Баран волчью голову. Козел и говорит:

– Потом и за этих семерых возьмемся...

Услыхали волки эти слова, перестали плясать, задрожали от страха. Козел говорит им:

– Никуда не уходите.

Один из волков подходит к Козлу и умоляет:

– Можно, я отлучусь по нужде?

Козел отпустил его. Другие тоже стали отпрашиваться – кто за дровами, кто за водой.

Так и разбежались все. Ушли и Козел с Бараном.

Волки тем временем встретили Медведя. Медведь спрашивает:

– Что случилось?

Волки отвечают:

– Нас Козел с Бараном чуть не съели.

Медведь говорит:

– Где они? Идемте!

А волки трясутся:

– Боимся мы, не пойдем...

Уговорил-таки их Медведь. Напали они на след. Козел и Баран увидели зверей, забрались на дерево, и след потерялся. Медведь говорит волкам:

– Вы садитесь, а я на бобах погадаю.

Волки уселись в кружок, Медведь – посередине и стал гадать. Баран шепчет Козлу:
– Я упаду сейчас!..
И свалился на землю. Козел сверху как закричит:
– Держи того, кто на бобах гадает!
Медведь так и кинулся бежать. А Козел все кричит вслед:
– Держи его, держи!

Четыре друга

Однажды Кот, Петух, Гусь и Бык подружились и жили привольно и сытно на одной поляне целое лето. Наступила осень, холодные ветра стали задувать, и Кот стал мерзнуть. Говорит он Петуху:

– Морозы грянут скоро, надо нам дом построить споро.

А Петух беззаботно отвечает:

– Я хожу только на заборе, зачем же мне дом?

Пошел Кот к Гусю и говорит:

– Морозы грянут скоро, надо нам дом построить споро.

А Гусь отвечает:

– Я хожу во дворе, не нужен мне дом.

Затем Кот и Быку предлагал дом построить. Но и тот не послушался Кота. Ну что ты с ними будешь делать? Пришлось Коту одному начать постройку дома.

Нелегко ему пришлось. С утра до вечера он трудился, как муравей. Работал не покладая рук, аж кости ныли по ночам. Терпение и труд все перетрут! Построил, наконец, Кот свой дом и стал жить в нем. А дни все холоднее становятся. Коту же холод нипочем, лежит себе на печке да мурлычет. А вот Петух ходит по забору уже без прежнего задора: до пушинки продрог.

Когда уж совсем невтерпеж стало ему, пришел к старому другу Коту и просит:

– Кот, дружище, пусти к себе домой, я очень мерзну, немоготу стало.

А Кот ему:

– Ходи себе по забору, зачем тебе дом?

Петух разозлился, стал угрожать:

– А не пустишь, тогда я всю землю вокруг раскидаю.

Задумался Кот: «А что, если и вправду раскидаю? Тогда развалится дом». Делать нечего, пустил Петуха.

Вскоре и Гусь подошел к дому. Его пуховая шубка тоже поддалась морозам. Стучится Гусь и просит:

– Кот, дружище, пусти меня в дом!

А Кот ему с печки отвечает:

– Иди гуляй себе во дворе. У тебя же пуховая шуба.

Разозлился Гусь и стал грозиться:

– А не пустишь, так я выщиплю со стен весь мох.

Что же делать? Смирился Кот, пустил его.

Через несколько дней такой ударил мороз, аж стены затрещали. Бык во дворе лежит на снегу и дрожит: его шкура тоже не выдержала такого мороза. Не стерпел он, подошел к двери и стал мычать:

– Милый мой друг, пусти меня...

Кот же дал ему от ворот поворот:

– Зачем тебе дом? Ты же ходишь по двору от ворот до ворот.

Рассердился Бык и стал угрожать, что свалит дом. И это, мол, ему нипочем.

Что ты с ним поделаешь? Пришлось Коту пустить Быка. Так они стали жить весело и дружно все вчетвером, простили друг другу обиды.

Прознали об этом Медведь и Волк. Пришли ночью к дому. Волк и говорит Медведю:

– Зайди первым.

А Медведь в ответ:

– Ты сильнее, иди ты первым.

Ни тот ни другой рисковать не хотел. Кинули жребий. Выпало Волку первым войти. Только порог перешагнул, Бык стал его бодать, ребра ему ломать; Гусь машет крыльями, норovit ущипнуть побольнее; Кот весь взъерошился, когти наострил, усы топорщит, так и ходит, грозно мурлычет, а Петух кричит: «Ку-ка-ре-ку!» – еще больше страху нагоняет.

Насилу вырвался Волк из дома. Говорит он Медведю:

– Ой, дружище, беда! Один из них что-то чинил, шилом острым стал мне тыкать в бока. А другой пек блины, стал щипать своим сковородником. Третий сидел на полке и подбадривал: «Так ему, так!» Четвертый шипел: «Поймаю, поймаю!» Чуть сердце мое не разорвалось...

Гороховое войско

Жили-были старуха с дочкой. Была у них Кошка. Однажды девочка жарила в печке горох. Кошка же сидела на стуле перед печкой и грелась. Начал горох прыгать по сковороде и стрелять. Кошка испугалась и шмыгнула на улицу. Бежала по улице и встретила Петуха.

– Куда это ты, Кошка, так спешишь? – спрашивает Петух.

– Идет гороховое войско, вот я и убегаю.

– Возьми, пожалуйста, меня с собой.

– Пошли быстрее, – торопит Кошка.

Идут они вдвоем. Встретился Индюк.

– Куда это вы идете?

– Идет гороховое войско, вот мы и убегаем.

– Не оставляйте меня, – говорит Индюк.

Пошли они дальше втроем. Встретили Журавля.

– Далеко ли собрались, друзья? – спрашивает Журавль.

– Идет гороховое войско, мы скрываемся.

– И я с вами, – говорит Журавль.

Пошли они вчетвером, дошли так до озера. Увидела Утка бегущих друзей и спросила:

– Куда вы путь держите?

Утке объяснили, в чем дело, и она тоже примкнула к ним. Выстроились они в один ряд и идут: сначала Кошка, за ней Петух, затем Индюк, потом Журавль и Утка в самом хвосте. Всякий, кто их увидит, удивляется: «Что за чудеса?!»

Пришли к одной высокой горе, забрались на вершину. Кошка сказала:

– Вот здесь мы и будем жить. Гороховое войско не найдет нас.

На том и порешили. Утка сразу ушла на озеро. Индюк тоже куда-то исчез. Журавль уселся на дереве. Кошка стала мышей ловить. Петух землю царапает, что-то клюет. Так они жили без забот все лето.

Шло время, листья пожелтели, становилось все холоднее. Кошка говорит:

– Ну, друзья, что будем делать? Я уже мерзнуть стала. Давайте дом построим.

А тем и горя мало:

– Нет, нам не нужен дом, – говорят.

Журавль сказал:

– Я на дереве хорошо устроюсь.

Индюк сказал:

– А я под деревом пристроюсь.

Утка тоже не беспокоится:

– Я думаю на озере зимовать. Больше мне ничего не надо.

А Петух:

– Мне и на свалке неплохо будет.

Кошка всех выслушала и сказала:

– Вы как хотите, но я не могу без тепла. Я буду строить дом.

Из обломков кирпичей кладет стены, ставит печку, окна, вместо двери вешает рогожу и забирается на печку.

Скоро наступила зима, бураны замели. Однажды к Кошке постучались.

– Кошка, подружка, пусти к себе, на улице очень холодно, – говорит Журавль.

– Иди сиди на своем дереве, – отвечает Кошка.

– Если так, то я всю крышу разнесу, – грозит Журавль.

Что Кошка делает? Пустила его.

Немного погодя Индюк просится:

- Подружка Кошка, пусти к себе в дом!
- Иди под дерево.
- А непустишь, так я всю рогожу выщиплю!

Кошка Индюка тоже пустила.

Приходит Петух:

- Подруженька Кошка, пусти меня, а то на улице буран.
- Тебе же на свалке хорошо. Вот и иди туда.

А Петух грозит:

- Ах, так! Тогда я все твои стекла побью!

Его тоже пустила Кошка.

В эту же ночь озеро, где Утка жила, полностью покрылось льдом. Пришла Утка и стучится:

- Подруга Кошка, пусти зимовать!

А Кошка ей:

- Иди к себе на озеро.

Утка разозлилась и говорит:

- Если непустишь, так я фундамент расковыряю и дом свалится.

Испугалась Кошка, что дом свалится, пустила Утку.

Так они стали жить в одном доме все вместе: Кошка, Журавль, Индюк, Петух и Утка. Кошка на печке греется и мурлычет. Остальные тоже устроились неплохо. Жили они очень весело и дружно.

Однажды мимо этого дома проходили два дива.

- Кто-то здесь есть, – говорят они друг другу. – Слышны голоса.

Один просит:

- Зайди в дом, посмотри, кто там.

А другой не хочет:

- Нет, ты зайди первым.

Так они долго стояли и спорили. Наконец, один согласился и зашел в дверь. Что тут началось! Утка и Индюк стали щипать его сильно-сильно. А Журавль сверху долбит своим длинным клювом прямо в голову. Кошка царапает лицо. А Петух горланит свое.

Див еле-еле вырвался от них. Рассказал другому, что он видел в доме.

– Двое, – говорит, – стали меня щипать. Третий в голову хотел гвоздь забить. Четвертый царапал лицо. Пятый кричал. Чуть не поймали!

Всю зиму друзья прожили в этом доме. А летом Кошка сказала:

- Гороховое войско, наверное, ушло, пойдем обратно в деревню.

Вот они выстроились один за другим и идут по деревне: впереди Кошка, за нею Петух, Индюк, Журавль и Утка. Все встречные люди удивляются:

- Что за чудеса! И где они только были целый год?

Кто-то узнал своего Петуха, кто-то Индюка своего признал, кто-то Утку, вернулась к своей хозяйке и Кошка. Старуха очень обрадовалась, приласкала ее. А Кошка, говорят, все в печку посматривает: не идет ли гороховое войско?

Кот, тигр и человек

Однажды встретились Тигр и Кот. Тигр удивился и говорит:

– Эй, братишка, что с тобой случилось, отчего ты остался таким маленьким?

Отвечает Кот:

– Э-эх, дядя-дяденька, у меня хозяин такой злой, такой сильный! Это он меня таким маленьким оставил.

Тигр заинтересовался:

– Неужели он такой сильный? Может, и меня сильнее?

– Сильнее, гораздо сильнее.

– Тогда позви его поскорее, хочу померяться с ним силами, – говорит Тигр.

Кот позвал хозяина. Спросил Тигр Человека:

– Ты его хозяин?

– Да, я.

– О тебе молва идет, что ты невероятно сильный, давай померяемся, кто сильнее, – предлагает Тигр.

– Я бы и не прочь померяться, – говорит Человек, – но сила дома осталась.

– Иди принеси поскорее, – не терпится Тигру.

– Я бы и принес, но боюсь, что ты сбежишь.

– Зачем убегать? Нет-нет, не сбегу.

– А я тебе не верю, – говорит Человек. – Ну-ка, давай свяжем тебе лапы.

– Хорошо, свяжи, – отвечает тот.

Человек достал из кармана веревку и туго перевязал Тигру лапы. Затем вынес из леса хорошую дубинку и начал бить Тигра так, чтоб не чесалось. И вот жизнь у того на волоске висит. Увидел тогда Тигр Кота и говорит:

– Эй, братишка, спроси-ка у своего хозяина: он будет бить меня, пока я с тебя не стану, или же пока не убьет?

– Вот уж не знаю.

Так и избил Человек Тигра до смерти.

Храбрый петух

В давние-предавние времена в деревушке одной жил-был старик. Он был очень беден: кроме Дочки да Козы ничего не имел.

Как-то раз послал свою Дочку на луг вместе с Козой. Девочка целый день пасла Козу и лишь после захода солнца пригнала ее домой, закрыла во дворе.

Старик вышел на крыльцо и спросил:

– Ну, Козочка, целый день на лугу была, что ела, что пила?

А Коза в ответ:

– Съела всего листочек, выпила с ложечку воды.

Дед рассердился и Дочку изругал:

– Не могла одну Козу досыта накормить!

На следующий день старик сам пошел с утра на выгон. Целый день Коза паслась на лугу, наелась, напилась, отдохнула и опять стала травку щипать. Видя это, старик радовался: «Ладно еще сам повел Козу на луг: паслась она привольно и наелась досыта». Подумал так старик и, не дожидаясь вечера, пошел домой.

Когда наступили сумерки, с луга вернулась Коза. Дед стал расспрашивать:

– Ну, Козочка, как дела? Целый день по лугу ходила, что ела, что пила?

Коза ему в ответ:

– Съела всего листочек, выпила с ложечку воды.

Старик очень рассердился. «Оказывается, не девочка была виновата, а сама Коза была обманщицей. Все равно от такой скотины пользы не будет, зарежу-ка лучше», – подумал старик и пошел домой за ножом. Коза нож увидела и, не будь душой, тут же убежала.

Шла Коза, шла и в один дом зашла. Здесь жил Заяц, но его не было дома.

Закатилось солнце, сумерки сгустились. Появился Заяц в дверях и увидел в переднем углу страшного зверя: большие рога, длинная борода. Заяца как ветром сдуло.

Идет Заяц по лесу и плачет, горькие слезы проливает. Повстречался ему Волк и спрашивает:

– Что с тобой, косой, почему ревешь?

– Как же мне не реветь, если страшилище мой дом заняло! Как увидел я его, чуть не помер со страху.

А Волк храбрится:

– Пошли, выгоним его из дома.

Пришли они к дому. Волк робко открыл дверь, увидел в полумраке большие рога, длинную бороду и убежал со страху.

Заяц опять пошел по лесу, проливая слезы. Встретился Медведь.

– Чего, косой, ревешь?

Объяснил Заяц, в чем дело. Медведь тоже расхрабрился: пошли, мол, выгонять страшилище.

Но длинная борода и большие рога нагнали страху и на него. И он тоже убежал без оглядки. Заяц опять идет и плачет. Повстречалась ему Лиса. Расхрабрилась она и пошла выгонять незваного гостя. Да не смогла: сама перепугалась.

Что было делать бедному Заяцу? Покинул он дом свой и побрел куда глаза глядят. На рассвете добрался до дома лесника. А там на заборе сидит Петух. Увидев его, Заяц снова горько заплакал.

– Почему ты плачешь, Заинька? – стал его расспрашивать Петух.

– Как же не плакать мне, если дом мой заняло страшилище, а выгнать его из дому не смогли ни сам я, ни Волк, ни Медведь. Даже Лиса не сумела выгнать.

Жалко его стало Петуху. И он решил Зайцу помочь.

– Ну ладно, не плачь. Веди меня к себе.

Пришли они вдвоем к дому. Петух говорит Зайцу:

– Ты мне только дверь открой, остальное я сам сделаю.

Петух разогнался, влетел в открытую дверь и напал с ходу на Козу: и клюет, и царапает, и крыльями бьет!

Коза не выдержала, убежала из дома вон. А Петух за ней летит и дальше гонит.

Вот так храбрый Петух помог Зайцу у Козы-обманщицы дом отвоевать.

Всемогущий петух

В давние-предавние времена жил один храбрый да пригожий Петушок. Однажды Петушок по улице шел, кольцо золотое нашел и тут же на шею надел. Увидел это Бай и говорит:

– Одолжи мне на неделю золотое кольцо, я тебе проса дам.

Согласился Петушок. Отдал кольцо на неделю и взял просо. Прошла неделя. Пошел Петушок к Баю за кольцом. Но Бай прогнал его: он и не думал отдавать кольцо.

Через два дня Петушок опять направился к Баю. Встретил по пути большого Медведя:

– Эй, Петушок, – говорит Медведь, – куда путь держишь?

– Я к Баю иду за своим кольцом.

– А можно мне с тобой? – говорит Медведь.

– Ладно. Забирайся ко мне в рот.

И залез Медведь ему прямо в рот.

Идет Петушок дальше. Повстречался ему Волк. Поговорив, и он залез к Медведю. Петушок пошел дальше. Навстречу ему Лиса идет. Узнав, в чем дело, она также залезла Петуху в живот. Дошел Петух до дома Бая, взлетел на ворота и крикнул во все горло:

– Бай, кольцо отдай!

Бай приказал слугам схватить его. Заперли Петушка в конюшне, чтобы лошади залягали его. Но Петух немедленно позвал Медведя: выходи, мол, из живота! Медведь вылез из рта Петушка, задрал всех лошадей и обратно залез.

На следующий день Петушка оставили с гусями, чтобы те защипали его. А Петушок позвал Лису: «Выходи скорей из живота». Лиса выскочила, всех до единого порезала и обратно в живот залезла.

Обозлился Бай и велел запереть Петушка с овцами да баранами, чтобы забодали его. А Петушок в сарае позвал Волка: «Выходи, овцы тебя ждут».

Волк вышел из живота, задушил всех овец и обратно залез.

Ну что ты будешь делать с этим Петушком! На четвертый день бросили его в колодец. Петух сказал в колодце: «Вода, зайди в живот!» И вся колодезная вода оказалась в животе у Петушка. Так он остался живым.

На пятый день сильно затопили печку и бросили его в огонь. А Петушок крикнул: «Вода, выходи изнутри!» Вода вся вышла изнутри, затушила огонь и обратно вошла. И так, не добившись ничего, решили сварить его в тот же день и бросили в котел. Очутившись в казане, Петушок снова вызвал воду: выходи, мол, скорее! Вся колодезная вода вылилась в казан, вышла за края и погасила огонь. Петушок соскочил на землю и закричал: «Медведь, Волк, Лиса, выходите из живота!» Звери вылезли и побили всю байскую свору. Нашли они золотое кольцо, поделили байское добро и пошли, весело посмеиваясь.

Вот какой бесславный конец ожидает того, кто позарится на чужое добро.

Соловей

Один Падишах держал Соловья в золотой клетке. Отчего-то эта птичка худела с каждым днем. Падишах спросил своих визирей:

– Знает ли кто-нибудь язык соловья?

– Я понимаю язык соловья, – поклонился старый визирь.

Принесли золотую клетку с Соловьем. Соловей начал петь.

– О чем это он поет? – спрашивает Падишах.

– «Ах, вернуться бы мне в свой дом».

– А где же этот дом?

– Это можно узнать, – отвечает Визирь. – Надо только длинную нитку привязать к его ножке и выпустить.

За городом привязали длинную нитку, выпустили. Полетел Соловей, сел на куст крапивы и запел громко-громко, длинно-длинно: все заслушались.

Падишах шепотом спрашивает Визиря:

– Ну и что он поет?

– Он поет: «Домой вернулся, домой вернулся».

«Ты гляди-ка, птица, а тоже по родине тоскует. А ведь солдаты мои по двадцать пять лет служат, еще к тому же в самые молодые годы», – подумал Падишах и вскоре издал указ сократить срок военной службы до двенадцати лет.

Мудрая сова

Однажды Падишах птиц собрал всех своих подданных и говорит:

– Вы знаете, зачем я вас собрал?

– Нет, не знаем, – отвечают те. – Если скажешь, узнаем.

– Я вот хочу узнать, в мире сухих деревьев больше или зеленых? Мужчин больше или женщин?

Никто не знает, чего больше, чего меньше, кого больше, кого меньше.

– А все ли птицы собрались? – спрашивает Падишах.

– Только одной Совы нет, – отвечают ему. – Она мышку подкарауливает.

– Тогда подите приведите ее сию же минуту.

Улетели птицы, стряхнули Сову, привели сейчас же.

– Почему не была на собрании? – спрашивает грозно Падишах.

– Времени у меня не было. Уж больно я хотела есть.

– Ну ладно, скажи вот, чего больше, сухих деревьев или зеленых?

– Сухих деревьев гораздо больше, – отвечает та.

– Почему? На мой взгляд, весь лес кажется зеленым.

– Нет, – упорствует Сова. – Я ведь как считаю? Если засохла хоть одна ветка, значит, все дерево сухое. Вот поэтому сухих деревьев очень много.

– Ну хорошо, – соглашается Падишах, – пусть будет так. Скажи тогда вот что. Кого больше, мужчин или женщин?

– Женщин больше, – отвечает Сова.

– Это почему же их должно быть больше?

– А потому, что я не считаю мужчиной того, кто на поводу у своей жены ходит.

– Правильно, – говорит Падишах. – Значит, все-таки их больше.

За мудрость Падишах птиц пощадил Сову, более того, сделал ее своим визирем.

Луна и солнце

В незапамятные времена Луна и Солнце хотели стоять вдвоем всегда на одном месте. Созвали они всех птиц и зверей. Никто не стал противиться их желанию, все подписались.

И только одна Летучая Мышь не подписалась.

– Ты почему не подписалась? – спрашивают ее.

– А потому, – говорит Летучая Мышь, – я не подписалась, что если они оба будут стоять на одном месте, то ветер будет дуть всегда в одну сторону и деревья вырастут кривые. Кроме того, и хлеб будет расти только там, где солнечно, а в тени – вовсе нет.

– А ведь правда, так и будет, – поняли птицы и звери.

Чтобы этого не допустить, вынесли они новое решение, которое гласит: «Луне и Солнцу на одном месте не стоять, а ходить порознь и вокруг Земли кружиться».

Солнце очень обозлилось на Летучую Мышь и сказало: «Я тебе не позволю летать при мне».

Луна была более спокойная и ничего не сказала. Вот поэтому Летучая Мышь днем не появляется, лишь только ночью летает.

А все звери, птицы, даже люди – все одобрили кружение Луны и Солнца. И хлеба стали хорошо расти.

Волшебные сказки

Шахмара – змеиный падишах

В стародавние времена некий бедняк промышлял тем, что собирал и приносил из близлежащего леса хворост, продавал его и на вырученные деньги покупал себе пищу. Вот он раз пошел за хворостом и в другой раз отправился. И так бесчисленное число раз ходил, только однажды остановился он в лесу, бросил вязанку наземь и присел под высоким раскидистым деревом. Бедный человек так уж устроен: нет-нет да и призадумается. Сидит он, задумавшись, под деревом и землю возле ног своих ковыряет: так ковырнет и этак пропашет.

Жизнь у него нелегкая, вот он и сидит, задумавшись. Ковырял землю, ковырял и добрался до какого-то железного кольца. Думает: «Что за железяка такая?» Глядит со вниманием. Стал дальше копать, видит – здоровенная железная крышка. «Это, – думает бедняк, – не иначе как воры здесь награбленное хранят, разбойники, они и крышку приспособили». Принялся он тут за дело: где палкой подденет, где камень подставит – откинул-таки крышку. Сунул в дыру длинный сук – воткнулся тот сук в нечто мягкое, податливое. Выдернул сук и глянул. «Ну, – думает, – это ведь прямо на мед смахивает». Тронул он сук измазанный пальцем, а палец лизнул тотчас – и вправду, чистейший мед. Закрыл он тогда дыру крышкой и направился из лесу домой.

Пришел домой. Взял ведро. Пошел опять в лес, ведро медом наполнил, а крышку опустил на место. Двинулся в одну деревню – мед продал, получил неплохую прибыль. Теперь уже хворостом не промышлял. Таскал-таскал мед из дырки, притомился. Пошел к соседу и сказал ему:

– Я тут одну вещь отыскал, ты не говори никому. Айда со мною.

Взяли с собой квасные ведра, горшки прихватили, отправились.

Дошли до места. У соседа глаза на лоб полезли. Черпают мед из дыры, только шум стоит. Нагрузились, домой потопали. Меду невпроворот, уж и ставить-то дома негде. Но из дыры все подчистую выскребли. Ни единой капли не осталось – ну, в таком разе и сам бедняк, и сосед его вроде как успокоились.

Вот у бедняка опять все деньги кончились. Знает он, что меду в дыре ни ложки, а страсть хочется ему еще разок туда наведаться: вдруг чего появилось в дыре этой, а? Не стерпел как-то, двинулся в лес опять. Ладно, дошел и крышку откинул. Набрался духу и сам туда полез, в дыру эту. «Что-то, – думает, – непременно есть там интересное». Спустился – глядь, а сбоку в стене ручка торчит на манер дверной: право, интересно! Увидел он ручку эту и загорелся: «Непременно там есть что-то». Вздохнул и за ручку дернул. Открылась ему тогда картина: простор светлый, а там, в сиянии, клубками змеи выются, да большие какие – страх! Посреди самого скопища возвышение белоснежным покрывалом застелено... и Белый Змей на покрывале возлежит. Зашипели змеи, потянулись к бедняку, пасти смрадные разинули... В самый жуткий миг дернул Белый Змей кончиком хвоста, словно приказал всем: «Смирно лежать, не трогать!» Возле того возвышения белый камень лежит. Блескущий весь, очень приятный. Змеи к нему так и тянутся, лизнуть норовят.

У бедняка тем временем от голода живот свело. Прямо сил больше терпеть нет, как ему есть хочется. И то, сколько уж времени ни крошки во рту не было. Махнул Белый Змей хвостом: иди, мол, сюда – бедняку-то этому. А он сидит, шевельнуться боится: «Сожрут, – думает, – змеи, и пикнуть не успеешь». И в этот миг заговорил Белый Змей человеческим языком:

– Джигит, послушай меня. Забрал ты весь мед, который мне на пропитание был предназначен, продал его и поимел некоторую пользу. Опять сюда забрался. Не иначе есть у тебя и жена, и дети: скучать по тебе станут. А ты уж больше их не увидишь, отсюда тебе вовек не выбраться. До конца дней теперь с нами жить будешь.

Заплакал бедняк, само собой, от таких слов, а Белый Змей продолжает:

– Ты не бойся, я тебя в обиду не дам. Ни одна тварь тебя не тронет, а есть захочешь – подойди, лизни вот этот вот камень. Тогда и сыт станешь, и жажду тем утолишь.

Делать нечего, хоть и боится бедняк, а пошел, камень лизнул... И о голоде тотчас забыл, и жажды как не бывало.

Вот вспомнил однажды он свой дом, детей да жену, заплакал слезами горькими. Пожалел его Белый Змей. А джигит возьми да скажи в тот самый миг:

– А сам-то ты кто будешь, если всех здешних гадов ничуть не боишься?

Почему бы и не поговорить с ним, коли уж Белый Змей сам заговорил?

Белый Змей отвечает:

– Я их падишах буду. А звать меня Шахмара.

Джигит говорит:

– А нельзя ли мне как-нибудь отсюда выбраться? Ради всего святого, послушай ты меня, не отказывай!

Шахмара молвит:

– Я бы тебя выпустил, да только ты будешь причиной моей гибели. Ты обо мне людям расскажешь. И рассказ тот обернется смертью моей.

– Не скажу, клянусь всем, чем ты хочешь, – уверяет джигит, ну и в грудь себя бьет, и клянется всяко: мол, как увидел, так и забуду напрочь.

Раз он так наобещал, Шахмара и повелел некоей змее: «Иди, мол, выпусти его отсюда», – то есть хвостом по-своему указал. И опять:

– Коли скажешь кому, тут мне конец наступит. Не смей говорить, обижусь иначе!

– Не скажу, – говорит джигит, заплакал, конечно, клятву дал.

Потом уцепился он за хвост той змеи, она его наружу и выволокла. А сама опять вниз, в дыру, юркнула.

Джигит домой вернулся. Домочадцы его обрадовались, всплакнули даже на радостях. Еще бы: столько месяцев пропадал человек, да вернулся вдруг – большая радость!

Заболел в том городе падишах. Лекарей всяких к себе призвал.

– Для того чтобы от этой болезни излечить, – говорят ему знахари, – нужен человек, который Шахмару видел.

Падишах спрашивает:

– А кто это, Шахмара? Я его не знаю.

Один знахарь поясняет:

– Шахмара – это Белый Змей, змеиный падишах.

Падишах говорит:

– Мало ли кто его видел, как мы такого человека распознаем?

– А это уже наше дело. Ты прикажи баню построить. И чтобы каждый человек в эту баню сходил. Вот тогда мы распознаем. Тот, кто Шахмару видел, телом должен быть весьма пятнист, понятно?!

Приказал падишах – баню построили, истопили как следует. Когда все приготовили, стал падишах приглашать людей в бесплатную баню. Ну, пошел народ. Бесплатно-то каждый готов попариться. Тех, кто в баню сходил, записывают поименно. Потом и принуждать стали – ходят, спрашивают: «А ты в бане был?» Если нет – ступай, мол, и не сопротивляйся. Поймали и того бедняка, который Шахмару видел. Спросили у него:

– Был ты в бане или нет еще?

Он говорит:

– Был.

Посмотрели по записи, говорят:

– Как тебя зовут?

Он говорит:

– Так-то.

Ищут теперь его имя по книжке. Нету. И потащили его в баню силком. Разделся он. Телом пятнист – дальше некуда, полосат весь и черно-бел. Распознали его, конечно, знахари, но спрашивают:

– Отчего у тебя тело такое странное?

Он говорит:

– Это у меня с детства так.

Знахарь возражает:

– Нет, это у тебя не с детства. Ты змеиноного падишаха видел, Шахмару, оттого и телом пятнист.

– Не только змеиноного падишаха, но и простую змею никогда не видал, – говорит бедняк. Обманывает, конечно, потому как не хочется ему змеиноного падишаха сгубить.

За обман падишах его в тюрьму посадил. Три дня просидел он там без еды, и каждый день допытывались:

– Ты, – говорят, – лучше скажи, если видал.

Нет, не говорит бедняк. Ну, выпустили его из тюрьмы.

Знахарь предлагает:

– Надо ему иголки в тело втыкать, да не сразу много, а по одной, тогда скажет.

Притащили бедняка. Воткнули иголку. Закричал бедняк дурным голосом. Еще одну иглу воткнули. И закричал он тогда пуще прежнего. Но опять не сознается. Только воткнули в него третью иглу – не выдержал:

– Видал, – говорит.

– Почему не сознавался? – допытывается знахарь. – Сколько времени протянул, давно бы так! Где видел?

Тот отвечает:

– Прошуршал в лесу, откуда же мне знать было, что это змеиный падишах...

Знахарь расспрашивает дотошно:

– В каком лесу, где именно?

Тот говорит:

– Не знаю, давно это было, теперь уж и не припомню.

Знахарь грозит:

– Раз так, раз не признаешься, мы тебе вот некоей машинкой руки-то ущемим да станем по одному ноготки выдирать.

Бедняк молчит. Посадили его возле машинки. Руки ущемили. Выдрала машинка у него с одной руки все ногти. Молчал бедняк. За другую руку принялась. Как содрала ноготь с мизинца, он и признался: так-то, мол, и так-то, видел там-то, но людей туда не поведу, сам отыщу и вам представлю.

Взял бедняк золотую тарелку и, собравшись с духом, отправился за Шахмарой. Пришел в лес, крышку откинул. Вниз спускаться не стал, крикнул сверху изо всех сил:

– Шахмара!

Услыхал Шахмара его зов, ползет из дыры плавно, как вода в реке течет.

– Эх, – говорит, – джигит, так-то обещания, клятвы свои держишь? Я бы еще пожил на белом свете, да тебе сдуру доверился. Теперь все, конец мне приходит.

Увидал бедняк Шахмару и заплакал:

– Никогда бы не проговорился. Три дня в тюрьме продержали. Иголки в меня втыкали. Ногти с одной руки повыдирали, и то молчал. Да уж больно смрадно дыхание смерти: как с другой руки стали выдирать – не утерпел, сказал им...

– Ну что ж... Видно, судьба моя такая. На тебя зла не держу, много ты страданий за меня принял. – И стал Шахмара того парня уму-разуму учить: – Вот понесешь ты меня во дворец, чтобы сварить моего мяса для больного падишаха. Тебе и велят меня варить. Как примешься, разруби меня на три части. Первый отвар велят слить и в сторону отставить. Скажут тебе: выпей этот отвар. Второй отвар опять прикажут слить и в сторону отставить. И третий отвар слить велят и отставить в сторону. Сделаешь все, как приказано. Только первый и третий отвар местами поменяй. И на третий отвар укажи – вот, мол, отвар первый.

Принес бедняк змеиного падишаха во дворец. Велели ему сварить Шахмару. Разрубил он змея на три части. Бросил в котел. Первый отвар слил и в сторону отставил в отдельной посуде, и второй отвар, и третий. Потом взял быстренько да первый отвар с третьим местами поменял.

Пришел тот знахарь:

– Отварил?

– Отварил.

– Где первый отвар?

– Вот, – показал бедняк.

– Где второй отвар?

– Вот тут.

А он поменял ведь отвары местами-то, как его Белый Змей научил. А для чего, и сам не знает.

– Вот этот я выпью, а этот пей ты, – говорит знахарь.

Достался знахарю вместо третьего первый отвар. И тут же лопнул живот у знахаря. А бедняк сам выпил третьего отвара и стал понимать, о чем в котле толкуют куски разрубленного Шахмары. Разговаривают в котле куски-то. Голова говорит:

– Если падишах меня съест, у него голова перестанет болеть.

Туловище говорит:

– Если меня съест, тело перестанет болеть.

Хвост говорит:

– Если меня съест, ноги перестанут болеть.

Оказывается, знахарь, подлец проклятый, хотел третьего отвара испить, чтобы понимать язык лошадей, коров и всех других животных. Теперь, конечно, бедняк тот язык всех животных и зверей понимает.

Дали падишаху голову Шахмары: у падишаха голова прошла. Дали туловище – живот прошел. Хвоста дали отведать – и ноги у падишаха излечились. Стал падишах здоровее прежнего.

В конце концов бедняк тот сам стал ученым лекарем. От всех болезней умел лечить и языки звериные знал.

Зухра

В незапамятные времена жили, говорят, некие старик со старухой; жили и были.

Как ни родится у них дите на свет, так и помрет сразу. Ладно, родила однажды баба дочку. Назвали ее Зухрой. И красоты она была, говорят, неопишущей. Пуще всего старики сглазу боялись, оттого держали дочку взаперти, ни на улицу не выпускали, ни людям не показывали. А все ж таки знал народ об их поздней радости. Вот исполнилось дочке четырнадцать лет, и как-то в пригожий день занесло в избу соседских девчат: окружили они бабку, стали просить-умолять старую. Щебетали в голос:

– Бабушка, милая, отпусти Зухру с нами на озеро выкупаться!

Бабушка отвечает:

– Что вы мелете? Нет у нас никакой дочки.

А те говорят:

– Есть-есть, мы точно знаем.

Старая на своем стоит, не пускает дочку. Три дня кряду просят девчушки. Уступила в конце концов бабка. Одели Зухру, украсили как могли. Сказала бабка:

– Смотри, долго не пропадай, побыстрее домой возвращайся.

Да-а-а, удивительно красива была дочка у стариков. Бегут девчушки к озеру на окраине села. Разоблачаются вмиг и ныряют в воду. Платья свои на берегу побросали. Но вот, накупавшись, выходят они на берег, одеваются. И Зухра тоже выходит. Глядь, а на платье у нее лежит толстая, длиннющая змея. Перепугались девчата, разбежались кто куда. И Зухра боится, к платью своему не подходит, плачет горько. Убежала бы, да как без платья пойдешь? От людей стыдно. Да в тот миг самый заговорила змея человеческим голосом:

– Не плачь, Зухра, я тебя не трону, и платье свое заберешь, да только скажи мне, пойдешь ли за меня замуж?

Зухра ужаснулась:

– Батюшки, ты чего же это говоришь?

– Одно я тебе скажу: как исполнится тебе восемнадцать, тотчас приду я и заберу тебя из дому, готовься!

Сказала змея те слова свои и нырнула в озеро, только след кругами пошел. Осталась Зухра на берегу в страхе и растерянности. А как явилась домой, спрашивает у нее старуха-мать:

– Доченька, что с тобой приключилось? Побелела ты как полотно, ни кровиночки у тебя на лице нет.

Рассказала ей Зухра все по порядку и говорит напоследок:

– За гадину эту черную ни в жизнь замуж не пойду, спасите, маменька, не то смерть моя наступит!

Говорит ей мать, старая бабка:

– Не печалься, детка, свет очей моих. Не для того я тебя на свет рожала, чтоб за гадину замуж отдать. Ничего, способ отыщем.

Успокоилась Зухра.

День за днем, год за годом, растет у стариков дочка, вот уж и восемнадцать ей стукнуло. Избу свою они, памятуя о Черном Змее, всю как есть чугунным забором обнесли.

Однажды вбегает Зухра домой перепуганная и кричит дрожащим голосом:

– Маменька, маменька, там змея идет.

Выскочили старики на улицу, смотрят: небо как в грозу потемнело и весь белый свет словно бы вверх дном перевернулся. И кого только там нет на дворе: и аждаха, и пэри, и злые джинны, и змеи ползучие... Бросились хозяева обратно в дом, заперлись крепко. Обступили чудища избу со всех сторон, и раздался голос Черного Змея:

– Ты, Зухра, слово свое не сдержала, не ждала меня, не готовилась. Вот я к тебе пришел, выйдешь ли, нет ли?

Отвечает Зухра:

– Нет, не бывать этому. Уходи, откуда пришел!

– Не для того я сюда явился, чтоб с пустыми руками уйти; дорого мое время... Выйдешь?

Говорит Зухра:

– Нет, не выйду.

– Что ж, тогда я тебя силой возьму.

И тут угол дома начинает в воздух подниматься. Перепугались старики до смерти. Подумала Зухра, что, видно, на роду это у нее написано, и крикнула Змею:

– Выхожу, выхожу, Черный Змей.

В тот же миг опустился дом на прежнее место. Выпустили старики Зухру на улицу. Черный Змей перед ней व्यюном вьется, а вокруг темен воздух от всякой нечисти – пэри, джиннов и гадов ползучих. Свист и шипение стоят неумолчные. Взмахнул Черный Змей хвостом – и пропала вся нечисть.

Змей зовет:

– Пошли, милая, время настало.

Зухра отвечает:

– Пошли.

И двинулись они парюю. Змей рядом скользит. Зухра споро вышагивает. До озера добрались. Змей говорит:

– Обовьюсь я вокруг тебя и в озеро нырну, ты не бойся.

Зухра храбрится:

– Я не боюсь.

Прошел уже страх у Зухры.

Обвил змей ее на манер пояса и нырнул прямо в озеро. Долго ли, коротко ли под водою плыли, пока двери какой-то не достигли. Открыл Змей ту дверь и вначале сам туда проник. Потом и Зухру втянул. За дверью золотая лестница вниз ведет. Ударился Змей о ту лестницу раз и другой и обратился в молодого, стройного джигита. И сказал он Зухре:

– Ты не бойся меня, я ведь и сам из людского племени. Джинны меня украли еще ребенком. Превзошел я все их коварные хитрости и сам над ними падишахом сел.

Ожило сердце у Зухры от этих его слов: в ту же минуту влюбилась она в джигита.

Падишах молодой повел ее, владения свои показал. Чего только нет там! И все из золота да серебра. Вот поженились они немедля и зажили дружно. А джигит умный оказался, джиннам спуску не дает – трудятся они на него не покладая рук, а людям вредить и вовсе не позволяет.

Три года минуло, и родились у них трое детей, один другого краше, как яблочки наливные. Все бы хорошо, да затосковала Зухра по отцу-матери, по родимой сторонке.

Вот как-то говорит Зухра мужу:

– Отпустил бы ты меня на пару недель в родимый дом. Я бы деток наших матери показала.

Падишах противиться не стал. Говорит жене:

– Ладно, отправляйся да захвати с собою золота, серебра сколько надобно, чтоб старики до смерти нужды не знали.

Взяла Зухра с собою много золота и серебра и всех детей своих взяла с собою. Пошел падишах провожать ее с детьми да с поклажей. Дошли до лестницы золотой, ударился об нее трижды и обратился в Черного Змея. Обвился вокруг них и вынес всех на берег озера. А когда попрощалась жена и собралась уходить, спросил Змей у Зухры:

– А как возвращаться будешь, ведомо тебе?

Зухра говорит:

– Нет, не ведомо.

– Скажешь только: «Падишах джиннов, явись передо мною!» И я появлюсь тотчас. Только смотри, не проговорись. Если проговоришься, погибну я.

Ушла жена. Добралась до дому. Обнялись, поплакали на радостях, одарила она родителей серебром-золотом, внучатами порадовала. Отдыхают они теперь в свое удовольствие. Как остался день до возвращения, начала Зухра собираться, готовиться. По мужу своему, падишаху джиннов, сильно истосковалась, хочется ей быстрее к нему попасть. Только доняла ее мать расспросами, и открыла Зухра тайну: так, мол, и так надобно сказывать – и явится мой супруг в образе змея.

Вот легла она спать перед дорогой и детей уложила, а мать, баба старая, говорит себе: «Нет, не пушу ее обратно к гаду черному. Пусть со мною живет».

Ровно в полночь взяла она острую саблю и сама пошла к озеру.

Говорит старая:

– Падишах джиннов, явись передо мною!

Всколыхнулось озеро, и выполз на берег Черный Змей. Не успел он и голову поднять, взмахнула старая булатной саблей и снесла ему голову. Завертелся Змей и вытянулся, как палка, мертвый. А бабка бросилась в свою избу, легла тотчас и захрапела.

Поднялась Зухра чуть свет, стала в дорогу собираться, а мать ей говорит:

– Не торопись, доченька, все одно назад воротишься.

Зухра говорит:

– Нет-нет, маменька, прощайте, не поминайте лихом.

Собрала она детей своих и отправилась к озеру. Не терпится ей мужа своего любимого скорей увидеть. Вот и до озера дошла. И крикнула что есть мочи:

– Падишах джиннов, явись передо мною!

Нет никого, пусто. Чуть погодя крикнула она еще раз, потом еще и еще – нет Черного Змея. Растерялась Зухра. Над озером черный туман висит, тишина мертвая. Глянула она невзначай под ноги, а там его голова лежит. Закричала она дурным голосом, упала и заплакала горько, обняв ту голову. Поняла Зухра, как все оно было, поняла тогда, как ее предала родная мать. Встала Зухра, отыскивала тело Черного Змея, вырыла она с детьми яму. Хоронили они падишаха джиннов – слезами горячими обливались. После того взяла Зухра одного своего дитятю и, плача и сетуя, бросила его прямо в небо.

– Ступай, родненький, обернись там соловушкой, утешай людей своею чудесною песней.

И обернулось ее дитя соловушкой, и прочь улетело. Взяла она второго на руки:

– Ты, детонька, свет очей моих, ласточкой обернись, пусть люди восхищаются ловкостью твоей.

Обернулось дитя быстрой ласточкой и прочь улетело.

Взяла она третье свое дитя на руки и долго плакала, на него глядячи.

– А ты, золотце мое, обернись мудрым скворушкой, кому все языки на свете ведомы.

Улетел и скворушка. И тогда встрепенулась Зухра раз и другой и сама обернулась сизой голубкою.

Вот откуда, говорят, появились на свете соловьи, ласточки, скворцы и сизокрылые голуби.

Чернокрыл

В стародавние времена жил, говорят, один старый человек. Было у того старика ни мало ни много – три дочери.

Вот как-то раз начал он собираться, чтоб на базар поехать. Во время сборов улучил минуту, разбудил старшую дочь, спросил: что, мол, тебе такое в подарок привезти? Разбудил и среднюю: каких, мол, гостинчиков тебе с базару надобно? Младшенькую же пожалел будить – сладко спала она, меньшая дочурка. Отправился старик на базар.

В то самое время снится младшей его дочке удивительный сон. Будто бы, попавши в сад огромный, высоченными заборами обнесенный, играет она с чудесным, неслыханной красоты цветком. Забавляется и час, и два, наглядеться не может. Только вдруг... Пропал цветок с глаз долой. Бросилась она искать его, весь сад обошла – цветок словно сквозь землю провалился. Загоревала она сильно, запечалилась, заплакала в голос да с тем и проснулась. Обступили ее домочадцы: мол, отчего ты плачешь, чему печалишься, – ни слова в ответ не добились. Пошла она в их собственный сад, вокруг отчего дома разбитый, все дивный цветок высматривала. Нет, не нашла цветка в этом саду.

Воротился старик с базару, раздал дочерям подарки наказанные. Младшенькой и безо всяких наказов привез старик гостинцев вдвое, самых изысканных, – нет, не угодил он младшенькой, та лишь ручкой белой махнула, отказалась ото всего. Поразился старик такой ее неласковости, руками взмахнул, спросил с тревогой:

– Что, что с тобою, радость моя? Отчего ты гостинцам моим не рада?

Утерла младшенькая заплаканные глазки и рассказала отцу, какой видела сон: как была она в саду роскошном и с цветком игралась невиданным.

– Мне, – говорит младшенькая с мольбою, – только этот цветочек люб, коли отыщешь его да мне привезешь, более ничего мне в этой жизни не надобно.

Знает, слышал старик об этом цветке, будто растет он за тридевять земель, в неведомых землях, однако изъявил согласие и поклялся привезти его милой детоньке своей. Говорит он:

– Привезти-то его привезу, да не будет нашей семье проку от того цветка, а будет вред один.

Пропустила доченька слова отцовы мимо ушей: мне, мол, цветок очень нужен!

Стал этот старый человек в дальнюю дорогу собираться. И вспомнил в тот самый миг о сундучке старинном, от деда-прадеда доставшемся. Сказал ему дед перед смертью: «Коли попадешь в беду, открой сундучок и бери все, что там лежит». Вспомнил старик об этом, бросился к сундучку, открыл и вынул оттуда свисток, три человеческих волоса да палку складную метровой длины с серебряными набалдашниками. Завернул старик с собою заветные вещички, пищу взял по возможности, распрощался со всеми и двинулся в путь.

Много дорог он прошел и запутался, наконец, в густом непроходимом лесу, где волки вокруг него собрались уже в алчную стаю. Растерялся старик да сунул руку невзначай в правый карман, и попался ему тогда давешний свисток. Выхватил его старый путник и дунул трижды. И поднялась, говорят, в лесу том буря страшная, небо с землею смешалось и деревья вековые валило, как сухие тростиночки. Едва сам он уберется от той жуткой бури. И много еще приключений испытал старик в дремучем лесу, пока через месяц пути не оказался на обширной цветущей поляне. Жажда томит старика и голод мучает, обессилел старик хуже некуда. Бродит он вдоль поляны и поперек, ищет, как бы ему жажду утолить, видит – стоит древний неохватный вяз и ключ из-под него бьет светлый. Ахнул старик и припал к родниковой воде. Пил-пил, аж воды в роднике на глазах убыло. А к тому ключу звери хищные на водопой приходили, вот углядели они, что воды вдруг почти что не стало, и бросились, рыкая, на несчастного старика.

Поднес он, дрожа, свисток ко рту, дунул трижды, и новая буря разметала зверей в разные стороны. Едва и сам-то старик уцелел от этакой напасти.

Пошел он дальше и скоро ли, нет ли, а только вышел в бескрайнюю знойную степь. Еды у него нет уже, питья нет, и сил, конечно, тоже совсем не осталось. Перестали старика ноги держать. Вдруг он вспомнил что-то, сунул руку в карман и вытащил один волос. Дунул старик на него, улетел волос, а перед изумленным путником раскинулась скатерть, вся яствами и напитками уставленная. Остолбенел тут старик и понять не может: во сне или наяву ему все это привиделось? Утолил старик голод и жажду, одолел знойную степь и вышел к высокой каменной горе с роскошным блистающим дворцом на вершине. Дунул старик на второй волос, подкрепился как следует, отдохнул и двинулся ко дворцу в гору.

Через четыре всего месяца пути, на первый же день месяца пятого, оказался старик возле роскошного сада, что окружал пышным валом тот блистающий дворец. И пал уже вечер, дунул старик на третий, последний волос, поел, лег на траву и уснул.

С рассветом вздрогнул старик и проснулся. Проснувшись же, сел и вспомнил тотчас, что занесло его сюда за цветком невиданным. И полез старик на ограды, и спрыгнул в сад, и пошел искать. В саду ягоды растут, плоды на ветках висят ароматные. А посреди сада, за ягодами, за плодами, растет цветок невиданный, старику весьма надобный, да не один, а целая поляна. Сорвал старик не букет, но три цветка, по одному каждой дочери, сорвал и осторожно стал выбирать. Уж возле ограды он был, когда раздался шум и скрежет ужасные, потемнел светлый день и опустился перед стариком огромный страшный Чернокрыл – орел с железным клювом и железными когтями – и спросил громовым голосом:

– Как посмел ты в мой сад забраться и зачем сорвал ты эти цветы?

Поначалу старик онемел от испуга, а потом рассказал Чернокрылу о трех дочерях своих, о младшенькой, которая во сне видела цветок чудесный и влюбилась в него без памяти. После чего заклекотал Чернокрыл и сказал старику:

– Коли отдашь за меня младшую дочь – цветок тебе оставлю, а коли нет – пеняй на себя.

Не хочется старику младшенькую свою за такое чудище отдавать, да делать нечего – кивает он согласно головою. Отпустил его Чернокрыл и наказал на прощание, чтобы в такое-то время доставил к нему дочь свою. И срок назначил самый короткий.

Ладно, отправился старик домой. Попалась ему, однако, на пути река широкая, бурная – не может ее старик пересечь, как ни старается. Опустились руки у старика, да вовремя вспомнил он о палке с серебряными набалдашниками. Вынул старик палку из мешка заплечного, взмахнул трижды над рекою – и встал перед ним мост с ажурными перилами. Перешел он реку, дальше двинулся и добрался до леса того дремучего, где свистком от зверей хищных спасался. Устал старик, из сил уже выбился, замер он перед лесом и не знает, что ему делать, как пройти сквозь лес непроходимый. А Чернокрыл тем временем старика уж заждался и вылетел посмотреть, что там и как. Зашумело вдруг над стариком, заскрежетало, опустился возле него Чернокрыл своею громадой и сказал грозным голосом:

– Я-то думал, ты вскоре у меня будешь с дочкою, а ты и до дому еще не добрался! Уже два срока прошло, не чуешь?

Взял Чернокрыл старика за пояс своим чугунным клювом, взмахнул черными бескрайними крылами и вмиг оказался в родной старицкой сторонке, где ждала старика с цветком дочка младшая, налюбимейшая. Опустил Чернокрыл старика на землю и пророкотал на прощание:

– Вот сюда и доставь свою дочку к такому-то часу.

В горе и в черной печали добрал старик до родного дома. Выбежали ему навстречу дочери, стали ласкаться, говорить наперебой, как соскучились они по отцу за время разлуки. Невесел был, однако, старик, протянул он младшей дочери цветок злополучный и воскликнул:

– Ах, дочь моя! Видно, на погибель твою привез я этот цветок... Хозяин его, страшный Чернокрыл с железным клювом, хочет тебя замуж взять. Вот уж и сам за тобой прилетел и ждет тебя в назначенном месте...

Как вымолвил он это, так все заплакали, запричитали – не отдадим, мол. Заперли они двери, ставни закрыли, младшенькую в дальней комнате упрятали, спать улеглись.

Ждал-ждал Чернокрыл в назначенном месте, уж и вечер настал, и ночь наступает. Не вытерпел, взмыл черной горою в воздух, к дому старика подлетел. Поднял он лапу с железными когтями, разбил окно и влетел в покои. Взял Чернокрыл перепуганную девицу и унес в свой край, на высокую гору, в блистающие дворцы.

Прилетел Чернокрыл в свои владения, девицу поселил в отдельном дворце в дальнем конце сада. Тот дворец ни одна живая душа, кроме Чернокрыла, посещать не смела. Сильно затосковала девица в таком полном одиночестве. Так провела она два года и в конце второго запросилась у Чернокрыла домой съездить, родных повидать. Чернокрыл говорит:

– Два часа с четвертью на дорогу туда тебе, четыре часа с родными проведешь, два часа с четвертью – на обратную дорогу. Задержишься хоть на миг, добра от меня не жди.

Согласилась она – как не согласиться? Научил ее Чернокрыл, как за два часа с четвертью до дома добраться, и отправилась девица к дому родимому. Добралась, попала в объятия родных. Поплакали вместе. Сказала она им, что сроку ей отпущено ровно четыре часа. В тот же миг кинулись сестры тайком от нее к часам и перевели стрелки на три часа назад.

Пробыла она дома, значит, ровно семь часов. Явилась когда во дворец vyšний, Чернокрыл там с тела сошел, ее поджидаячи.

Чернокрыл говорит:

– Ты вернулась ли к сроку, как я тебе наказывал?

Она отвечает:

– Вернулась.

Чернокрыл говорит:

– Не вернулась ты к сроку, на три часа запоздала. Но твоей вины здесь нет – это сестры твои стрелки на часах перевели, оттого ты и запоздала, оттого и я тебя прощаю.

После чего вострепнулся Чернокрыл и оборотился статным ясноглазым джигитом. Сказал джигит:

– Ты меня птицей нечеловеческой считала. Я нарочно этот облик ужасный принял, чтоб тебя испытать. Ты дома была, далеко, но слово свое сдержала.

После чего взял он ее себе в жены; говорят, и по сю пору живут они в радости и в довольстве.

Бедняк и юха-оборотень

Было время, жил один бедняк на свете, давно это было. Совсем бедно жил джигит – всего и добра, что ведро непарное. Одинок был опять-таки. Пошел он как-то ночью к проруби за водою, пошел да видит: стоит возле проруби девушка, да красивая такая. Глянула на него девица с лукавой улыбкою и спрашивает:

– Отчего ты, абый^[8], с непарным ведром по воду ходишь?

Не захотелось джигиту в своей нищете признаваться. Ответает он ей:

– Торопился шибко, вот и взял одно ведро впопыхах.

Девица говорит:

– Дай ведро, абый, я сама тебе зачерпну.

Ладно. Хороша девка, и фигура у нее статная. Очень понравилась она джигиту. Известное дело: коли сойдутся джигит с девушкой – все одно что огонь к вате поднести. Положил глаз джигит на эту девицу.

– Ты как в нашем ауле оказалась? – спрашивает он.

А девица вопросом отвечает на вопрос:

– Ты женат, абый, или нет еще?

Тот говорит:

– Нет, холостой пока. Жениться времени нету. А ты здесь откуда взялась?

Девица и молвит:

– Не следовало бы тебе рассказывать, да скажу: ни отца у меня, ни матери.

Джигит говорит ей:

– Ты вроде меня, значит, сирота. У меня тоже родители померли.

Девица говорит:

– Тут меня один замуж звал, решилась я, да заплутала здесь, дороги что-то не найду и куда идти, не знаю.

– Брось ты эту затею, лучше выходи за меня – и дело с концом, – предлагает джигит.

Девица отвечает:

– Ладно, пойду, коли возьмешь, только чур не попрекать потом, что безродная.

Джигит говорит:

– Я и сам одинок.

Много они там слов сказали друг дружке. Пошла девица за джигитом и ведро с водою сама донесла до дому. Вот пришли они домой. Джигит и говорит:

– Надо муллу позвать, чтоб все по закону было: никах^[9] и прочие штуки. Иначе интересу нет.

– Ладно, – согласилась девица.

Засучила она рукава и вмиг полы вымыла, печку побелила и самовар раздула. Когда уж она привела избу в порядок, джигит к мулле отправился. Вошел он, поздоровался чин по чину. О здоровье учтиво справился.

Ухмыльнулся мулла, говорит:

– Как делишки?

– Потихоньку, мулла-абый^[10], – отвечает джигит. – Тут привел я кой-кого в дом, пришел бы, никах прочитал, чтоб все по закону, а?

– Ладно, ладно, – соглашается мулла.

Обрадовался, конечно, – думает, дадут ему чего за молитву: а как же, положено давать. Натянул мулла чепан^[11], чалму парадную на голову водрузил огромную. На палку суковатую оперся, в коей длины как два его роста с половинкой. Велит жене своей:

– Ты, старуха, самовар пока разогрей – там, чую, угощения не приготовили. Я мигом обернусь.

Жена спрашивает:

– Рубаху, может, сменишь?

Мулла говорит:

– Там жирного не подадут, не накапаю.

Вот у джигита чай приготовили. Муллу теперь ждут. Идет мулла широкими шагами в больших башмаках. Добрался. Вышли встречать его. Зашел мулла, всех поприветствовал. В красном углу для муллы подушка с соломой приготовлена: мягко будет мулле, позаботились. Засиял мулла. Говорит хозяйину:

– Ты, братец, я вижу, расстарался; похвально, похвально!

Тот отвечает:

– Уж не обессудь, мулла-абзый, чем богаты, тем и рады, ты наше положение знаешь.

Двух соседей привел как свидетелей. Сели. Вынул мулла метрику из-за пазухи – все как надо, по форме собирается.

– Отца как звали, не знаю, – отвечает невеста на вопрос муллы. – Ни отца у меня, ни матери, с детских лет сирота.

– Из какой деревни-то будешь? – продолжает мулла свой расспрос.

Не может сказать невеста ничего и сказала, что на ум пришло:

– Из деревни Темнота.

Остолбенел мулла: что за деревня такая?

Ладно, прочитал мулла никах честь по чести, расписаться их попросил. Свидетели тоже к бумаге приложились. В этот миг у жениха зачесался живот и он сунул руку за пазуху, почесывает слегка. Мулла подумал: сейчас, мол, дадут ему то, что причитается, глаз отвести не может. Вытащил джигит руку – пустая. А только видит он, что мулла заскучал, ждет мулла.

– Мулла-абзый, в долгу не останусь, – утешает джигит.

Мулла говорит:

– Да уж надо бы чего сыскать, а то как же...

Объясняет джигит:

– Вот лаптей две пары имею. Как продам, занесу тотчас.

Мулла отвечает:

– И лаптями годится, я их работнику своему отдам.

Забрал у джигита последние лапти.

Вот ушел мулла. И свидетели вышли. Стали молодые чай пить с прибаутками. Теперь молодка – законная жена джигиту. День живут, два живут, целую неделю прожили. Баба-то цветет, за домом смотрит. У джигита плохи дела: день ото дня все сохнет да желтеет, будто хворый смертельно. Не утерпел он, соседям пожаловался. Говорит:

– Что такое со мной содеялось? С каждым днем все слабею, будто кровь из меня тянут?

Соседи ему говорят:

– Ты проверь-ка жену свою: уж не юха ли это оборотень? Ежели пупок у ней отсутствует, значит, точно юха. Тогда, ежели она без пупка, ты на ночь всю воду из дому убери и двери запири. Притворись, будто спишь, а сам поглядывай за нею.

Пошел джигит домой и углядел, что у жены вместо пупка гладкое место. Тогда вылил он, перед тем как спать ложиться, всю воду, двери запер накрепко, сам захрапел понарошку. Полночь настала. Спрыгнула жена его с сэке^[12], по дому пометалась и опять легла. Сама лежит, а языком стекла оконные лижет: во каков язык у жены. Джигит, конечно, все это ясно видел, однако смолчал.

На другую ночь опять он спящим притворился. Время за полночь – опять жена его принялась стекла лизать.

Встали поутру, джигит ей говорит:

– Ты не пара мне вовсе, неподходящая.

Жена ему:

– Как это так, неподходящая? Такая же, как ты: дочь бедного человека. Чего скажешь – выполняю, работы никакой не чураюсь, ты чего?

Джигит говорит:

– Выполнять-то выполняешь, а чего сегодня ночью делала?

Жена удивляется:

– Как чего? Спать легла, спала до утра.

– Нет, ты не спала, – попрекает джигит, – а стекла оконные лизала. И меня потихоньку изводишь. А намеренно то же самое проделывала, своими глазами видел.

Жена говорит:

– С этого дня чтоб не смел мне эдакое в глаза говорить.

Обхватила она его и сдвинула так, что чуть из кожи не вылез. Взмолился джигит, обещает ей:

– Ежели в живых оставишь, никогда больше и слова не скажу.

Жена ему:

– Чтоб я больше от тебя эдакого никогда не слышала.

– Клянусь, не услышишь, – уверяет джигит.

Спасся он от смерти, отпустила его жена.

Ладно. Жизнь идет себе потихоньку. У джигита в городе родственник жил, дядя по матери. Пишет он дяде письмо: «В такой переплет попал, подскажи, чего мне такое сделать, как быть?»

Дошло письмо куда следует. Вскрыл дядя письмо, читает: плохи дела у племянничка. Направился дядя в завод, где котлы паровые делают, материалу набрал чугуна, велел баню выстроить. Вот баня готова, а дядя племянничку письмо отправляет: так, мол, и так, жду вас с молодой супругой в гости. Получил джигит письмо. Отношения у них с женой теперь отменные. Доверяют друг другу. Письмо это жене прочел, жена радуется: в город поедут, шутка ли! Дядя заботливый – даже денег на дорогу выслал. Купили они билеты и в город поехали.

Добрались до города. Дядя с женой встретили родственников хорошо, душевно встретили. Племянника-то едва узнали, так с лица изменился: пожелтел, высох. Заплакали дядя с женой, на племянника глядячи. Обновок надарили – и племяннику, и жене его, переоделись они в обновки. Теперь так дело пошло – поели все, попили, дядя и говорит племяннику:

– Ступайте-ка вы, милые, в баню. Баня у нас своя, хорошая баня.

Пошли они в баню. Пришли, а баня-то непростая: вся как есть из металла. Стоит дверь закрыта, как захлопывается с треском, будто замочек секретный в женском кошельке. Джигит и говорит жене:

– Ступай вперед, погляди там, воды хватит ли, веничек покамест попарь.

Та одна идти не решается. Муж опять ей:

– Ступай, чего ты мнешься, голову пока намочи. Я только бельишко скину и приду; ступай пока!

Пошла жена в баню, оглядывается. Только она порог переступила – трес! – парень и захлопнул ее в бане. Она все ж таки успела его околдовать: орет джигит благим матом, жалеет стерву.

Тут и дядя подоспел. На раскаленный металл льют теперь сверху из трубы воду. Внутри, конечно, жар неизъяснимый. И воды там не приготовлено. Теперь туда, в баню-то раскаленную, жара еще припустили. Визг оттуда несется, вой да рев – не приведи Аллах. Джигита увели, а не то все вовнутрь кидался. Через три часа пошли проверили. Рассказывали потом: язык, мол,

у нее трижды вокруг дверной ручки обвился, а сама, говорят, в змею обратилась да спеклась там дочиста.

Джигит с того дня на поправку пошел и душой постепенно успокоился. И жил себе припеваючи до конца дней своих.

Рыбак и ифрит

В прежние времена жил один человек – рыбак. Рыбу ловил, продавал ее, тем и содержал свою многодетную семью.

Как-то раз, отправившись порыбачить, закинул он крючок – и попалось на этот крючок нечто страшно тяжелое. Настолько увесистое, что едва он вытянул груз на берег. Оказалось, что это чугунный сундук. На крышке сундука надпись выдавлена. Ни замка нет, ни запора. Сама крышка, однако, весьма плотно подогнана. Подумал рыбак, надпись прочел. Лежал сундук с такого-то года на дне, довольно долго лежал.

Только открыл он сундук, как пошел оттуда дым, а из дыму появился ифрит. И изрек тотчас:

– Человек, вот я тебя съем!

Взмолился рыбак:

– Детишек у меня уйма, если ты меня съешь, кто их кормить будет?

Ифрит отвечает:

– Я там лежал, ожидал, что к такому-то времени из сундука меня выпустят. Не выпустили. Оттого поклялся я, что любого, кто сундук откроет, сожру тотчас.

Сильно рыбак опечалился. И тогда пришла ему в голову одна мысль: понял он, что не удастся джинна-великана так просто, без хитрости, обратно запихнуть. После чего говорит ифриту:

– Ты здесь толкуешь, будто бы из сундука объявился. Да сильно здоров ты, брат, телом. Навряд ли ты из сундука вылез – я, видать, проглядел чего-то из-за дыму-то. Не иначе ты сбоку подлез. Тебе, брат, в сундучке этом ни в жизнь не уместиться.

Тот отвечает:

– Я точно из сундука вылез.

Рыбак будто сомневается:

– А ну-ка, попробуй обратно влезть, уместишься ли? Вот тогда я поверю.

Ладно. Тот на своем стоит:

– Коли не веришь, вот сейчас влезу!

Вдруг ифрит уменьшился и обратно в сундук полез. Поместился туда, а рыбак за ним крышку и захлопнул. Закричал ифрит изнутри:

– Эй, брат, выпусти меня отсюда!

Тот отвечает:

– Не выпущу. Коли выпущу, ты съешь меня грозился, оттого и не выпущу. А на твоём сундуке сейчас еще одну надпись сделаю: кто, мол, откроет, того и сожрут тотчас.

Ифрит тут застонал, наобещал всякого:

– Я своему слову хозяин. Выпусти, я тут долго сидел, не могу боле. Коли выпустишь, я тебе четыре озера укажу. Будешь в них рыбу ловить, рыба та страшно дорогая. Тебе того занятия на всю жизнь хватит.

Ладно, выпустил его рыбак. Поначалу дым из сундука повалил, потом и ифрит объявился. Показал рыбаку четыре озера: вот, мол, из этих самых озер лови. Говорит, будто рыбу из этих озер только падишахи едят.

Показал ифрит озера, распрошлся и был таков.

Пошел этот человек на озеро, ифритом указанное, рыбы наловил. Эту рыбу купил у него сын падишаха. Много денег ему заплатил. Рыбу передал поварам. Повар ее почистил, еще чего надо сделал, уложил на сковороду и на плиту поставил. В этот миг появился на кухне старик некий при чалме и в чепане и проговорил:

– Эй, рыбы, клятву свою забыли?

Рыбы тут востепенулись, головы свои приподняли, сказали:

– Мы клятве своей верны, – и обратились в черный уголь.

Сильно повара опечалились. Нельзя такое блюдо падишаху нести. Кинулись они рыбака искать. Попросили его:

– Принеси нам быстрее рыбин таких же.

Продав им рыбак таких же рыбин и ушел восвояси. Пришли четверо поваров, почистили рыбу, на сковороду уложили. Говорят:

– Теперь уж не сгорит.

Ну, вчетвером присматривают. И опять объявился некий в чепане:

– Эй, неверные рыбы, клятву свою не держите.

Рыбы головы свои приподняли, сказали:

– Клятву мы сдержим, – и опять углем обернулись.

Повара так и замерли: что, мол, за диво такое? Опять рыбака отыскиали. Только уложили рыбу на сковороду, опять объявился старик при чалме и в чепане. Крикнул издали:

– Эй, неверные!

Отвечили рыбы:

– Мы клятву помним, – и опять превратились в уголь.

Тогда позвали падишахов сына. Говорят ему повара:

– Что за странные рыбы, никак их зажарить невозможно, горят и в уголь превращаются.

Три раза уже сгорели, пропади они пропадом.

Ладно, рыбака позвали. Спрашивает у него падишахов сын:

– Ты, брат, в какой воде эту рыбу ловишь?

– В таком-то месте на ваших землях одно озеро, – отвечает рыбак, – потом дальше второе озеро и потом дальше еще два озера – всего четыре озера имеются.

Послушал падишахов сын и удивился:

– Что ж они мне не встречались? Для чего и на свете жить, коли этих озер не знаешь!

И пошел падишахов сын эти озера искать. Искал-искал, не сумел найти. Не сумел найти и бросил в своих краях искать, а пошел в степь широкую. Шел-шел и дошел до некоего сада. В саду соловьи поют, цветы разные, яблони произрастают – такое приятное место. Чайхана даже имеется, только людей не видно. Нет в саду ни единой души. Тогда крикнул он громким голосом:

– Есть у этого сада хозяин, есть тут кто живой или нету?

В ответ донесся едва слышный голос:

– Есть живой человек, только я ходить не могу, ты сам ко мне подойди.

Ладно. Пошел он на голос. К толстому дереву подошел. На толстом дереве гнездо какое-то заметил. И кто-то есть в гнезде: половина тела – камень, другая – человеческая.

Спрашивает падишахов сын:

– Ты чего такой половинчатый?

Тот отвечает:

– Жена меня заколдовала. Да-да, – говорит, – к тому же каждый день сорок плетей мне сыплет. Исхлещет до крови и солью посыплет – такое дело.

Падишахов сын говорит:

– Где это твоя жена шляется?

Тот жалуется:

– Есть у нее тут один ифрит. Вот она возле него.

– А где, – говорит, – они расположились?

– Здесь, – отвечает, – неподалеку. Я-то их голоса отчетливо слышу, да только сам пойти туда не могу.

Двинулся падишахов сын в ту сторону. Видит, лежит какое-то тело непотребное. Увидел – и рядом за дерево спрятался. Бабы нет, лежит пока этот болезненный один-одинешенек. Вот прибежала она к этому ифриту.

– Ах, душа моя, свет очей моих, – запричитала баба, – что ж ты и слова мне ласкового не вымолвишь? – Ноги целует этому ублюдку, чудищу непотребному. Обнимает, целует его, непотребного. Поделала эдак и кушать села. Тот, мол, лягушек, мышей нажарил. Ест баба да нахваливает: – Я, – уверяет, – у того мужа никогда так вкусно не ела.

Поцеловала она ифрита и убежала: мол, сбегая кой-куда и вернусь сразу.

Подошел падишахов сын к ифриту, сел на грудь ему и говорит:

– Вот ты чем занимаешься!

Вынул свой нож алмазный и прикончил ифрита. После чего оттащил его далеко в сторону и бросил. Надел на себя платье ифритово и лег на его место. Баба тут прибежала, обняла его, приголубила:

– Ах ты, родненький мой, как же мне тебя вылечить, как же мне тебя на ноги поднять?

Тот отвечает:

– Я бы выздоровел, да ты сама хвораешь, оттого и я не могу на ноги встать.

– Свет очей моих, – говорит баба, – отчего ты не можешь на ноги встать?

Тот молвит:

– Вон ты мужа своего заколдовала – пойдешь расколдуй. Потом, – говорит, – город заколдовала, в озеро превратила глубокое. Расколдуй, тогда и я окончательно на ноги встану.

Пошла баба и мужа своего расколдовала: спрыгнул тот и своими ногами пошел. И город встал на месте глубокого озера. Баба, конечно, падишахова сына все за ифрита своего принимает. Говорит:

– Все я, душенька, сделала, как ты просил. Ну, выздоравливай же скорее!

Вскочил падишахов сын и прирезал ту злую бабу. После чего надел он платье свое и пошел того половинчатого разыскивать.

Нашел того человека и взял его падишахов сын с собою. Идут теперь, разговаривают промеж себя. Привел его падишахов сын и определил на хорошее место. Тот человек рыбаком оказался, у которого падишахов сын рыбу покупал. Перехитрил его тот ифрит из сундука, заколдовал: оказалось, ифрит тот с его женой шашни завел.

Гульчечек

В давние времена жила в дремучем лесу колдунья и были у нее сын и сноха по имени Гульчечек. Колдунья была злая-презлая. Многих батыров она с пути сбила, многих людей в трясину заманила... Не вынес сын всего этого и ушел скитаться по свету, ушел счастья искать.

А Гульчечек грустила-тосковала по матери с отцом, но старуха-свекровь никуда ее не отпускала, держала взаперти.

Однажды ночью, отправляясь, как обычно, по нечистым делам своим, колдунья забыла закрыть дверь на замок. И хлеб в печи оставила.

Только она ушла, Гульчечек стала собираться к родителям:

Лес дремучий видит сны,
Звезды блещут среди тьмы.
Хлеб из печки выну я,
В путь далекий выйду я,
Навещу своих родных... –

тихо напевала она и, вынув из печи теплый душистый хлеб, положила его в котомку и выбежала из избышки.

Минула ночь, минул день. Далеко успела уйти Гульчечек. Тем временем колдунья вернулась и, не найдя сноху дома, кинулась за ней в погоню. Превратилась она в Серого Волка и бежит, принохиваясь, по следу. И вот уже настиг Серый Волк беглянку и воет толстым голо-сом:

Я волчище – серый хвостище,
Страшный у меня голосище.
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай: у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась Гульчечек. Отдала бы она хлеб, чтоб спастись, да уже ни крошки не осталось от него. Стала она растерянно озираться по сторонам, увидела поблизости большой, раскидистый, дуплистый вяз и взмолилась:

О густой тенистый вяз,
О приветливый мой вяз!
Серый Волк бежит за мной.
Помоги же мне, укрой
Ты зеленою листвою!

Пожалел вяз Гульчечек, развернулся к ней уютным дуплом, где днем скрывались летучие мыши и куда белки складывали орешки, и беглянка в нем спряталась.

Серый Волк всю ночь выл под вязом и царапал когтями землю, а под утро ни с чем убежал домой.

Занялась заря, взошло ясно солнышко, наступил день. Гульчечек поблагодарила доброе дерево и отправилась дальше. Шла она, шла... и стало вечереть. Серый Волк вскоре опять по следу настиг девушку и завыл жутким голосом:

Я волчище – серый хвостище,
Страшный у меня голосище.
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай: у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась бедная Гульчечек. Смотрит растерянно по сторонам и видит: посреди зеленого луга блестит красивое серебряное озеро. Взмолилась она:

О озерная вода!
Приключилась беда.
Серый Волк бежит за мной.
Помоги же мне, укрой
Ты серебряной волной!

Серебряное озеро пожалело Гульчечек, раскачало глубокие воды свои, вздыбило волны, и беглянка очутилась на маленьком острове, окруженном со всех сторон водой. Серый Волк остался на берегу. Всю ночь выл он у озера, царапал когтями землю, наутро же убежал ни с чем домой.

Занялась заря, взошло ясно солнышко, наступил день. Гульчечек поблагодарила доброе озеро и снова отправилась в путь. Шла она, шла... и опять сумерки стали сгущаться. А уже и лес кончается, и крыша дома родительского видна. Но Серый Волк и на этот раз настиг беглянку по следу и завыл:

Я волчище – серый хвостище,
Страшный у меня голосище.
Если хлеб не отдашь мне и спрячешь,
Так и знай: у меня ты поплачешь,
Ох, поплачешь...

Испугалась Гульчечек. Смотрит по сторонам, увидела одинокую развилистую березу и забралась на нее. А Серый Волк роет когтями землю под березкой, к корням подбирается.

Дрожит Гульчечек от страха и плачет: «Неужели так и умру здесь, совсем близко от дома родного, не повидав мать с отцом?..»

Тут на березу прилетел и сел скворец. Гульчечек взмолилась:

Ласковый мой скворушка,
Певчий друг мой, скворушка!
Ты лети за луг-лужок,
Передай мой волосок,
Передай мой волосок!

Гульчечек дала в клюв скворушке волосок, и тот полетел прямо к дому, где жили ее родители. Оставил волос на воротах и улетел.

Тут вышел к воротам брат, заметил волос и взял его. «Не иначе как из гривы моего вороного коня», – подумал он и натянул дома волос на домбру.

Жена его взяла домбру в руки и стала, притопывая, играть на ней. Вдруг струна на домбре запела голосом Гульчечек:

Не играй, ой, не играй,
Ломит руки, ноги.
Не пляши, ой, не пляши,
Приди на подмогу!..

Удивилась женщина:

– О Аллах, что это с домброй случилось? – и передала ее мужу. Тот потрогал было струны, и опять домбра запела:

Не играй, брат, не играй,
Поясница, ох, болит.
Брат, струну не задевай,
Голова моя болит.
У опушки на березе
Льет твоя сестрица слезы.
А свекровь – колдунья злая,
Волком воет, не пускает.
Брат, домбру ты отложи
И на помощь поспеши!..

Тут брат все понял:

– Сестренка Гульчечек в беду попала!

Вскочил он с места, взял дубину, оседлал ретивого коня и поскакал к лесу. Подоспел в самый раз: Серый Волк вырыл под березой огромную яму и дерево уже готово было повалиться... Убил он волка, а сестру привез домой.

С тех пор Гульчечек зажила счастливо, не ведая ни горя, ни печали.

И я у них бывал: сегодня пришел, а вчера ушел. Угощали меня там на славу: масло ел да мед пил. Две бочки, один ковш – знай пей сколько хошь. Жаль одно: по усам текло, а в рот не попало.

Мультаь

В давние-давние времена жили на свете муж и жена. И было у них семеро сыновей. Перед рождением восьмого ребенка отец умер.

Собрались как-то сыновья в путь – искать себе невест. А матери сказали:

– Ах, мама, нет у тебя дочки. Мы поищем и приведем тебе в дочери невест. Если же без нас родится у тебя девочка, выставь над воротами прялку и веретено, если мальчик – лук и стрелу.

Мать долго плакала, прощаясь с сыновьями. Через неделю родилась у нее дочь. И выставила она над воротами прялку и веретено.

Напротив жила семилетняя девочка. Она взяла и сменила прялку и веретено на лук и стрелу.

Однажды братья вернулись было, увидели над воротами лук и стрелу. «Опять у мамы родился мальчик», – подумали они и ушли обратно.

Мать назвала дочку Мульталь. Росла она не по дням, а по часам и скоро вышла играть с соседской девочкой. И вот та говорит ей:

– Эх, Мульталь, ходишь ты одна, а ведь у тебя есть семеро братьев.

– Откуда они? – удивляется Мульталь. – Нет у меня братьев.

– Не веришь, спроси у матери, – говорит подруга.

Спрашивает Мульталь дома:

– Мама, разве есть у меня братья? Где же они теперь?

– Нет никого. Одна ты у меня, – отвечает мать.

– А ты попроси пожарить пшеничных зерен и горячими приложи их к ее груди, тогда она признается, – советует подруга.

Мульталь прибегает домой и говорит:

– Мама, я хочу есть. Пожарь мне зерен.

Та пожарила зерна и дает ей.

– Нет, не буду есть, – упрямится Мульталь, – дай мне грудь пососать.

Мать берет дочь на колени и дает грудь. А Мульталь тут прикладывает к груди горячие зерна и спрашивает:

– Есть у меня братья или нет?

– Есть, – признается мать.

Опять бежит Мульталь к соседке:

– Есть, оказывается, у меня братья.

– Теперь проси у матери арбу^[13] -плетенку, пса, кота и петуха... Отправимся с тобой искать твоих семерых братьев, – говорит ей соседка.

После долгих уговоров мать плетет арбу, покупает пса, кота и петуха. Мульталь с подругой садятся в арбу-плетенку и поют:

Ты, арба-плетенка,
Погоняем мы тебя,
Чтоб скорее нам добратся
До семи родимых братцев.
Ты, мой песик, лай-лай,
К нам волков не подпускай.
Ты, мой кот, мурлычь-мурлычь,
Пусть бежит с дорогимышь.
Петушок, кричи-кричи,

Алу зорьку не проспи.

Так они едут и едут. Арба несется, пес лает, кот мурлычет, петух кричит. И вот встречается им на пути озеро.

– Давай искупаемся, – предлагает подруга.

– Нет, не хочу, – говорит Мультиаль.

Едут они дальше и опять поют:

Ты, арба-плетенка,
Погоняем мы тебя,
Чтоб скорее нам добраться
До семи родимых братцев.
Ты, мой песик, лай-лай,
К нам волков не подпускай,
Ты, мой кот, мурлычь-мурлычь,
Пусть бежит с дороги мышь.
Петушок, кричи-кричи,
Алу зорьку не проспи.

Доезжают они до другого озера. Подруга опять уговаривает искупаться. На сей раз Мультиаль соглашается. Та говорит:

– Давай нырнем и посмотрим, кто дольше продержится под водой.

Мультиаль ныряет и долго не появляется. Тем временем соседская дочь быстренько выходит из воды, надевает на себя одежду Мультиаль, садится в арбу и запевает:

Ты, арба-плетенка,
Погоняем мы тебя,
Чтоб скорее нам добраться
До семи родимых братцев.
Ты, мой песик, лай-лай,
К нам волков не подпускай.
Ты, мой кот, мурлычь-мурлычь,
Пусть бежит с дороги мышь.
Петушок, кричи-кричи,
Алу зорьку не проспи.

Но арба не трогается с места, пес не лает, кот не мурлычет, и петух не кричит. Мультиаль со слезами на глазах одевается в чужое платье и садится в арбу.

Ты, арба-плетенка,
Погоняем мы тебя,
Чтоб скорее нам добраться
До семи родимых братцев.
Ты, мой песик, лай-лай,
К нам волков не подпускай.
Ты, мой кот, мурлычь-мурлычь,
Пусть бежит с дороги мышь.
Петушок, кричи-кричи,
Алу зорьку не проспи.

Арба понеслась, пес залаял, кот замурлыкал и петух закричал. Едут они, едут и наконец добираются до семи братьев. Кто-то из них готовит тесто для лапши, кто-то чистит картошку. Увидели они соседскую дочь, решили, что это их сестра. Взяли ее на руки, усадили рядом и стали угощать. А Мультик осталась у дверей.

Вечером стали готовиться ко сну. Соседскую дочь уложили в переднем углу, а Мультик – у порога. В полночь отправили братья Мультик поить лошадей. Ярко сияла луна. Мультик поила лошадей и пела:

Дам прозрачной водицы
Коню старшего брата,
Серебристой водицы –
Коню среднего брата,
Золотой дам водицы
Коню младшего брата.

Потом, глядя на луну, Мультик запела так:

Ах, луна, ты повсюду светишь.
Что о маме моей ответишь?..

А луна ей в ответ:

Вижу, вижу ее я с неба,
Как стоит она возле хлева,
Как позвякивает ключами,
Обливается слезами.
«Где Мультик моя?» – плачет мама...

Один из братьев услышал это и разбудил остальных: «Выходите скорей, там у озера кто-то очень печально поет». Вышли все и стали слушать:

Дам прозрачной водицы
Коню старшего брата,
Серебристой водицы –
Коню среднего брата,
Золотой дам водицы
Коню младшего брата.
Ах, луна, ты повсюду светишь,
Что о маме моей ответишь?..

А луна опять:

Вижу, вижу ее я с неба,
Как стоит она возле хлева,
Как позвякивает ключами,
Обливается вся слезами.
«Где Мультик моя?» – плачет мама...

Семеро братьев подошли и спрашивают у Мульталь:

– Почему ты так печалишься?

Мульталь сквозь слезы обо всем рассказывает:

– Меня соседская дочь обманула. Переделалась в мою одежду и назвалась вашей сестрой...

Братья берут сестренку на руки, несут ее в дом, а соседской дочке для испытания дают еду в собачьей плошке. Та все съедает. Наступает полночь. Посылают ее поить лошадей. Приходит она к озеру, а лошади не пьют – лежатся. И луны не видно. Пробует она петь, и песня не получается.

Тут семеро братьев поняли, что это не Мульталь, подошли к ней и спрашивают:

– Что возьмешь: конский хвост или лукошко?

Та отвечает:

– Все сгодится, из лукошка буду есть, на конском хвосте скакать.

Посадили они лгунью в лукошко, привязали к конскому хвосту и пустили в поле.

А потом братья вместе с Мульталь вернулись домой. Все семеро женились и зажили на радость матери в достатке. Говорят, и по сей день живут.

Падчерица

В давние-предавние времена жил на свете один человек и были у него сын да две дочери. Одна из дочерей была ему чужая, поэтому ни он, ни другие домашние ее не любили. Однажды посоветовались они да и решили известить ее, навсегда избавиться от падчерицы.

– Пойдем со мной в лес. Я буду дрова рубить, а ты тем временем ягоды собирать, – говорит ей старший брат.

Взяла падчерица клубок и пустое ведро, и отправились они с братом в лес. Завез ее брат подальше да и стал распрягать коня.

– Ты иди-ка по ягоды, а как перестанешь слышать стук топора, возвращайся назад, – велел ей брат.

Взяла падчерица ведро и пошла в чащу, а брат выбрал дерево, что повыше, повесил на него деревянную колотушку, сам запряг коня да со спокойной душой домой уехал.

Собирает падчерица ягоды и время от времени прислушивается: не умолк ли стук топора. Но нет: колотушка качается на ветру да бьется о дерево и кажется девочке, что это брат все еще рубит дрова. Долго она ягоды собирала, вот и ведро наполнилось с горкой. Тут и вечер наступил, и ветер тем временем потихоньку утих.

«Наконец-то брат кончил дрова рубить», – подумала падчерица, вернулась было на прежнее место, а брата и след простыл. Не видать нигде. Заплакала падчерица горячими слезами и побрела куда глаза глядят. Долго шла она по лесу, пока не увидела поле и дорогу. Выбралась тогда на дорогу и пошла по ней. Идет падчерица, горько плачет и приговаривает:

– Покатился мой клубочек, не видал ли ты, дружок?

Увидела тут она табун лошадей и спрашивает пастуха:

– Покатился мой клубок, не видал ли, пастушок?

– Видал, – отвечает ей пастух. – Попаси-ка мне табун хоть денек, обещаю, будет твой тот конек, – и показывает ей на красивого жеребенка.

Согласилась девочка, попасла она табун день один, получила за это в награду жеребенка и, попрощавшись, отправилась дальше в путь. А дорогу-то ей указал тот пастух.

Через некоторое время повстречала она стадо коров. Попасла она стадо день один, получила за это корову. Так встречала она каждый день то овец, то коз, пасла их и за это получала то овцу, то козу. Вскоре у нее у самой набралось целое стадо. Так они вместе продолжали свой путь. Но вот однажды застала их ночь в дороге. Испугалась падчерица, подумала: «Что же теперь со мной будет? Бедная я, несчастная!...» Но тут увидела она, что далеко-далеко слабый свет забрезжил, несказанно обрадовалась и погнала свое стадо на тот огонек. Вышли они вскоре к небольшому дому, что стоял на краю деревеньки. Постучалась, вошла и видит: сидит седая старуха. Не знала тогда девочка, что это злая ведьма – колдунья, одним словом.

– Покатился мой клубочек, ты не видела, случаем, бабушка? – спросила ее девочка.

– Видела я твой клубок, да только ты, я вижу, пришла издалека, не мешало бы тебе отдохнуть. Поживи-ка у меня немного, – отвечает ей старуха.

Встали они поутру, и велела ей ведьма затопить баню. Жарко натопила девочка баню и зовет старуху мыться.

– Хорошо бы, доченька, – отвечает ей старуха, – да только ведь я сама до бани не дойду. Ты возьми-ка меня за руку да поддай сзади коленкой.

– Нет, бабушка, – отвечает девочка, – ты уже старенькая, не хочу тебя обижать.

Взяла ее девочка на руки и отнесла в баню.

– Ты возьми-ка меня за волосы да тащи на полоч, – велела старуха.

– Нет, бабушка, – ответила ей девочка. – Ты уже старенькая, тебе больно будет.

Взяла ее девочка на руки и положила на полоч.

– Ты возьми-ка веник обратным концом да бей меня по спине что есть мочи, – говорит старуха.

– Нет, бабушка, не могу я так, – отвечает девочка и принимается парить ее мягким березовым веничком.

После бани приносит она ее в дом и кладет на чистую постель.

– Теперь, доченька, расчеши-ка мне волосы, – просит старуха.

Взяла девочка гребешок, стала чесать ее седые волосы, а на каждом волоске у старухи – золото да серебро, жемчуга да кораллы висят, аж глаза слепит!

Причесала ее девочка, в косу волосы заплела.

– Попляши-ка, доченька, сделай милость, – просит ее старуха. – Уж больно мне посмотреть хочется, как ты пляшешь.

Стала девочка плясать, каблучками притопывать да по полу кружить, но нет, ни камушка с нее не упало.

После этого послала ее старуха в баню посмотреть, не высох ли тот солод, что наметни поставила она на полочку сушиться.

Вошла девочка в баню и видит: стоит на полке деревянное корытце, а в нем золота да серебра, жемчугов да кораллов видимо-невидимо! Вот вернулась она из бани, старуха у нее и выспрашивает:

– Ну как, высох ли солод на полке?

– Высох, высох, – отвечает девочка.

– Хорошо, доченька, – говорит старуха, – уж больно мне понравилось давеча, как ты пляшешь, не потешишь ли меня, старую, еще разок?

Стала девочка плясать, каблучками притопывать да по комнате кружить, только и на сей раз ни камушка на пол не упало.

– Ну а теперь, – говорит ей старуха, – вольному воля, возвращайся-ка ты к себе домой.

– Рада бы я, да только вот, жаль, пути обратного не знаю.

– Я сама укажу тебе, как идти, а в придачу дам тебе вот этот зеленый сундук. Но только ты не открывай его по дороге, – предупредила ее старуха.

Взяла девочка сундук, села на коня и поехала; коза, овца и корова идут следом.

Ехала она день, ехала ночь и наконец стала приближаться к родной деревне. Вот учуяли ее дома собаки и залаяли:

– Хау-хау, вы на смерть ее послали, девочка идет с дарами.

Всполошились домашние, стали бить собак палками, но те не унимались, пуще прежнего заливались:

– Вы на смерть ее послали, а она разбогатела!

Тут уж падчерица и сама подъехала к дому. Сошла она с коня, в дом вошла да на глазах у всех откинула крышку сундука. А там полным-полно золота да серебра, жемчуга да драгоценных камней!

С той поры падчерица неслыханно разбогатела, а родичи стали ей завидовать да зариться на добро. Вот и решили они отвезти и родную дочь в лес и оставить там одну: пусть, мол, и она так же разбогатеет.

Взяла та пустое ведро да клубок, и повез ее старший брат в дремучий лес. Завез он ее в самую чащу, коня распряг и пустил пастись, а сестре велел идти по ягоды. Не успела она скрыться в лесу, как он взобрался на самое высокое дерево, привязал к нему деревянную колодушку, а сам отправился восвояси. Вот и ветер стих. Вернулась девочка на прежнее место, а брата как не бывало.

Пошла девочка по лесу куда глаза глядят и стала приговаривать:

– Покатился мой клубок, не видал ли ты, дружок?

Повстречался ей табун.

– Покатился мой клубок, не видал ли, пастушок? – спрашивает.

– Видал, – отвечает ей пастух. – Попаси день один мой табун, а я тебе за это коня хорошего дам.

– Нет, мне коня не надо, – ответила девочка и пошла дальше. Так прошла она мимо и коровьего, и овечьего, и козьего стада. И вот наконец привела ее дорога к ведьминому дому. Вошла она в дом и спрашивает:

– Покатился мой клубок, не видала ты, случаем, старая?

– Видала. Да только сначала не истопишь ли ты баню, доченька, уж больно мне охота кости свои старые попарить? Уважь старуху.

Истопила она баню.

– А теперь, – говорит старуха, – веди-ка меня в баню. Сама я не дойду, так ты возьми меня за руку да пинками сзади подталкивай.

– Ладно, – отвечает девочка, берет ее за руку и пинками сзади подталкивает.

Пришли они в баню. Старуха и говорит ей:

– А теперь, доченька, попарь ты мне спину, да только бей изо всей силы обратной стороной веника, а то я ничего не почувствую.

Послушалась ее девочка – все исполнила, как старуха велела.

Вернулись они в дом. Старуха и просит ее:

– Расчеши-ка мне, доченька, волосы.

Заглянула ей девочка в волосы – у нее аж глаза разбежались: на каждом волоске золота да серебра, жемчугов да камней драгоценных видимо-невидимо! Стала девочка горстями снимать их с волос, набивать ими карманы да прятать за пазуху.

– Попляши-ка, доченька, потешь меня, старую, – попросила ее старуха.

Начала девочка плясать, а у нее отовсюду посыпались золотые да серебряные монеты, жемчуга да драгоценные камни.

После этого посылает ее старуха в баню посмотреть, не высох ли солод. Увидела девочка и тут полное корытце золота да серебра, жемчугов да драгоценных камней и стала набивать ими карманы да класть за пазуху. «Вот, – думает, – сестра-то как разбогатела».

Попросила ее старуха во второй раз сплясать. Снова покатились со звоном золотые да серебряные монеты, стали сыпаться камни драгоценные.

Испытала ее старуха, а под конец и говорит:

– Теперь можешь и домой воротиться, ступай себе.

Показала она ей дорогу, на прощание дала черный сундук и велела не открывать по дороге.

Долго шла она, пока не дошла наконец до родной деревни.

Вот почуяли ее собаки и начали лаять:

– На богатство зарилась, смерть свою нашла!

Стали хозяева ругать собак, но они пуще прежнего заливались.

Между тем девочка и сама во двор вошла. Откинула поскорей крышку черного сундука, а там лежит огромная черная змея. Взметнулась черная змея, обвила девочку вокруг шеи и удушила.

Белый змей

Жил-был на свете один хан. Вот однажды лег он спать и увидел сон. Поутру возвестил он всей стране:

– Кто явится пред мои очи и сумеет вещать, что я видел во сне, тому будет даровано сто золотых монет, а не сумевшему будет отсечена голова его!

В том же городе жил один бедный джигит. Не было у него ни кола ни двора. Только жена была у него – злющая-презлющая. День и ночь думала она лишь о том, как бы мужа известить. Прослышала она про ханские слова, явилась пред ясные его очи и заявила:

– О мой хан-султан, всемогущий ты и всесильный! Так знай же, мой хан, что муж мой знает разгадку твоего сна. Знает, да не хочет предстать пред тобой.

Поверил ей хан, велел послать слугу и привести того несчастного. Испугался бедняга, как услышал это известие, и стал молиться тэнгре^[14], со светом белым навсегда прощается...

Но делать нечего, отправился он к хану. По дороге повстречался ему Белый Змей. Поздоровался с ним Белый Змей. Юноша поклон земной отвесил в ответ. Стал Белый Змей расспрашивать его:

– Эй, мил человек, куда ты путь держишь и отчего слезами горячими заливаешься?

Рассказал ему юноша все без утайки, горем своим поделился. Так, мол, и так, призвал наш хан народ да объявил, что щедро наградит того, кто сумеет его сон разгадать. Выслушал его Змей внимательно, потом и говорит:

– Но ведь ты волен идти или не идти.

– Нет, не волен я. Есть у меня жена, злющая-презлющая. Только и думает, как бы от меня избавиться, поскорей меня в могилу свести. Вот прослышала она про ханские слова, пошла к хану и сказала, что я знаю разгадку его сна – знаю, да не желаю предстать пред ним. Послал хан слугу да призвал меня к себе явиться.

Говорит ему Змей:

– Эх, несчастный, я скажу тебе, что видел хан во сне, только обещай мне, как получишь ты сто золотых монет, принести мне все до единой.

Отвечает джигит:

– Богатство дороже и отца, и матери, только жизнь все равно дороже богатства. Ничего мне не надо, только, умоляю, спаси меня от смерти неминуемой!

Говорит ему Змей:

– Вот войдешь ты в ханские покои, хан тебя и спросит: «Эй, гариб^[15], что я видел во сне?!» Ты отвечай ему: «Волка ты видел во сне, о великий наш хан!» Потом он прикажет своим слугам принести из казны сто золотых монет и отдать их тебе. Ты принесешь их все до единой мне.

Попрощались они и расстались. Змей отправился своей дорогой, а джигит пошел в ханский дворец. Явился он пред ханские очи, поклон земной отвесил. Хан принял его приветствие и спрашивает:

– Эй, гариб, отвечай, что видел я во сне?!

– Ты видел волка, – говорит джигит.

Приказывает хан принести сто золотых монет и отдать их джигиту. Берет юноша монеты, выходит из дворца, но вместо того, чтобы идти к Белому Змею, направляется к себе домой. Покупает он на те деньги дом, корову и лошадь, всякого домашнего скарба и живет, не зная нужды и забот.

Проходит некоторое время. Хан снова видит сон. Посылает он гонца за джигитом, велит ему разгадать сон и получить сто золотых монет, а если не сумеет, грозит отрубить ему голову.

Выслушал джигит гонца и горько заплакал. Делать нечего, отправился он к хану. Бредет по дороге, голову повесил. Тут ему навстречу снова Белый Змей попадает. Поздоровался с ним джигит. Ответил Белый Змей на приветствие и спрашивает:

– Эй, гариб, куда путь держишь и отчего ты невесел?

– Да как же мне быть веселым? Хан наш снова изволил сон увидеть, призвал меня отгадать его. Сумею разгадать – обещал наградить меня, дать сто золотых монет, а нет – так пригрозил голову снести с плеч долой. Видать, пришел мне конец, несчастному.

– Знаю я разгадку того сна. Знаю, да не скажу тебе. Однажды ты уже обманул меня.

Стал джигит умолять его:

– Раскрой же мне тайну этого сна, и все золотые монеты – и те, и эти – клянусь, будут твоими.

– Не вздумай и на сей раз провести меня, я еще могу тебе пригодиться, а теперь прощаю. Слушай же разгадку ханского сна. Явишься к хану и отвесишь ему земной поклон. Спросит он тебя: «Что я видел во сне?» Отвечай: «Ты видел лисицу, о великий хан!» Даст он тебе в награду сто золотых монет. Бери их да не мешкай, возвращайся скорее ко мне.

Услышал джигит эти слова и возрадовался. Явился он к хану, отвесил земной поклон. Хан его и спрашивает:

– Ну, говори, гариб, что видел я во сне?!

– Ты видел лисицу, – отвечает джигит.

Приказал хан слугам принести из казны и отдать ему сто золотых монет. Но и на сей раз не пошел джигит к Белому Змею, а тайком убежал домой. Пуще прежнего разбогател он, зажил без забот, без печали. Возгордился своим богатством.

Время шло незаметно. Однажды в полдень прилег хан отдохнуть – и снова приснился ему сон. Снова послал он гонца, велел привести джигита, а на словах передал, что даст ему сто золотых, коли разгадает его сон, а нет – велит тотчас отрубить ему голову. Как услышал джигит те слова, безутешно заплакал. Стал он корить себя да бранить, что позарился на брренное богатство, обманул он Белого Змея, а теперь за все пришла расплата. Делать нечего, пошел он к хану. Снова по дороге повстречался ему Белый Змей. Увидел джигита и говорит ему:

– Эй ты, обманщик! Эй ты, лгун! Дважды я спасал тебя от страшной смерти. На сей раз не будет тебе спасения!

Стал джигит каяться перед ним:

– Эх, Белый Змей! Ты дважды спасал меня от смерти неминуемой, но я, несчастный, не сумел оценить, отблагодарить тебя, посягнул обмануть тебя. Будь же добрым, как мать, великодушным, как отец, прости же ты меня и на сей раз. Пусть мирское останется на этом свете, хоть пред Аллахом хочу я предстать непорочным в судный день. Я отдам все золотые монеты, ведь они по праву принадлежат тебе.

По душе пришли Белому Змею эти речи, и сказал он:

– Иди же ты к хану, отвесь ему поклон земной. Он спросит тебя: «Что я видел во сне?» – отвечай ему: «Видел ты во сне овцу курдючную, о пресветлый хан мой, султан». Тут прикажет он щедро наградить тебя, даст сотню золотых монет. Ты, не мешкая, принеси это золото мне.

Потом простился джигит со Змеем и отправился ко дворцу падишаха. Вошел в ханские палаты, отвесил поклон до земли. Хан принял его привет и спросил:

– Ответствуй, гариб, что я видел во сне?

– Видел ты овцу курдючную, о пресветлый хан мой, султан, – отвечает джигит.

Дал ему хан сто золотых монет. Взял их джигит и отправился к Белому Змею. Явился он к Змею, отвесил поклон земной.

– Вот вернулся я цел-невредим твоими молитвами, – говорит джигит. – Не испытал никаких мытарств. Прими же мой амулет – вот эти золотые монеты! Сейчас я схожу домой и при-

несу остальные. О Белый Змей! Как же могло так случиться? Ведь я чистосердечно намеревался и прежде отдать тебе все деньги!

И тут заговорил Белый Змей:

– Так слушай же, джигит, меня внимательно. Сейчас я раскрою тебе загадку тех снов. В первый раз увидел хан во сне волка. В те времена лихие и сам хан, и вся его страна были как хищные волки. Потому и ты не отдал мне золотых монет. Во второй раз он видел во сне лису. В ту пору и хан, и вся страна были коварны и лживы, точь-в-точь как лиса. Вот поэтому и ты во второй раз обманул меня. Ну а нынче наш хан увидел во сне овцу – знак доброты и справедливости. Хан перестал угнетать народ, стал праведным и милосердным.

Был хан тираном – и страна была волком, убийцей и вором. Стал хан справедливым – страна стала честной, праведной. Тут вины твоей нет. Во всем виноват один хан. Трижды он видел во сне трех зверей – и под конец раскаялся. Вот поэтому и ты принес мне золотые монеты. Страна была зла – и ты был зол. А как стала доброй страна – и ты подобрел. Ты навсегда заодно со страной, – кончил Змей говорить. И со словами: – Возьми же себе все золото! – исчез с глаз долой.

Карунбай

Давным-давно жил, говорят, на свете один богач. И была у него сестра. Вот уже лет шесть не вставала она с постели: жестокая хворь ее одолела. Надоело это Карунбаю вконец, и решил он выгнать ее в баню. С той поры она уже не появлялась в доме. Однажды вечером постучался в дом Карунбая нищий старик и попросил пристанища: мол, пусти на ночлег. Осенняя ночь была сырая и холодная, но Карунбай не пустил, однако, путника в дом, а послал его в баню. Нечего делать, отправился старик в баню и увидел – там девушка лежит. Подивился старик и спрашивает:

– Что такое стряслось с тобой, голубушка?

Рассказала ему девушка все без утайки, горем своим поделилась, и стало ей как будто легче на душе. Потом старик постелил у дверей свой старый заплатанный бешмет и кое-как пристроился на нем.

Внезапно посреди ночи раздается стук в дверь и кто-то спрашивает:

– Дедушка, в такой-то деревне у такого-то крестьянина сын родился, чьим бы его счастьем наделить?

Отвечает старик:

– Наделите-ка вы его счастьем Карунбая.

Поутру дал старик девушке душистое лекарство, потом попрощался и ушел. Выпила девушка то лекарство, как старик велел, и часа через два всю ее хворь как рукой сняло. Поднялась она с постели и легкими шагами направилась в дом к брату. Увидел он ее, очень изумился и спросил:

– Ну как ты, поправилась?

– Да, – отвечает девушка, – мне сразу полегчало, не успела я выпить одно лекарство, что оставил вчерашний старик.

– Ну и ну, рассказывай, что еще было, – стал допытываться Карунбай.

– Посреди ночи раздался стук в дверь и кто-то спросил, чьим счастьем наделить малыша, что родился в такой-то деревне у такого-то крестьянина. Старик велел наделить его счастьем Карунбая.

Услышал Карунбай – испугался. Решил он отправиться к тем людям и во что бы то ни стало выпросить у них младенца. Еле отыскал он их дом, вошел, поздоровался и стал чуть ли не в ногах валяться, большие деньги за дитя сулить.

– Пожалейте вы меня, несчастного. Нет у меня никого на белом свете, сыну вашему вместо отца родного буду. Вон у вас-то детей полон дом, едоком бы одним меньше стало.

Не могли родители отказать, да и на деньги, видать, позарились, отдали ему новорожденного. По дороге Карунбай со всего маху ударил ребенка оземь: мол, пропадай тут.

В это время возвращались из лесу два брата – Ибрагим и Якуб – с ручной тележкой, а тележка та была доверху нагружена дровами. Увидели они дитя, шевелившего ножками. Посоветовались и решили подобрать и усыновить его.

Стал мальчик жить у братьев; не по дням рос, а по часам. Не могли братья наглядеться-нарадоваться на него. И дела у них пошли потихоньку на лад. Они успевали раньше за день побывать в лесу лишь один раз, а теперь, глядишь, и дважды, и трижды обернутся. От продажи дров выручали они кое-какие деньги и через некоторое время скопили небольшое состояние. И вскоре купили коровенку и лошадь. А затем и за торговлю принялись, магазин себе завели, а товар выписывали прямо из самой Москвы.

Мальчик между тем все рос, и вот исполнилось ему пятнадцать лет.

Однажды возвращались братья домой и повстречали по дороге Карунбая. Слово за слово разговорились они, Карунбай и спрашивает:

– Каким это чудом удалось вам так скоро разбогатеть?

Рассказали ему братья, что однажды возвращались они из лесу и набрали по дороге на ребенка. Взяли они его себе и стали растить. Мальчик оказался на диво счастливым, вот с той поры дела их и пошли на лад.

– Ах вон оно как, – проговорил Карунбай, а про себя подумал: «Видно, остался жив щенок, то-то не везет мне в последнее время, вся торговля развалилась». Замыслил он с той поры недоброе.

– Не продадите ли вы мне его? – говорит. – Есть у меня дочь на выданье, вот и станет зятем.

Братья почуяли добычу да заломили цену: пятьдесят тысяч золотом запросили за мальчика. Карунбаю не хочется счастье свое упускать, вот он и согласился. На следующий день на паре вороных увез Карунбай юношу к себе.

Стал он теперь думать да гадать, как бы известить ему юношу. Позвал его однажды к себе и говорит:

– Я теперь твой хозяин, и ты должен во всем повиноваться мне. Вот тебе мой наказ: далеко-далеко, за темными лесами, за синими морями, есть высокая-высокая гора. И на этой горе дорогих камней видимо-невидимо. Принеси-ка ты мне полный мешочек.

А про себя думает: «Вернется живым и невредимым, и то не беда, еще больше разбогатею, а сгинет, так хоть счастье мое останется при мне».

Что же делать юноше, поневоле пришлось согласиться и отправиться в дальний путь к огромному морю – вот, скажем, к примеру, не меньше Байкала. Смотрит он на море и видит: сидит в лодке седой старик и веслами так и машет, так и машет.

– Дед, а дед, перевези меня на ту сторону! – обратился к нему юноша.

– Перевезти-то я перевезу, мне что, да только знай, джигит, нет тебе обратного пути оттуда, – отвечает седобородый.

– Будь что будет, – решает джигит и садится в лодку. По пути он расспрашивает старика, давно ли он тут и что делает.

– Вот уже пятьдесят лет, как перевожу я людей на ту сторону. Это злой див заколдовал меня. Ты, сынок, разузнай-ка, нет ли мне избавления. Авось Аллах помилует – и назад возвращешься.

Обещал джигит исполнить его просьбу, дал на прощание каравай хлеба, выбрался из лодки и отправился дальше в путь. Вот идет он по дороге и видит: на дереве люлька висит, а в люльке старик седой сидит. Удивился джигит и спрашивает старика, что это он тут делает. Отвечает ему старик:

– Вот уже сорок лет, как сижу я в люльке. Это злой див заколдовал меня. А ты, сынок, куда путь держишь?

Рассказал ему джигит обо всем, горем своим поделился.

– А знаешь ли ты, несчастный, что никто еще до сих пор живым оттуда не возвращался?! – воскликнул старик.

– Да мне нельзя не идти, будь что будет, – ответил ему джигит.

– Тогда не узнаешь ли ты, сынок, как избавиться мне от этих чар? – попросил старик.

Обещал ему джигит помочь и пошел дальше.

Шел он день, шел второй, а на третий день пришел к большому дому. Вошел он в дом и видит: сидит девица – писаная красавица, а сама так и сияет, как золотое яблочко. Поздоровался с ней джигит, поклон отвесил. Девушка его и спрашивает:

– Ну что, джигит, с чем пожаловал?

Рассказал ей путник, что послал его хозяин за камнями драгоценными, велел без них не возвращаться.

– Ну, джигит, значит, смерть к тебе пришла неминуемая, погубит тебя непременно злой див. Да только жаль мне тебя, очень уж ты красивый. Ладно, так и быть, помогу я тебе. Я дочка дива и кое-чему от него научилась. Превращу-ка я тебя в иголку да воткну в игольницу на стене, а ты сиди тихо, ни звука не смей издавать.

– Спасибо тебе, красавица, да только есть у меня к тебе еще одна просьба: не сумеешь ли ты выведать у него, как спасти от злых чар таких-то двух стариков?

Обещала девушка и тут помочь ему. Поднялась в это время туча пыли, закружился смерч. Девушка побыстрее превратила юношу в иголку и воткнула в игольницу, что висела на стене.

Вот явился див и стал принохиваться:

– Фу, фу, что это у нас духом человеческим пахнет?!

– Да не может быть, это от тебя самого, наверное, пахнет, носишься целыми днями да людей кушаешь.

– Ну-ка не разговаривай, а принеси-ка лучше мне поесть, – приказал див.

Приносит ему дочь девять горшков супа. Стал он есть, а дочка принялась его расспрашивать:

– Ты бы рассказал мне что-нибудь, а то сижу одна-одинешенька, света белого не вижу. Вот слыхала я, например, что есть на свете два старика и ты так сильно заколдовал их, что нет им вовек избавления, так и будут до конца дней своих мучиться.

– Да нет, избавление-то есть, и оно проще простого. Надо только трижды прочитать заклинание да трижды поплевать вокруг, – отвечает див. Тут его уже ко сну стало клонить, и он скорее улегся спать.

Девушка расколдовала джигита и научила его таинственному заклинанию. Потом велела отправляться в путь.

– Сначала поднимись на высокую гору, во-он там, и собери драгоценных камней, да не мешкай, а то див через три дня может проснуться, и тогда не миновать тебе гибели, – наказала она ему на прощание.

Хорошо. Набрал джигит полный мешочек камней драгоценных и помчался со всех ног в сторону моря. Вот увидел он, наконец, старика, сидящего в колыбели. Трижды прочитал он над ним заклинание, трижды поплевал вокруг – и разом оборвались цепи, поднялся старик на ноги. Побежали они вместе к морю. Переправил их старик-перевозчик на другой берег, юноша и говорит ему:

– Вот появится кто-нибудь и попросит отвезти его на тот берег, ты и прочитай трижды такое-то заклинание, трижды поплюй по сторонам – и спадут с тебя колдовские чары, а тот человек останется навсегда прикованным к лодке.

Поблагодарил его старик, и отправились они дальше.

Приходит джигит к хозяину, развязывает мешочек и высыпает перед ним на стол драгоценные камни. Увидел Карунбай такое богатство, и глаза у него разгорелись от жадности. Решил он сам пойти на ту гору и принести драгоценных камней еще больше. Расспросил он юношу обо всем, захватил огромный мешок и отправился в путь.

Добрался он до моря, только успел ступить на лодку, как старик-перевозчик прочитал трижды заклинание, трижды поплевал вокруг – и навсегда остался Карунбай на лодке перевозчиком.

Джигиту достались все богатства Карунбая, женился он вскоре на его дочери, и зажили они припеваючи. По сей день, говорят, живут душа в душу и про меня не забывают: присылают по праздникам лапоть да рубаху с одним рукавом!

Зулькарнайн-падишах

В давние-предавние времена жил-был на свете один торговец. Отправился он однажды на прогулку. Долго бродил по просторам, пока не набрел неожиданно на череп человеческий. Взял он его в руки, начал разглядывать и очень подивился, прочитав на лбу его: «Это череп Зулькарнайн-падишаха^[16]. При жизни погубил он сорок человек, а после смерти погубит еще восемьдесят».

Хорошо. Положил он череп в мешок и принес домой. Раздробил-растолок он его, завернул в тряпочку и спрятал подальше – на дне сундука.

Однажды дочь торговца открыла сундук, увидала таинственный порошок и захотелось узнать ей, что это такое. Попробовала она его языком – и тут же стала беременной.

Для отца, конечно, это был большой позор, и поэтому, как только дочь родила, отнесли они мальчика в лес и оставили там одного. Через некоторое время подошла к ребенку дикая коза, напоила его своим молоком. Так она стала приходить к нему каждый божий день и этим спасла от голодной смерти.

Мальчик рос не по дням, а по часам, и вот исполнилось ему шесть лет. Вернулся он в свою деревню, стал бродить по улицам. В это время повстречался ему родной дед. Узнал он его, привел домой, стал беречь да холить.

Торговец тот занимался перепродажей золота, да серебра, да дорогих камней. Однажды купил он двенадцать жемчугов. Взял их мальчик в руки, стал разглядывать на свет и говорит:

– А знаешь ли ты, дедуня, что шесть из этих жемчугов настоящие, а шесть остальных – подделка?

Рассердился старый торговец, схватил камни и понес их обратно продавцу.

– Как же ты посмел обмануть меня? – разгневанно воскликнул он. – Ведь лишь шесть из твоих камней настоящие, а остальные шесть – подделка!

– Да как же ты узнал об этом? – искренне изумился продавец.

– Есть у меня внучек, шесть лет ему. Он и сказал.

– Умный у тебя внучек, – похвалил продавец. – Оно и правда, лишь шесть из этих жемчугов настоящие, а шесть остальных – искусная подделка. – Потом он подумал немного и спросил торговца: – Послушай, а не продашь ли ты мне этого мальчика? Я бы тебе за него большие мог деньги дать.

Старик долго думать не стал – видать, на деньги даровые позарился. Вот привез продавец мальчика домой и стал с ним обо всем совет держать, учиться у него уму-разуму.

Говорят, в те времена правил их страной один падишах и было у него сорок дочерей. Пошли однажды дочери падишаха к старому рыбаку и попросили показать им золотую рыбку. Повел их старик к озеру, стал рыбок ловить да им показывать, только девушки от смущения начали свои лица уголками платков закрывать.

Подивился старик и спрашивает:

– Милые девушки, а что это вы лица свои прячете?

– Но ведь и среди рыбок могут быть самцы, – ответили застенчиво девушки.

Вскоре дошел слух об этой истории и до продавца, купившего мальчика.

– Скажи, сынок, а что, дочери падишаха в самом деле такие невинные, что даже от рыбок прячут свои лица? – спросил он у мальчика.

– О ага^[17], – воскликнул мальчик, – так знайте же, что во дворце падишаха у каждой из его дочерей есть отдельная комната и в каждой комнате живет по красавцу-джигиту. А если не веришь, можешь сам убедиться.

Достигла эта весть и ушей падишаха. Разгневался он и приказал отрубить головы своим сорока дочерям, а заодно и сорока юношам, что жили у них в покоях.

Вот так Зилькарнай-падишах, тот, что погубил при жизни сорок человек, сумел и после смерти погубить еще восемьдесят душ.

Рогатый падишах

В давние-предавние времена жил один падишах. Звали его Зулькарнай. У Зулькарная был один лишний орган, какого не было у других людей, – посередине лба вырос золотой рог. Свой рог падишах прикрывал волосами, людям не показывал. Далеко не каждому удавалось увидеть его. Потому и говорили:

У Зулькарная рог золотой,
Видать не видал, а слышать слышал.

Ладно. Зулькарнай, оказывается, каждый год один раз сбривал свои волосы. И каждый раз брить ему волосы по очереди назначался один юноша. А тот, кто брил ему волосы, как заходил во дворец, так, говорят, и не выходил из него никогда. Убивал он их. Так шли годы. Многих лишил жизни Зулькарнай.

У одной женщины был стройный и красивый сын. И вот однажды, говорят, очередь дошла и до него.

Женщина эта многое в жизни повидала, мудрая была. В тот день, когда надо было идти брить падишаху Зулькарнаю волосы, встала она очень рано – солнце еще не взошло. Замесила тесто на молоке из своей груди и стала печь пресные лепешки. Испекла она лепешки. Покормила сына завтраком. И говорит ему:

– Даю я тебе с собой пресные лепешки. Когда будешь брить падишаху волосы, ты их потихоньку вытаскивай и ешь.

Сын сначала возражал. Но мать стала просить, умолять сына слезно, и он согласился. Положил лепешки в карман и пошел во дворец.

Ладно. Пришел джигит. Возле дворца падишаха стояла охрана. Так как им было известно, для чего он прибыл, пустили его во дворец. Вот он уже все приготовил, намылил, обвязал полотенцем и стал брить падишаху волосы. Добравшись до лба, увидел он золотой рог. Хотя и очень удивился, но свое удивление ничем не выдал. А вспомнил о наказе матери, достал тихонько из кармана лепешку и стал есть. Потом снова принялся брить, потом снова поел лепешки. Падишах терпел-терпел и вдруг заговорил:

– Что ты ешь такое вкусное, джигит? Отломи-ка и мне.

Отломил джигит кусок лепешки и дал падишаху. Зулькарнай съел. Много, оказывается, ел падишах всякой вкусной еды, но таких лепешек есть ему еще не доводилось.

– Джигит, кто испек эти лепешки?

– Мама испекла.

Стал Зулькарнай расспрашивать джигита, как их пекут. Тот отвечает:

– Мама эти лепешки замесила на молоке из своей груди.

Падишах был ошеломлен:

– Мы же родными теперь стали, одной матери молоком питались! – говорит.

Потом сказал:

– Не стану я тебя убивать, но ты о моем золотом роге людям не говори.

Джигит поклялся. Трижды поклялся.

Ладно. Вернулся джигит домой. Радостно встретила его мать. Зажили они хорошо и счастливо.

Прошли годы. Джигит почему-то с каждым днем сохнет, худеет, желтеет. Живот у него стал пухнуть. Видит это мать, печалится. Стала она сына расспрашивать.

Сын рассказал подробно обо всем, что с ним было. Как он увидел у падишаха Зулькарная золотой рог и как трижды дал клятву никому из людей об этом не рассказывать.

– Сын мой, иди сейчас в заросли камыша за городом и три раза скажи: «У падишаха Зулькарная золотой рог, видать-то не видал, а слышать слышал».

Пошел джигит будто бы на охоту. Утром рано, как учила мать, трижды произнес он в зарослях камыша:

У падишаха Зулькарная золотой рог,
Видать-то не видал, а слышать слышал.

После этого прошло сколько-то времени, сидел он в зарослях камыша, и камыши на берегу озера вдруг обрели голос и стали повторять сказанные им самим слова.

В том государстве, где некогда был падишахом Зулькарнай, камыши будто до сих пор напевают:

У падишаха Зулькарная золотой рог,
Видать-то не видал, а слышать слышал.

Тан-батыр

В давние-предавние времена жил, говорят, некий падишах. У падишаха того было три дочери, одна другой краше. Однажды вышли они на лужок погулять. И как раз в ту пору, когда они по лугу прохаживались, поднялась вдруг сильная буря, отчего и падишаховых дочек – всех как одну – ветром унесло. Падишах, узнав о таком происшествии, в глубокое уныние впал. Приказал он отыскать пропавших. День ищут и ночь, уж ни леса, ни реки в падишахстве этом не осталось, где бы не искали со всей тщательностью. Нет, однако, нигде падишаховых дочек!

А в том городе, где падишах правил, на окраине в маленькой лачуге жили, говорят, некие муж да жена. Очень бедные были они люди. Но имели троих сыновей. И звали старшего сына Кич-батыр, среднего Тен-батыр, а младшего Тан-батыр, что означает Вечер-богатырь, Ночь-богатырь и Заря-богатырь. Эти джигиты росли, как говорится, не по дням, а по часам, и в самом скором времени выросли здоровыми да крепкими.

А выросши вот этак, вышли они на улицу поиграть. Среди молодежи никого сильнее их не отыскалось. Как начнут они играть или бороться, как кого ни схватят, так того и калеккой сделают.

Увидел старый человек, как братья не знают, куда им свои недюжинные силы приложить, посоветовал: вы, мол, чем эдак-то куролесить, людей без нужды калечить, отыскиали бы лучше падишаховых дочерей, без вести пропавших. Вот тогда бы вас героями и признали!

Идут они после такого разговора домой и просят у родителей:

– Отец, дочки падишаховы куда-то пропали, может, пойти нам, разыскать этих дочек да привести их обратно, в падишахову семью?

Не хочется родителям отпускать сыновей, не соглашаются они ни в какую.

– Эх, сыны, вы наши желанные чада, а если покинете родимый очаг, кто тогда за нами, старыми, присмотрит и обиходит? – говорит им отец.

Сыновья отвечают:

– Эй, отец, поскольку мы падишаховым делом займемся, падишах за вами и присмотрит.

– Нет уж, от падишаха никакой помощи не дождешься, – плачут родители.

Долго убеждали их три батыра и, наконец убедив, направились к падишаху:

– Вот надумали мы твоих дочек пойти поискать, только нечего нам взять с собою в дорогу – родители наши тоже в большой бедности живут.

Решает падишах дать им в дорогу немного пищи да питья.

Попрощавшись с родителями, выходят братья в путь-дорогу. Идут они, идут, неделя проходит, и месяц пролетает, и вот, эдак-то идучи, забредают в какой-то лес. И чем дальше в лес, тем все уже становится дорога, по которой они шагают, и в конце концов узенькая тропочка перед ними вьется. И вышли они этой тропочкой в окрестности красивого озера. К тому времени все припасы у них уже кончились, есть нечего. Взял Тан-батыр иглу, которую мать ему в дорогу дала – пригодится, мол, – развел костер, накалил ее на огне, согнул, крючок рыболовный изготовил. Отличный крючок. Пошел он к озеру, стал рыбу ловить. Поймал до вечера пуда два, сготовил на костре, наелись братья до отвала. Теперь, значит, на сытый желудок и жить проще. Говорит Тан-батыр своим старшим братьям:

– Много воды утекло с тех пор, как мы в дорогу вышли, а не знаем даже того, где находимся, и ничего пока интересного не видели.

И ничего на это ему старшие братья не ответили. Тогда забрался он на верхушку очень высокого дерева и начал осматривать окрестности. И только он на дерево забрался, поднялась жуткая буря – уж такая, что всем бурям буря, и встречные деревья, даже самые могучие, валит она, как тростинки. Смотрит Тан-батыр на эту жуткую бурю и думает: «Может, это как раз та самая жуткая буря, которая падишаховых дочек унесла?» Через какое-то время собралась эта

буря в одном месте, словно огромный ураганный узел страшного вида, покружилась, погромела и застыла на вершине высокой горы. И опять там завывала, забушевала и обратилась в нечто ужасное – обернулась чудовищным дивом. Обернувшись же дивом-чудовищем, скрылась в некоей громадной дыре, расположенной на склоне горы.

Спустился тут Тан-батыр быстренько с дерева и нашел дыру, в которой давешний див исчез. Это была громаднейшая дыра. Схватил Тан-батыр внушительных размеров валун и заткнул им дыру как пробкой. И побежал братьев будить. А братья у него такие люди, что спешить не любят. Встали они не спеша, доели рыбу, Тан-батыром приготовленную, и, только насытившись, отправились к той дыре.

– Вот в этой дыре он скрылся, и, если мы хотим за ним последовать, надо поначалу камень убрать, – говорит Тан-батыр.

Хватается Кич-батыр за валун: не тут-то было. Тен-батыр налег – тоже дело с места не сдвинулось. После чего берет Тан-батыр этот валунище и швыряет далеко в сторону – только он и покатился под откос. Говорит Тан-батыр своим братьям:

– Надо кому-нибудь из нас в эту дыру спуститься и дива отыскать: может, он и украл падишаховых-то дочек?

Подумали, посоветовались братья, а посоветовавшись, пошли в лес и стали лыко драть. Из того лыка начали они плести канат.

Три дня и три ночи плетут канат невероятной длины и весьма толстый. Обвязав одним концом Кич-батыра, опускают его в дыру. Спускается вниз Кич-батыр с утра до вечера и затемно уже дергает снизу за канат: поднимайте, мол. Вытаскивают его младшие братья из дыры.

– Дна не достиг, потому как канат очень короткий, – рассказывает им Кич-батыр.

И еще сутки они канат доплетают. Теперь уже Тен-батыра, канатом обвязав, опускают в дыру. Ждут-пождут – никаких известий. На исходе других суток дергает Тен-батыр снизу: поднимайте, мол. И его вытаскивают наружу.

– Очень там глубоко, дна не достичь, канат короткий, – говорит Тен-батыр.

После чего садятся они и две ночи и два дня подряд канат доплетают. Удлинив его таким образом весьма изрядно, обвязывают одним концом Тан-батыра. Перед тем как в эту горную дыру полезть говорит Тан-батыр своим старшим братьям:

– Если не смогу в скором времени вернуться, ждите меня ровно один год. Если и через год не появлюсь, дольше не ожидайте, а ступайте своей дорогой.

Сказав такие слова, Тан-батыр этот с братьями прощается и в дыру прыгает.

Ладно, пускай старшие братья возле дыры пока остаются, а мы за младшим последуем.

... Вот спускается он, спускается, и сколько бы ни спускался, а дна все нет, и опять канат короткий. Не хочется ему подниматься – жалко, что зря труды пропадают. Схватил Тан-батыр свою саблю да канат и перерубил! Летит он вниз, долго летит, а потом как ударится обо что-то твердое! Чуть было насмерть не убился. Прележал, однако, суток трое, потом очнулся. Встал и пошел потихоньку. Идет себе, продвигается, и встречается ему на пути Мышь. Встрепенулась та Мышь один разок всего и человеком обернулась.

– Здорово, Тан-батыр, ты чего здесь бродишь?

– Вот, – говорит Тан-батыр, – спустился я сюда в поисках одного дива, да здесь не ведаю, куда идти, и выбраться отсюда не могу.

Мышь говорит:

– Этот див обманул вас. У вас аркан и в первый раз до дна достал, только див то дно пониже опустил, вот вы и промахнулись. А теперь ты очень глубоко находишься, нипочем не выберешься без моей помощи.

Озадачился тут, конечно, Тан-батыр, а Мышь ему говорит:

– Дам я тебе четыре полка мышиных солдат: они будут землю подкапывать, а ты утаптывай, так наверх и поднимешься. Поднимут они тебя до одной тропинки. По той тропе пойдешь вперед и семь дней, семь ночей будешь идти в полной темноте. Не бойся. И приведет тебя та тропа к семи чугунным воротам: если сумеешь сквозь них пробиться – белый свет увидишь. Не пройдешь ворота, тяжело тебе придется, Тан-батыр. Когда на белый свет выйдешь – увидишь еще одну тропинку, по ней и пойдешь. По истечении семи суток выведет тебя тропинка к некоему дворцу.

Проговорила все это Мышь, встрепенулась еще разок, в свой прежний облик вернулась и пропала.

Вот начал Тан-батыр с помощью четырех мышиных полков наверх подыматься. Очень долго это все продолжалось, но достиг он указанной ему тропинки. И перед ним оказались семь чугунных ворот. Как увидел их Тан-батыр, поднял тотчас свою тяжелую палицу и как вдарит по первым воротам! Так они и рассыпались. Сокрушил он все семь чугунных ворот и на белый свет выбрался. Чем дальше уходит Тан-батыр от развалин, тем светлее становится. После семи суток пути увидел он перед собой нечто, с виду смахивающее на огромный кирпич, и тоже красного цвета. Приближается он и замечает, что и на самом деле – перед ним огромный кирпич. А на кирпиче, оседлав медного коня, возвышается некий стражник, в медные доспехи облаченный.

– Эй, сын человеческий, – окликает стражник, – ты бы уносил отсюда ноги, пока живой. Заблудился ты или по ошибке сюда попал, не знаю, но вернется домой див-падишах – сожрет тебя за милую душу.

Отвечает джигит:

– Он меня съест или я ему хвост накручу, это еще неизвестно. Мне сейчас не до того, впрочем, потому как я сам очень проголодался. Тащи-ка ты лучше мне поесть, да поживее!..

– Нет у меня ничего, кроме приготовленных для самого хозяина одной туши быка, одной печи хлеба да одной бочки кислого питья. А тебя и покормить нечем.

Говорит джигит:

– Ну ничего, мне пока и перечисленного хватит, а хозяину твоему больше ни есть, ни пить не придется.

После чего сошел тот человек с медной лошади и доспехи медные скинул. Оказалось, девушка это, а не мужчина. Сготовила она джигиту поесть, умял Тан-батыр все подчистую и спать захотел. Начал перед сном девушку расспрашивать:

– А когда див домой вернется?

– Завтра поутру вон по тому медному мосту проезжать будет, – отвечает девица.

Джигит говорит:

– Вот тебе шило, как наступит время диву домой возвращаться, ты меня этим шилом кольни как следует, я и проснусь.

Сказал он это и спать завалился. Вот теперь утро настает, и диву уж скоро подъезжать – стала девица будить Тан-батыра. Не получается у нее. Шилом кольнуть не решается, а не разбудить тоже нехорошо. Все ж таки начала она его трясти со всей силы, проснулся Тан-батыр, вскакивает:

– Эх, – говорит, – надо было кольнуть шилом-то, я бы тогда раскалился не на шутку.

Идет Тан-батыр и под мостом медным, на который ему девица указала, прячется. Вот в какой-то миг поднимается буря: то див к мосту подъезжает. Поначалу собака его подбежала к мосту да завyla вдруг, затавкала жалобно и к хозяину метнулась. Заносит див плетку, собаку ругает и въезжает на коне своем на медный мост. Только въехал, вдруг застыл его конь как вкопанный. Впал див в ярость, коня плеткой хлещет:

– Чего ты боишься? Или думаешь, что Тан-батыр здесь объявился? Да он еще, верно, и на свет не появился!

Только див проговорил, а Тан-батыр тут как тут, из-под моста вылез:

– Тан-батыр и на свет появился, и здесь уж объявился!

– Объявился-то объявился, – говорит див, – да не больно ты ростом велик против ожидания: два раза откусить, один раз проглотить – вот и всех дел.

Тан-батыр отвечает:

– И ерш невелик, да колюч сильно: как бы не подавиться!

Див на это:

– Ладно, ты лишнего не болтай! Тягаться станем или бороться начнем?

– Дядя твой пусть тягается, а мы бороться будем.

И начинают они бороться, и так долго один другого одолеть не может, что вся земля у них под ногами обращается в сплошные ямы да рытвины. Однако у дива силы уже на исходе. И в этот миг поднимает его Тан-батыр высоко в воздух, хряпает об землю да, саблю свою острую взметнув, рубит на куски, из которых поленницу складывает. После чего садится на дивова коня и скачет в его медный дворец. Давешний страж выбегает ему навстречу:

– Теперь, – говорит, – мне бояться некого, можно и сказать: я старшая дочь такого-то падишаха и меня украл вот этот самый див, прошу, не оставляй меня здесь, обязательно с собою возьми!..

Тан-батыр отвечает:

– Мы, три брата, за вами и отправились.

Вытаскивает он из кармана бумагу, падишахом подписанную, показывает – падишахова дочь, понятно, без ума от радости. Тан-батыр говорит:

– Падишах обещал, что выдаст тебя за моего самого старшего брата, подожди пока здесь, в медном дворце, я на обратном пути тебя заберу.

Отдохнув денька три и собираясь в дорогу, спрашивает Тан-батыр у той девицы:

– А где твои сестры, как их отыскать?

Девушка говорит:

– Див за мной следил очень строго, никуда не выпускал. Так что я сама не видела, но до средней сестры семь суток пути.

И Тан-батыр, пожелав ей здоровья, выезжает в дорогу. По истечении семи суток, миновав горы и пропасти, приближается он к некоему серебряному дворцу. Стоит этот дворец и сильно блестит на солнце. Встречает Тан-батыра возле дворца солдат-стражник на серебряном коне, в серебряные доспехи облаченный. Стой, мол. И говорит он Тан-батыру:

– Эй, сын человеческий, ты сюда, видно, по ошибке заехал, уезжай, пока цел-невредим, если мой хозяин вернется, сожрет тебя и не поморщится.

Тан-батыр отвечает:

– Быстрее бы твой хозяин вернулся, а кто кого одолеет – это мы еще посмотрим. Я вот семь суток крошки во рту не держал, ты прежде накорми меня.

– Нечего тебе дать, у меня только для хозяина приготовлено: две туши быка, две печи хлеба да две бочки кислого питья.

– Ладно, – говорит он, – хватит мне червячка заморить, неси все сюда.

– А что, – боится стражник, – я своему хозяину скажу?

Джигит говорит:

– Не бойся, хозяину твоему ни есть, ни пить больше не придется.

После чего тот стражник в серебряных доспехах приносит Тан-батыру еду. Тан-батыр, сытно поев и вдоволь напившись, расспрашивает хорошенько у стражника:

– Когда хозяин-то твой возвращается?

– Завтра к вечеру должен вернуться.

– Откуда его ждать? С какой стороны?

– Вот за этим дворцом река протекает, а через реку серебряный мост проложен. Каждый раз див по этому мосту домой едет.

– Ну, я сейчас спать лягу, а ты, перед тем как хозяину на мосту показаться, меня разбуди. Если очень крепко усну, кольнешь вот этим шилом, – и дал стражнику шило, а сам спать завалился.

Проспал он до вечера следующего дня, тут и диву пришла пора домой возвращаться. Чувствует стражник давешний, что близко уже див, и кидается Тан-батыра будить: не просыпается тот, хоть ты лопни! Отчаявшись, сел стражник возле Тан-батыра и заплакал. Уколол бы шилом, да жаль ему спящего, а по-иному никак не разбудить! И было совсем уж надумал стражник воткнуть шило, как указывалось, да услышал Тан-батыр его причитания, сам проснулся.

Стражник говорит:

– Вставай быстрее, а не то див уже близко, как заявится – обоих нас и погубит.

Вскакивает Тан-батыр и, саблю свою прихватив, бежит, под мостом серебряным прячется. Ждет долго ли, коротко ли, и вот подъезжает к мосту огромный див, вздымая ветры и сотрясая землю. Первым делом вбегает на мост его собака. Сделала она шаг, другой – и с визгом к хозяину отскочила. Сильно ярится див на собаку, после, плетью взмахнув, сам скачет по серебряному мосту. На середине моста встает вдруг его конь как вкопанный. Ожег див коня плеткой, да только и тогда конь его ни с места.

– Эх ты, – говорит див, – трусил, будто Тан-батыр сюда заявился, а он еще и на свет-то не родился!

Только див проговорил слова свои, Тан-батыр из-под моста выскакивает:

– Тан-батыр и на свет родился, и здесь появился.

– Вот и славно, что появился, – говорит див, – я тебя пару раз кусну, разок проглочу.

– Не проглотишь, кость широка.

– Ладно, тогда тягаться будем или бороться начнем?

– Пускай дядя твой тягается, давай бороться! – кричит Тан-батыр.

И начали они бороться. Поднимает Тан-батыр дива в воздух и так о землю хряпает, что все кости у того рассыпаются. После чего складывает Тан-батыр эти кости в поленницу, на коня хозяйского вскакивает и едет во дворец.

Стражник просит:

– Эй, добрый человек, не оставляй меня здесь, я ведь не стражник, я средняя дочь такого-то падишаха, ты уж возьми меня с собою!

– Ладно, – говорит джигит, – за моего брата замуж пойдешь, за среднего, – и показывает ей бумагу, падишахом выданную. – Ты пока оставайся здесь, в серебряном дворце, а я тебя на обратном пути заберу. Сейчас же поеду за твоей младшей сестрой. В какой она стороне и далеко ли отсюда?

– Если вот на этом серебряном коне поскачешь, ровно семь дней пути, – отвечает девица.

И едет он, серебряного коня оседлав. На исходе седьмых суток доезжает до золотого дворца. Обнесен тот дворец толстой и крепкой стеной. Возле золотых ворот стоит дозором воин в золотых доспехах, на золотом коне. Как приблизился к нему Тан-батыр, этот воин-стражник и говорит:

– Эй, сын человеческий, что здесь потерял? Тебя ведь див сожрет, тогда жизнь потеряешь.

Джигит в ответ:

– Он меня сожрет или я его ущемлю, а только сейчас мне самому очень есть хочется, ты бы накормил меня.

Стражник ему:

– Нет у меня ничего, кроме приготовленных для хозяина трех бочек кислого питья, трех печей хлеба да трех туш быка.

– Мне хватит, – говорит джигит.

– Раз так, – отвечает стражник, – подойди к тем чугунным воротам, если сумеешь их отворить, накормлю тебя.

Вдребезги разбивает Тан-батыр те чугунные ворота и входит во дворец. Сильно удивляется, конечно, стражник этакой силой джигита. Заводит он его в одну комнату, поит и кормит. Наевшись-напившись, начинает джигит расспрашивать:

– Когда хозяин твой вернется и в какую сторону отбыл?

– Вернется он со стороны вон того дремучего леса. И будет там золотой мост. Див на золотом коне по этому мосту поедет, и будет с ним его верный пес.

Тан-батыр говорит:

– Я сейчас лягу отдохну. Как настанет время твоему хозяину возвращаться, ты меня разбуди, а если просыпаться не буду, уколи меня вот этим шилом, – и дает стражнику шило.

Ложится Тан-батыр и тотчас засыпает. День прошел, и ночь прошла, настало время диву домой возвращаться. Пытается стражник джигита разбудить – да куда там, он и не пошевелится. Тогда берет стражник шило, ему выданное, и вонзает джигиту в ногу. Всккивает джигит тут же, благодарит стражника. Подает ему стражник ковш воды, зачерпнув его из стоящей рядом бочки:

– Выпей перед уходом, от этой воды сила прибавляется!

Пьет Тан-батыр воду. После чего стражник говорит ему:

– Есть у дива обычай: кто к нему придет, ведет сразу во дворец, в гости якобы. Вот здесь стоят две бочки: в одной вода, от которой сила прибывает, а в другой – от которой сила убывает. Ты эти бочки местами поменяй.

Последовал джигит доброму совету, бочки поменял и, попрощавшись, пошел к золотому мосту, спрятался под ним.

И вот через некоторое время подъезжает к мосту див на золотом коне со своим верным псом. А пес-то на мост не ступает, поджав хвост, с визгом возвращается к хозяину. Впадает

див в страшную ярость. Хлещет он пса своего плетью и коня на мост направляет. Однако на середине моста встает его конь как вкопанный. И бьет его див, и понукает, а конь вперед ни шагу. Говорит ему див, обозлясь:

– Что ты, дохлятина? Или думаешь, что Тан-батыр где-то близко? Да его еще мать и на свет не родила!

Только он это проговорил, джигит из-под моста выскакивает:

– Тан-батыр, – кричит, – и родился, и здесь уже появился!

Див говорит:

– Я думал, ты ростом очень велик, а тебя от земли едва видать. Два раза куснуть тебя да разок глотнуть – вся забота.

– Не торопись, подавишься.

– Если так, тягаться будем или бороться? – вопрошает див.

– Пусть отец твой тягается, а тебе суждено в борьбе шею свернуть: я из твоих родственников уже поленницу сложил, – отвечает джигит.

После чего начинают они бороться. Борются-борются, никто победить не может. Сила на силу пришлась. Долго они так тешатся, но в конце концов утомил Тан-батыр дива. Чувствует див, что-то не так. «Погоди, – думает, – как бы он меня дальше-то совсем не сгубил. Надо домой пойти, отдохнуть малость». Говорит он Тан-батыру:

– Пойдем ко мне, перекусим слегка. А уж потом до конца биться будем.

Идут они к диву во дворец, едят, пьют там. Див, не зная, что бочки с волшебной водой переставлены, хлещет ту, которая силу убавляет. Тан-батыру подливает ту, которая силу прибавляет. После чего отправляются они обратно к золотому мосту. Ну, добрались. Див спрашивает:

– Тягаться или драться?

– Если тяжбы боишься, можно и подраться, – говорит Тан-батыр.

Идут на полянку возле моста. После чего кидают жребий – кому первым бить. Выпало диву начинать. Размахнулся див и так ударил, что Тан-батыр по щиколотки в землю ушел. Вытянул он ноги из земли и ударил в свою очередь: див по колени в земле завяз. Высвободил див ноги и так приложил, что Тан-батыр по самые колени увяз. Тан-батыр опять ударил, див по пояс в земле оказался. Барахтался, барахтался, выкарабкался-таки да и врезал Тан-батыру, что тот по пояс в землю врос. Пытается он из земли выбраться, да не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Беляш – пирог с мясной начинкой.

2.

Бай – богач.

3.

Муэдзин – священнослужитель, оглашающий время молитвы.

4.

Азан – призыв к молитве.

5.

Бешмет – верхняя мужская одежда.

6.

Лявеш – плоские круглые пирожки с пастилой или вареньем, испеченные в масле.

7.

Казан – котел.

8.

Абзый, абый – уважительное обращение к старшему по возрасту или по положению мужчине. Обычно употребляется между родственниками или близко знакомыми людьми в значении «дядя, дяденька».

9.

Никах – мусульманский религиозный обряд бракосочетания.

10.

Абзый, абый – уважительное обращение к старшему по возрасту или по положению мужчине. Обычно употребляется между родственниками или близко знакомыми людьми в значении «дядя, дяденька».

11.

Чепан – ватный стеганный халат; также тонкий халат из дорогой яркой ткани.

12.

Сэке – сплошные нары, обычно в переднем углу избы. Использовались вместо стола и кровати.

13.

Арба – телега.

14.

Тэнгре – языческий бог, бог неба.

15.

Гариб – нищий, бездомный, неимущий, голь.

16.

Зулькарнайн-падишах – прозвище Александра Македонского.

17.

Ага, агай – обращение к старшему по возрасту мужчине с оттенком почтительности.